

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

4

1 9 5 2

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

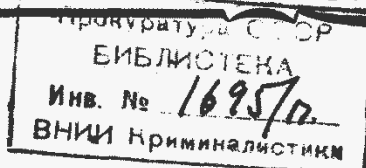
СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

ОРГАН МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ СССР,
ПРОКУРАТУРЫ СССР И ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

29-й ГОД
ИЗДАНИЯ

№ 4

АПРЕЛЬ
1 9 5 2

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОХРАНА ПРАВ ДЕТЕЙ В СССР

В. Тадевосян

Всемерная охрана интересов и прав детей в СССР является одной из важнейших задач Советского государства. Достижения советского народа и в этой области коммунистического строительства имеют всемирно-историческое значение.

В дни проведения Международной конференции в защиту детей в Вене (с 12 по 16 апреля 1952 г.), где прогрессивные представители трудящихся всего мира еще раз со всей энергией поднимают свой голос за прочный мир и за демократию, за защиту и охрану интересов детей, против поджигателей войны, против нищеты и эксплуатации детей в капиталистических и колониальных странах, против бесчеловечного обращения с детьми, против зверского убийства их в Корее американскими империалистами, — советский народ с гордостью оглядывается на пройденный им путь государственной охраны интересов и прав детей, Советское государство вновь и вновь показывает исключительные образцы заботы о материнстве и детстве.

Обзор мероприятий по государственной охране прав и интересов детей в СССР, показ достижений советского народа в этой области является особо актуальным в наши дни, когда все взоры трудящихся людей мира, разделенного на два лагеря, обращены на нашу страну, когда пример Советского Союза, страны счастливого детства, вдохновляет сотни миллионов прогрессивных людей на борьбу за мир, в защиту детства, против поджигателей новой войны.

«На призыв Международной демократической федерации женщин защищать детей от угрозы новой войны, — говорит заместитель председателя Антифашистского комитета советских женщин т. Н. Парфенова в связи с подготовкой к Международной конференции в защиту детей, — во всех концах земного шара поднимаются матери, ученые, общественные и государственные деятели, все, кому дороги судьбы и будущее детей» («Правда» 16 февраля 1952 г.).

К Международной конференции в защиту детей готовились все, кому дороги интересы мира и демократии, интересы детей, жизнь и здо-

ровые которых подвергаются смертельной опасности там, где империалистические хищники поджигают войну и где им удается беспощадно сеять смерть и разрушения в городах и селах миролюбивых народов.

Общественности Советского Союза есть о чем поговорить на Международной конференции с представителями трудящихся всего мира по вопросам государственной охраны прав и интересов детей. Пример Советского Союза в борьбе за счастье детей трудящихся является поучительным уроком для тех народов, дети которых бесконечно страдают в тисках капиталистического гнета и эксплуатации.

Участницы Московской сессии совета Международной демократической федерации женщин в ноябре 1949 года правильно указывали на то, что СССР «окружает детей такими заботами, каких нет нигде в мире. Охрана материнства и детства в СССР еще долго будет служить примером для всех стран мира» (журнал «Советская женщина» 1949 г., № 6, приложение, стр. 22). А в резолюции сессии Совета «Об установлении Международного дня детства» было предложено «широко знакомить трудящихся всех стран мира с разрешением детской проблемы в Советском Союзе и с достижениями в области просвещения и охраны детства в странах народной демократии».

Разрешение «детской проблемы» стало возможным в СССР только благодаря победе Великой Октябрьской социалистической революции. То, что сделано и делается Советским государством для счастья детей, становится особо ощутимым, когда сравнивается жизнь детей в СССР с жизнью их в капиталистических странах.

Еще до рождения ребенка Советское государство заботится о нем, об его матери, об их здоровье, о материальных условиях их существования. Руководствуясь исключительной заботой о здоровье матери и ребенка, Советское государство запретило производство аборта, установило помощь беременной женщине и матери ребенка на весь период воспитания его. Эта помощь носит различный характер: в известных случаях она оказывается самим государством, например, в виде пособий одинокой и многодетной матери, в виде отпуска для беременной женщины до рождения ребенка и дополнительного отпуска после рождения ребенка. Помощь государства матери и ребенку многообразна и разнообразна, начиная от советов в детских консультациях органов здравоохранения и от медицинской помощи, оказываемой в многочисленных родильных домах, и кончая всеобщим обязательным обучением детей в школах, а также награждением матерей орденами, медалями и почетным званием «Мать-героиня».

Однако этим не исчерпывается государственная охрана интересов и прав детей в СССР. Государство установило нормы, согласно которым родители обязаны воспитывать и содержать детей. Ряд законов охраняет права детей как в области имущественных отношений, так и в области трудовых и других отношений. За нарушение прав детей установлена в ряде случаев уголовная ответственность нарушителей.

Законы Советского государства о детях и повседневное осуществление их пронизаны заботой о счастливой жизни наших детей, — детей, никогда не знавших капиталистической эксплуатации, голода и нищеты.

Какова же картина существования детей в странах капитала и в их колониальных владениях? На конференциях в защиту детей, которые происходили в различных странах накануне Международной конференции в Вене, указывалось на дальнейшее ухудшение положения детей трудящихся во всех даже самых «передовых» капиталистических странах. Миллионы детей голодают; беспросветная нищета является причиной того, что десятки миллионов детей не учатся, влачат жалкое суще-

ство
ленн

ненн
имек
вать
личес
ные
беше

всех
в то
вают
магн
треб
расх
нее

дом
ного
раз
общ
нем
1952

ние
ных
обес
та
лиш

195
жиз
вол

уни
кап
ным
Наи
лио
суп
пит

ляж
То
гит
ка
соб
тор
раз
322
для
ще
скс
то
1*

ствование, подвергаются жестокой эксплуатации, совершают многочисленные преступления.

И неудивительно. Ведь даже те семьи в империалистических Соединенных Штатах Америки, которые в отличие от семей безработных имеют в своем составе работающего кормильца, вынуждены существовать при непрерывном росте дороговизны и одновременном резком увеличении налогового обложения, которое призвано покрывать колоссальные расходы на ведение бесчеловечной агрессивной войны в Корее и на бешеную подготовку новой мировой войны.

Расходы на войну в бюджете США составляют, как известно, 80% всех расходов. И в то же время на социально-культурные мероприятия, в том числе на школьное образование, на здравоохранение затрачиваются буквально крохи с господского стола американских финансовых магнатов. Трумэн в своем очередном бюджетном послании конгрессу требует сократить расходы на здравоохранение до 0,4% бюджетных расходов. А затраты на просвещение в новом бюджете составляют менее одного процента всех расходов.

Налоги же с населения «в США по сравнению с 1943 военным годом возросли в три раза и достигают 60 млрд. долларов. Ставки подоходного налога с низкооплачиваемых слоев населения повысились в 8—10 раз против довоенного периода. В Англии в текущем бюджетном году общая сумма налоговых поступлений по сравнению с довоенным уровнем возросла в пять раз» (см. статью А. Алексеева, «Правда» 10 марта 1952 г.).

Наряду с огромным увеличением налогового бремени резкое падение покупательной способности доллара (в декабре 1951 г. — 43 довоенных цента), который продолжает катиться вниз по пути дальнейшего обесценения (см. статью И. Филиппова и Е. Латошко, «Правда» 10 марта 1952 г.), ведет к дальнейшему обнищанию трудящихся и к новым лишениям для детей в семьях американских рабочих и крестьян.

«В США, например, розничные цены на продукты питания к концу 1951 года более чем вдвое превысили довоенный уровень, а стоимость жизни повысилась по сравнению с довоенной на 176% (см. ст. И. Сиволапа, «Большевик» 1952 г., № 4, стр. 40).

В то время как американские бизнесмены в погоне за наживой уничтожают тысячи тонн продовольствия, миллионы детей в странах капитала голодают и умирают от истощения. «Даже по заниженным данным Экономического и Социального Совета Организации Объединенных Наций, которые сам Совет называет весьма неполными, более 80 миллионов детей в капиталистических странах влечат жалкое, нищенское существование» (М. Овсянникова, «Трагическое положение детей в капиталистических странах» 1950 г., стр. 13).

И в то же время дети, как источник дешевой рабочей силы, являются предметом торговли со стороны «просвещенных» американцев. Торгуют они не только детьми советских граждан, угнанными в рабство гитлеровскими варварами (см. об этом в статье А. Палладина «Американские торговцы детьми», «Известия» 22 февраля 1951 г.), но и своими собственными, американскими детьми. «В Соединенных Штатах Америки торговля детьми стала одной из неотъемлемых черт «американского образа жизни». Установилась даже покупная «стандартная цена» — 322 доллара за ребенка, как раз столько, сколько необходимо матери для уплаты врачу и за пребывание в родильном доме, и ни цента больше. Продажная цена — 4000 долларов... Одним из главарей нью-йоркского рынка по торговле детьми является адвокат Маркус Сигель, который уже сколотил на этом деле кругленькую сумму — полмиллиона дол-

ларов. Где же мастера этих чудовищных, казалось бы, невозможных в цивилизованном обществе сделок берут то, что они на своем жаргоне работорговцев называют «товаром». Ответ прост. Жертвой обычно оказываются незамужние матери» (газета «За прочный мир, за народную демократию», 30 ноября 1951 г.).

У этих несчастных матерей бизнесмены покупают их «незаконно-рожденных» детей, а затем выгодно продают в рабство. Газета сообщает, что это не какой-то редкий случай, что подобные Маркусу Сигелю дельцы оперируют в большинстве крупных городов во всех 48 штатах.

О чудовищной эксплуатации труда малолетних детей в империалистических странах и особенно в их колониях много писалось у нас (см., например, указанную выше книжку М. Овсянниковой). Международная конференция в защиту детей поднимает свой голос против бесчеловечного обращения с маленькими детьми, которых во многих странах заставляют работать по 10—12 и больше часов в сутки.

«В Египте,— говорится в указанной книжке М. Овсянниковой,— насчитывается 1,5 миллиона нищих, почти треть из них дети. Здесь процветает эксплуатация детского труда. Согласно законодательству, дети могут работать в промышленности с 10 лет, фактически же они работают с 6—7-летнего возраста. Для детей установлен десятичасовой рабочий день. Призрак голода бродит по Иранской земле. Законов об охране материнства и детского труда в Иране не существует. Красивые иранские ковры — это пот, слезы и кровь маленьких иранских тружеников, вынужденных работать с четырехлетнего возраста. Смертность детей составляет 80% от рождаемости. Толпы голодных женщин с детьми коцуют по пустынным дорогам» (стр. 19—20).

Такова картина жизни детей не только в отсталых странах Востока. Западная «цивилизация» принесла не меньше горя и страданий детям. Особенно показателен в этом отношении рост детской и юношеской беспризорности и преступности в США и Англии.

В отчете конгресса производственных профсоюзов за 1949 год говорится, что в США ежегодно предстает перед судом до одного миллиона преступников-подростков (см. ст. А. Пискунова, «Советская педагогика» № 10 1951 г., стр. 106).

В Англии в 1948 году 26 715 мальчиков и девочек в возрасте ниже 14 лет и 16 991 в возрасте от 14 до 17 лет были признаны виновными и подлежащими суду. Соответствующие цифры в 1947 году были 21 152 и 13 861 (там же, стр. 102, ст. В. Грачева). Эти цифры показывают резкий рост детской преступности в послевоенный период. В. Грачев приводит следующие данные из английского журнала (за 1948 год): «В 1946 году в одном из районов столицы из 3 842 человек, арестованных за взлом магазинов, 2 552 (т. е. две трети) были моложе 21 года, около одной трети были школьники. Детей в возрасте от 8 до 13 лет, арестованных за воровство и взломы, насчитывалось 3 452». И это не ошибка, не опечатка, а факт, что в «просвещенной» Англии 8-летних детей арестовывают и судят по закону.

Перед лицом подобных и многочисленных других не менее разительных данных о тяжелой жизни детей в странах антидемократического, империалистического лагеря действительно счастливая жизнь советских детей по справедливости представляется всему прогрессивному человечеству величайшим завоеванием трудящихся СССР.

Еще в 1933 году товарищ Сталин в беседе с полковником Робинсом говорил: «Наше государство отличается от всех других государств тем, что оно не жалеет средств на хороший уход за детьми и хорошее воспитание молодежи» (Соч., т. 13, стр. 269).

риод
саму
терия
воспи
пред
шил
было
дарс

1935
чайн
в СС

бедс
же
нялк
детя
стви
неум
сто

охр
вос
тра
ным
нов
уве
сят
28,8
нок

ны
«Я
раз

ли
стр

и
но

со
ри
ски

на
пи
и

ге
те
лс
эт
де

Советское государство в тяжелые годы гражданской войны, в период страшной засухи и неурожая в Поволжье в 1921 году оказывало самую энергичную помощь детям, затрачивая на это дело большие материальные средства. Организацией целой сети детских учреждений для воспитания бездомных детей, другими мерами по устройству детей и по предупреждению детской беспризорности Советское государство решило большую и важную проблему, разрешение которой не под силу было бы ни одному даже самому богатому капиталистическому государству.

В историческом постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 31 мая 1935 года была поставлена и к 1941 году в основном разрешена величайшая и гуманнейшая задача ликвидации детской беспризорности в СССР.

Вторжение фашистских варваров в СССР принесло неисчислимые бедствия для советских детей. И только благодаря тому, что с первых же дней Великой Отечественной войны Советское Правительство приняло ряд мер по устройству детей, оставшихся без родителей, оказывало детям материальную помощь, организовало снабжение их продовольствием и другими товарами, размеры бедствий и несчастья, которые неумолимо принесла детям война, были резко уменьшены, а многие жестокие удары суровой войны отведены от детей.

Советские законы о всеобщем обязательном обучении детей, об охране их здоровья, о мероприятиях по внешкольному и по физическому воспитанию детей неуклонно проводятся в жизнь, на это государство затрачивает огромные средства. В утвержденном 8 марта 1952 г. Верховным Советом СССР государственном бюджете СССР на 1952 год ассигнования на социально-культурные мероприятия попрежнему неуклонно увеличиваются. На просвещение предусмотрено израсходовать шестьдесят миллиардов рублей, на здравоохранение и физическую культуру 28,8 миллиарда рублей, на государственные пособия многодетным и одиноким матерям — 4,5 миллиарда рублей.

Эти факты еще раз подтверждают слова товарища Сталина, сказанные в беседе с полковником Робинсом около двадцати лет тому назад: «Я думаю, что нигде нет такой заботы о ребенке, о его воспитании и развитии, как у нас, в Советском Союзе» (Соч., т. 13, стр. 270).

Предпосылкой для создания материально-культурных условий счастливой жизни советских детей явились ликвидация эксплуататорского строя, строительство социализма в нашей стране.

«Социализм означает не нищету и лишения, а уничтожение нищеты и лишений, организацию зажиточной и культурной жизни для всех членов общества» (Сталин, Соч., т. 13, стр. 357—358).

Понятно поэтому, что именно в условиях СССР, великой страны социализма, оказалось возможным действительное осуществление исторических задач ликвидации нищеты, голода и эксплуатации детей, детской беспризорности, безнадзорности и преступности.

Забота о матери и ребенке является в Советском Союзе делом всего народа. Советское государство повседневно помогает родителям в воспитании детей и осуществляет важную задачу по охране интересов и прав советских детей.

М. И. Калинин в апреле 1945 года при вручении орденов «Матерей-героиня» группе женщин, родивших и воспитавших десять и более детей, говорил: «При старом царском режиме большое число детей являлось для трудящихся людей тяжелым бременем, потому что государство этими людьми не интересовалось, о них не заботилось. Советское государство, для которого интересы трудящихся выше всего, оно, естествен-

но, с особым вниманием и заботой относится к тем, кто несет тяготы рождения детей и тяжелый труд воспитания из них советских граждан» (газета «Известия» 17 апреля 1945 г.).

Перед судом и прокуратурой, как органами Советского государства, всегда стояли и стоят в настоящее время большие задачи по охране прав и интересов детей. Указанные выше прекрасные мероприятия Советского государства проводятся в жизнь путем издания соответствующих законов и других законодательных актов, на страже точного исполнения которых стоят суд и прокуратура.

Советский закон устанавливает, что ни один ребенок, лишившийся родительского попечения (вследствие смерти родителей и по другим причинам), не должен остаться без устройства на воспитание в детском учреждении или в семьях трудящихся в порядке опеки, усыновления или патроната. Этот закон соблюдается повсеместно органами местных исполнительных комитетов советов депутатов трудящихся с помощью общественных организаций (комсомола, профсоюзов). Однако отдельные факты нарушения, неисполнения требований этого закона нерадивыми должностными лицами исполкомов являются еще и до сих пор причиной того, что время от времени появляются на улицах или на базарах наших городов отдельные беспризорные дети. Органы прокуратуры ведут борьбу с указанными нарушениями закона, требуя в порядке осуществления общего надзора за исполнением законов безусловного и немедленного устройства в детские учреждения или в семьи трудящихся беспризорных детей, а иногда и безнадзорных детей, если родители не в состоянии обеспечить воспитание их и сами просят об устройстве детей, не подчиняющихся родителям и совершающих мелкие кражи и другие проступки, на воспитание в детские учреждения.

Советский закон требует наказания должностных лиц детских учреждений, применяющих антипедагогические методы воздействия на детей, закон требует сурового наказания лиц, расхищающих государственные средства, отпущенные для содержания детей. Факты таких преступлений еще не изжиты в наших детских домах, в детских садах, яслях, а также в ремесленных и железнодорожных училищах и школах ФЗО, которые, как известно, за государственный счет содержат и обучают миллионы советских подростков, подготавливая их к труду и давая им соответствующую трудовую квалификацию для работы в промышленности, на транспорте, в сельском хозяйстве. Органы прокуратуры с помощью ревизионных органов и по сигналам общественности и отдельных граждан выявляют таких нарушителей советского закона и привлекают их к судебной ответственности. Советский суд применяет к ним строгое наказание и тем самым содействует успешной борьбе за ликвидацию подобных, хотя и редких, но нетерпимых и позорных в советской действительности фактов обворовывания детей и других преступлений против них.

Советский закон обязывает родителей давать средства на содержание и воспитание своих детей. В случае неплатежа средств на содержание детей и при невыполнении родителями своих обязанностей по содержанию детей алименты взыскиваются в судебном порядке, злостные неплательщики алиментов привлекаются к уголовной ответственности, и такие родители могут быть лишены судом родительских прав.

Суд и прокуратура внимательно и заботливо разбираются в заявлениях матерей о розыске отцов, скрывающихся от уплаты алиментов, разыскивают их при помощи органов милиции и привлекают к ответственности. Дела о взыскании алиментов рассматриваются в суде, и решения суда приводятся в исполнение. Как известно, из заработной платы

отва
по
мен
и н
тан

вот
око
чил
ной
ват

усл
сто
щи
тел
все
вет
нос
и д
ще
ада

рас
при
воз
ни
исг
тру
на
и т
ле

ча
ше
бы

ны
ле
см
мь

за
об
де
ну
бо
и

ль
ро
вл
но

бь

ответчика до 50% может быть взыскано на покрытие задолженности по алиментам. Все эти и многие другие, связанные со взысканием алиментов мероприятия направлены на наибольшую охрану интересов детей и на то, чтобы поднять у родителей чувство ответственности за воспитание детей.

Советский закон о всеобщем обязательном обучении, действующий вот уже свыше двадцати лет, обязывает обучать детей в школах до окончания ими семилетнего образования. Советское государство обеспечило проведение в жизнь этого важнейшего решения созданием огромной сети школ по всей стране, подготовкой миллионной армии преподавателей и т. д.

Прокуроры осуществляют надзор за тем, чтобы своевременно и безусловно устранялись имеющиеся места нарушения этого закона как со стороны местных органов власти и управления, не всегда обеспечивающих вовлечение всех детей в школу, так и со стороны отдельных родителей, не посылающих детей в школу. Подобных фактов становится все меньше и меньше. Тем не менее каждый такой факт вызывает соответствующее реагирование органов государства и советской общественности, которые оказывают необходимую помощь указанным родителям и детям, воздействуют на родителей, нарушающих закон, путем мер общественного воспитания, а в некоторых случаях к ним применяется административное воздействие (штраф).

Советский закон запрещает применение наемного труда детей в возрасте до 16 лет. С 14 до 16 лет подростки могут работать для обучения, причем рабочий день для них ограничен шестью часами. С 16-летнего возраста несовершеннолетние могут работать наравне с совершеннолетними рабочими, т. е. по 8 часов в день, однако, труд их не может быть использован на тяжелых или вредных для их здоровья работах. Оплата труда подростков производится полностью по их выработке. Ряд мер, направленных на охрану труда подростков, на бытовое устройство их и т. д., обеспечивает нормальные условия работы подростков в промышленности и сельском хозяйстве.

Органы прокуратуры и суд зорко следят за тем, чтобы ни один случай нарушения трудовых прав подростков не остался без соответствующего воздействия по закону, чтобы нарушители законов о труде детей были строго наказаны.

Советский закон охраняет имущественные, в частности, наследственные права детей, которых, например, до достижения ими совершеннолетия нельзя лишить наследства. Органы прокуратуры и суды при рассмотрении гражданских споров точно соблюдают и этот закон и тем самым обеспечивают действительную охрану интересов детей.

Советский закон устанавливает суровую уголовную ответственность за преступления против детей, за вовлечение их в кражи и другие антиобщественные поступки. Вместе с тем, в целях быстрой ликвидации детской преступности в СССР, закон 7 апреля 1935 г. установил уголовную ответственность несовершеннолетних с 12-летнего возраста за наиболее опасные преступления, совершаемые отдельными беспризорными и безнадзорными детьми.

Осуществляя борьбу с этими преступлениями и особенно со взрослыми преступниками, являющимися организаторами преступлений подростков, органы прокуратуры и суды избавляют от их вредоносного влияния всех остальных советских детей и тем самым способствуют полной ликвидации детской преступности в СССР.

Несовершеннолетние, осужденные судом к лишению свободы, отбывают эту меру наказания в специально организованных для них

трудовых колониях, где они получают среднее образование в школе, трудовую квалификацию в мастерских колоний и коммунистическое воспитание, организованное примерно так же, как и в других детских учреждениях (детских домах, ремесленных училищах и т. д.). По отбытии наказания, воспитанники трудовых колоний трудоустраиваются на фабриках и заводах и в сельском хозяйстве, если у них нет родителей.

Вся эта, далеко не полностью перечисленная сумма мероприятий, установленных советскими законами для всемерной защиты и охраны интересов и прав детей граждан СССР, должна находиться и постоянно находится в сфере прокурорского надзора за законностью, осуществление этих законов должно обеспечиваться и постоянно обеспечивается повседневной работой суда. Однако, не везде и не всегда нарушения законов о защите и охране прав детей встречают должный отпор и суровое, нетерпимое отношение со стороны блюстителей советских законов — прокуроров и судей.

Печать и жалобы граждан нередко сигнализируют о случаях формально-бюрократического отношения отдельных следователей, прокуроров, судей, судебных исполнителей к расследованию преступлений и рассмотрению дел, в которых затрагиваются интересы детей (например, дела о хищениях средств, отпущенных для содержания детей в детских учреждениях, дела о взыскании алиментов, дела о преступлениях несовершеннолетних и др.).

Президиум Верховного Совета СССР 16 декабря 1947 г., обсудив доклад тов. К. Горшенина о недостатках в деле взыскания средств (алиментов), присужденных судами на содержание детей, «поручил Министру юстиции СССР, Министру внутренних дел СССР и Генеральному Прокурору СССР принять необходимые меры к строгому и точному соблюдению действующих законов по охране материнства и детства как лицами, уклоняющимися от выполнения своих родительских обязанностей, так и всеми органами суда, прокуратуры и милиции, а также должностными лицами государственных учреждений, предприятий и общественных организаций» («Ведомости Верховного Совета СССР» 1947 г., № 44).

Чуткого, внимательного и бережного отношения требуют Партия и Правительство от каждого советского работника, занимающегося вопросами охраны материнства и детства, вопросами защиты прав и интересов детей в нашей стране. Это требование в равной мере относится и к работникам органов юстиции и прокуратуры.

В дни проведения Международной конференции в защиту детей советские люди, подводя итоги историческим достижениям СССР в борьбе за счастливое детство, мобилизуют все свои силы и внимание на полное осуществление и точное исполнение советских законов, охраняющих интересы детей.

С
социа
перех
Е
и инт
жуш
ства,

мени
ся то
Все
новы
щест
родн

ния
смыс
Союз
коно
в об
новл
все

шей
свои
ност
кое
ном
Ста
сам
инте
сам

Мин
тия
гор

инт
чел

ска
жие
нар
сво

СТРОГО ОХРАНЯТЬ ИНТЕРЕСЫ ГОСУДАРСТВА

С. Бордонов

Советский народ, руководимый партией Ленина—Сталина, построил социализм и в настоящее время успешно осуществляет постепенный переход к коммунизму.

В нашей стране дружественно сотрудничают рабочие, крестьяне и интеллигенция. «На основе этой общности и развернулись такие движущие силы, как морально-политическое единство советского общества, дружба народов СССР, советский патриотизм»¹.

В процессе борьбы за торжество коммунизма в СССР в корне изменилось мышление советских людей. Их отличительной чертой является товарищеская взаимопомощь, сознание высокого гражданского долга. Все общественное сознание в нашей стране развивается под знаменем новых великих идей, рожденных гением Сталина. Социалистическое общество воспитывает людей совершенно нового типа, обладающих благородными качествами.

Коммунистическая партия подняла трудящиеся массы до понимания общегосударственных интересов, в борьбе за которые они видят смысл своей жизни. Борьба за дальнейшее укрепление Советского Союза, его экономический и культурный расцвет, является высшим законом, определяющим поведение тружеников социалистической родины в общественной и личной жизни. Забота о благе советской родины вдохновляет рабочий класс, колхозное крестьянство и интеллигенцию на все новые и новые трудовые подвиги.

В росте могущества родного советского государства трудящиеся нашей страны видят личное счастье, источник всестороннего развития своих способностей и удовлетворение материальных и духовных потребностей. В СССР тесно сочетаются личные и общественные интересы. Такое сочетание вытекает из самой сущности советского общества, его экономических и политических основ. «...Социализм,— говорит товарищ Сталин,— не отрицает, а совмещает индивидуальные интересы с интересами коллектива. Социализм не может отвлекаться от индивидуальных интересов. Дать наиболее полное удовлетворение этим личным интересам может только социалистическое общество»².

Сообщение Центрального Статистического Управления при Совете Министров СССР об итогах выполнения государственного плана развития народного хозяйства СССР в 1951 году показывает новые широкие горизонты в борьбе за полное торжество коммунизма в нашей стране.

Такая забота о благе народном, сочетание личных и общественных интересов возможны лишь в стране, уверенно шагающей к вершинам человеческого счастья.

В своих письмах к товарищу Сталину рабочие, колхозники и советская интеллигенция сообщают о новых производственных успехах. Вся жизнь советских людей проникнута пафосом мирного труда. Советский народ, под руководством большевистской партии, крепит могущество своей родины, стоящей во главе лагеря мира, демократии и социализма.

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 589.

² Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10, стр. 602.

Социалистическое государство, являясь главным орудием построения коммунизма в стране, научно организует процессы народнохозяйственной жизни. Партия Ленина—Сталина—руководящая и направляющая сила советского общества,—цементирует волю трудящихся масс в борьбе за достижение задач, стоящих перед нашим народом.

Социалистическое государство, всемерно оберегая права каждого советского человека, неусыпно стоит на страже общенародных интересов.

Государство не может мириться с каким бы то ни было проявлением пренебрежения отдельных лиц к общественному благу. Борьба против этих проявлений, отражающих частнособственнические пережитки, является важным началом в работе всех органов социалистического государства на данном этапе.

«В настоящее время в работе государственных органов выдвигаются на первый план хозяйственно-организационная и культурно-воспитательная работа, укрепление советской законности, борьба против частнособственнических пережитков, борьба за дальнейшее укрепление социалистической собственности и повышение государственной дисциплины во всех областях нашей деятельности»¹.

В системе органов нашего государства важную роль играет советский суд, который всей своей деятельностью воспитывает граждан СССР в духе преданности родине и делу коммунизма, в духе точного и неуклонного исполнения советских законов, бережного отношения к социалистической собственности, дисциплины труда, честного отношения к государственному и общественному долгу, уважения к правилам социалистического общежития.

Борясь с происходящими еще отдельными преступными посягательствами на социалистическую собственность, государственную и трудовую дисциплину, с извращениями Устава сельскохозяйственной артели, с обманом государства, суд стоит на страже интересов народа, всего социалистического общества.

Советский суд не только наказывает преступников, он тщательно выясняет условия, при которых стало возможно то или иное незаконное действие. Забота о благе народном направляет деятельность советского суда по пути дальнейшего укрепления социалистической законности.

Весомой и зримой в этом отношении является деятельность многих наших судов. Активно и на должном уровне организуют свою работу многие суды Московской, Ивановской, Минской, Саратовской, Сталинградской, Ярославской, Свердловской, Челябинской и других областей.

Наряду с этим, отдельные суды все еще допускают ошибки в своей работе, не по-государственному иногда оценивают некоторые явления, ставшие предметом их рассмотрения. Очевидно, что в подобных случаях суд не выполняет задач, возложенных на него государством. Можно сослаться на некоторые примеры, раскрывающие этого рода ошибки в работе отдельных судов.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР изменила приговор Красноярского краевого суда в отношении Суского и Горбачевича, которые были осуждены за выпуск недоброкачественной продукции. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР расценила действия Суского и Горбачевича как халатность и переквалифицировала состав их преступления со ст. 128-а УК РСФСР на ст. 111 УК РСФСР. Что же касается третьего обвиняемого Воловика,

¹ Г. М. Маленков, Информационное сообщение о деятельности ЦК ВКП(б) на информационном совещании представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 г.

акти
в от
Волс
уста
тиче
стро
фликт
колл
это
ству
10 и
плек
обяз
нием

пози
Арм
Упр
взыс
кинс
гово
В с
услу
день
смот
вып
неос
суда
ровс
нии
он п
зу I
глас

кра
в сс
о н
Шт
ника
труд
и п
Шт
при
ло
суд
ники

уяс
бов
и н
к в
злц

к н
По

активно помогавшего совершать это преступление, то судебная коллегия в отношении него вовсе прекратила дело (Красноярским краевым судом Воловик был осужден по ст. 109 УК РСФСР). Между тем, по делу было установлено, что Суский, Горбачевич и Воловик виновны в систематическом выпуске и отгрузке недоброкачественного цемента важным стройкам Урала. Более того, паспорта о качестве цемента выписывались фиктивные и вместе с цементом направлялись потребителю. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР, рассматривая это дело, не учла интересов социалистического государства, руководствуясь которыми Президиум Верховного Совета СССР в указе от 10 июля 1940 г. указал, что выпуск недоброкачественной или некомплектной промышленной продукции и выпуск продукции с нарушением обязательных стандартов является противогосударственным преступлением, равносильным вредительству.

Нельзя обойти молчанием неправильную, несоответствующую закону позицию судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Армянской ССР по делу о взыскании в пользу Штейнберга 20.000 рублей. Управление по охране авторских прав Армянской ССР просило суд взыскать в пользу Штейнберга 20.000 руб., невыданных ему Ереванской киностудией. Требования, заключающиеся в иске, основывались на договоре, заключенном между Штейнбергом и Ереванской киностудией. В свое время киностудия расторгла данный договор, отказавшись от услуг Штейнберга, и получила с него обратно выданные ему авансом деньги. Народный суд 1 участка Кировского района г. Еревана, рассмотрев иск управления по охране авторских прав, обязал киностудию выплатить Штейнбергу 8080 руб., в остальной части иск был признан неосновательным. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда Армянской ССР отменила решение народного суда 1 участка Кировского района в части отказа Штейнбергу в иске, указав в определении на несостоятельность доводов народного суда, исходя из которых, он пришел к такому выводу. При новом рассмотрении этого дела в пользу Штейнберга присуждено еще 4000 руб. С последним решением согласилась и судебная коллегия Верховного суда Армянской ССР.

Судьи, участвовавшие в решении данного дела, формально-бюрократически подошли к выполнению своих обязанностей. Они не вникли в содержание договора, руководствуясь которым, они пришли к выводу о необходимости взыскать с государственной организации в пользу Штейнберга свыше 12.000 рублей. Достаточно было бы судебным работникам обратить внимание на эту сторону дела, и они без особого труда заметили бы, что сам договор заключен с нарушениями закона и поэтому не может служить основанием для удовлетворения претензий Штейнберга. Руководствуясь ст. 30 ГК Армянской ССР, суд должен был признать договор незаконным. Неосновательное обогащение должно было быть взыскано в доход государства. Очевидно, что в данном случае судебные работники политически и юридически не осмыслили суть возникшего спора и допустили забвение государственных интересов.

Подобные факты говорят о том, что некоторые судьи недостаточно уяснили необходимость исследовать каждое обстоятельство в свете требований закона, решительно пресекать любые попытки обойти его и нанести ущерб государству. Отступление от этого требования приводит к весьма серьезным ошибкам. Решение суда используется для легализации противозаконных действий отдельных лиц.

Негосударственный подход к рассмотрению некоторых поступающих к нему исков допускает и Смоленский областной суд. Вот один пример. По иску Зонтовой Смоленский областной суд разделил дом между нею

и Зонтовым. Между тем, из материалов дела было видно, что спорный дом выстроен на деньги, полученные в банке в качестве кредита. К моменту рассмотрения иска в суде кредит банку не был погашен. Суд игнорировал ст. 12 правил кредитования индивидуального жилищного строительства. По этим правилам ссудополучатель не имеет права до погашения полученной ссуды продать или передать выстроенное за счет ссуды имущество без разрешения банка. Однако, суд, разделив дом между Зонтовыми, не выяснил отношения банка к этому вопросу и тем самым допустил забвение интересов государства, которые могут быть существенно нарушены изменением в составе субъектов прав на указанное имущество.

В постановлении Совета Министров СССР и Центрального Комитета ВКП(б) от 19 сентября 1946 г. «О мерах по ликвидации нарушений устава сельскохозяйственной артели в колхозах» отмечены серьезные нарушения основного закона колхозной жизни. Эти нарушения осуждались как противоклхозные и противогосударственные. Постановление предписывает привлекать нарушителей устава к судебной ответственности, как уголовных преступников. Партийные, советские органы, в том числе и судебные, провели большую работу по устранению нарушений устава сельскохозяйственной артели. Значительно укрепилась законность в деятельности органов управления колхозами. Улучшилась охрана колхозной собственности. Однако и сейчас еще бывают нарушения устава сельскохозяйственной артели. Нередко нарушения эти носят злобный характер. Суды не всегда ведут должную борьбу с этим опасным видом преступления.

Вот одно из дел, рассмотренных Андижанским областным судом Узбекской ССР. По приговору этого суда был осужден по ст. 140, ч. 1, УК Узбекской ССР председатель правления колхоза имени Кирова Кузиев. Он был признан виновным в систематическом разбазаривании колхозной земли, неправильном расходовании артельных средств и нарушении демократических основ управления колхозом. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Узбекской ССР отменила приговор областного суда по делу Кузиева, его действия почему-то были расценены, как халатность. В соответствии с этим совершенное Кузиевым преступление было переквалифицировано со ст. 140 УК, ч. 1, на ст. 143 УК Узбекской ССР. Возникает вопрос, как это можно было по халатности разбазаривать колхозную землю, неправильно расходовать общественные деньги и нарушать демократические основы управления колхозом. Подобными определениями Верховный суд Узбекской ССР сбивает с толку народные суды. Такой подход к делу не обеспечивает решительной борьбы с нарушениями основного закона колхозной жизни.

В СССР неуклонно снижается преступность. Советский правопорядок и социалистическая законность с каждым днем все больше и больше укрепляются. Дальнейшие успехи коммунистического строительства в нашей стране создают условия для еще более успешной и эффективной борьбы со всякого рода нарушениями советских законов. Наш суд, являющийся мощным орудием по обеспечению этой задачи, успешно выполняет свою роль, если он, руководясь законом, будет строго охранять интересы государства.

В !

жет
след
тор
вернот
«В
отк
ных
нес
закс
если
имуства
иму
дарства
или
слу
мес
ести
к п
ств
сячнен
от
зав
нас
ла,
кр
ств
пр
ств
за
ред
см:
к д
рез

ПОСЛЕДСТВИЯ НЕПРИНЯТИЯ НАСЛЕДСТВА В УСТАНОВЛЕННЫЙ СРОК И ОТКАЗА ОТ НАСЛЕДСТВА¹

А. М. Барышев А. Барышев

Принятию наследства противостоит непринятие его. Последнее может произойти как в форме прямого волеизъявления или отказа от наследства, так и фактических (несовершение наследником действий, которые свидетельствовали бы о принятии наследства или, наоборот, совершение действий, противоречащих желанию принять наследство).

Последствия непринятия наследства в установленный срок и отказа от наследства четко определены ст. 433 ГК, которая устанавливает: «В случае неявки в течение шести месяцев со дня открытия наследства, отказа от принятия наследства (за исключением случаев, предусмотренных ст. 424) или лишения завещателем права наследования одного или нескольких наследников, их доля переходит к другим наследникам по закону и делится между ними в порядке, установленном ст. 420 ГК, если только в завещании не указано, что завещатель оставляет все свое имущество назначенным им наследникам».

В случае неявки в установленный срок, отказа от принятия наследства или лишения завещателем права наследования всех наследников, имущество признается выморочным и переходит в собственность государства».

Следовательно, исходя из действующего законодательства, имущество признается выморочным только в том случае, когда нет наследников или все наследники завещателем лишены права наследования. В тех же случаях, когда, кроме наследников, не принявших наследство в шестимесячный срок, и наследников, отказавшихся от принятия наследства, есть другие наследники, не лишённые завещателем права наследования, к последним переходит доля наследников, как отказавшихся от наследства или не принявших наследства в установленный законом шестимесячный срок.

В первоначальной редакции ст. 433 ГК, т. е. до внесения в нее изменений в соответствии с указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 июня 1945 г., не предусматривала перехода доли наследников, отказавшихся от наследства, а равно и доли наследников, не принявших наследства в шестимесячный срок, — к другим наследникам, а указывала, что: «В случае неявки наследников в течение шести месяцев со дня открытия наследства, а равно и в случае отказа наследников от наследства (за исключением случаев, предусмотренных ст. 424), имущество признается выморочным и поступает в зависимости от характера имущества в распоряжение соответствующих органов государства или организаций, указанных во второй части ст. 418 ГК». Ст. 429 ГК в ее старой редакции, говоря о последствиях отказа от наследства, также не предусматривала перехода доли наследников, отказавшихся от наследства, к другим наследникам, а прямо указывала, что «доля отказавшегося переходит к государственным органам или организациям, упомянутым в

¹ Печатается в порядке обсуждения. Редакция.

ст. 432 настоящего Кодекса». Таким образом, как ст. 433 ГК, так и ст. 429 ГК в их старой редакции не предусматривали перехода доли наследников, отказавшихся от наследства, а равно и доли наследников, не принявших наследства в установленный срок, к другим наследникам, как это делает ст. 433 ГК в ее новой редакции.

Изменения, внесенные указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 июня 1945 г. в ст. ст. 433 и 429 ГК, находятся в полном соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1945 г. и свидетельствуют о дальнейшем укреплении и расширении наследственного права.

В свете изменений ст. ст. 433 и 429 ГК стал совершенно ясен вопрос не только о последствиях непринятия наследства в установленный срок и отказа от принятия наследства, но совершенно ясен стал и вопрос о правовой природе сроков, указанных в ст. ст. 430 и 433 ГК.

Исходя из точного смысла ст. 433 ГК в ее новой редакции, следует сделать вывод, что факт непринятия наследства наследником, отсутствующим в месте открытия наследства, в течение шести месяцев не только лишает его права на предъявление претензии о принятии наследства установленным законом способом, но и влечет за собой утрату им самого права на наследство. В результате наследственная доля такого наследника переходит к другим наследникам в виде приращения к причитающейся им доле, а при отсутствии других наследников или лишения их завещателем права наследования имущество признается выморочным и переходит в собственность государства. Из этого следует, что шестимесячный срок, предусмотренный ст. 430 ГК, является специальным сроком, с которым закон связывает и существование самого права на наследство.

Поэтому срок, установленный ст. 430 ГК, нельзя отождествлять со сроком исковой давности, предусмотренным ст. 44 ГК. Между сроком, предусмотренным ст. 430 ГК, и сроком исковой давности (ст. 44 ГК), как правильно указано в статье т. Хохлова «Вопросы наследственного права в судебной практике («Социалистическая законность» 1951 г., № 4) есть существенная разница. Если при истечении срока исковой давности лицо управомоченное утрачивает право на иск, но не теряет права на предмет иска, на самый объект права, — оно только лишается возможности осуществить свое право в принудительном порядке при помощи суда, то истечение срока, предусмотренного ст. 430 ГК, влечет за собой другие последствия, а именно: утрату наследником права не только на вступление в управление и владение наследственным имуществом в установленном законом порядке, но и утрату права на наследство.

Наличие этой существенной разницы между сроками, указанными в ст. ст. 430 и 433 ГК, и сроком давности, предусмотренным ст. 44 ГК, как правильно указано в брошюре К. Граве¹, явствует и из постановления Пленума Верховного суда СССР от 15 сентября 1942 г.

Так например, Пленум Верховного суда СССР, отвечая в лит. «з» п. 2 своего постановления от 11 января 1946 г. № 1(2)7 на вопрос о том, с какого времени наследственное имущество считается принятым отсутствующими наследниками, указывает на необходимость при исчислении установленного ст. 430 ГК шестимесячного срока иметь в виду постановление Пленума Верховного суда СССР от 15 сентября 1942 г. «О приостановлении в связи с обстоятельствами военного времени тече-

¹ К. Граве, «Вопросы наследственного права в практике Верховного суда СССР», изд. 1949 г., стр. 21—22.

ния с
РСФС

В
ся, чт
и соо
ливае
сроко
време
новле
нием
стано
тельн
ных [

допус
430 и
гласе
СССР
давн
кото

отде
Плен
ницу
давн
прав
тель
бенн
изме
от 1:

связ
ного
чени
ства
сро
спе
по
что
осн

суд
эти
в Л
дел
нас.

жис
как
лез
сро
ляе
хов

ния сроков, указанных для принятия наследства в ст. ст. 430 и 433 ГК РСФСР и соответствующих статьях ГК других союзных республик»¹.

В этом постановлении Пленума Верховного суда СССР указывается, что течение сроков, предусмотренных в ст. ст. 430 и 433 ГК РСФСР и соответствующих статьях ГК других союзных республик, приостанавливается в случае невозможности явки наследников в пределах этих сроков для принятия наследства в связи с обстоятельствами военного времени, которые подробно излагаются во вступительной части постановления, впредь до прекращения обстоятельств, послуживших основанием для приостановления течения срока на принятие наследства. В постановлении отмечается, что это приостановление имеет место «применительно к ст. 48 ГК РСФСР и соответствующим статьям ГК других союзных республик»².

Из того, что Пленум Верховного суда СССР считает возможным допустить приостановление шестимесячного срока, указанного в ст. ст. 430 и 433 ГК, лишь «применительно к ст. 48 ГК», а не в силу или согласно этой статье, можно сделать вывод, что Пленум Верховного суда СССР не решает поставить знак равенства между сроками исковой давности, о приостановлении которых говорит ст. 48 ГК, и теми сроками, которые установлены в ст. ст. 430, 433 ГК.

Поэтому ни в какой мере нельзя признать правильным утверждение отдельных работников юстиции о том, что указанное постановление Пленума Верховного суда СССР от 15 сентября 1942 г. сглаживает разницу между сроками, указанными в ст. ст. 430 и 433 ГК, и сроками давности (ст. 44 ГК), а наоборот, как нам представляется, относит правила ст. 48 ГК к срокам, указанным в ст. ст. 430 и 433 ГК, применительно, Пленум Верховного суда СССР подчеркивает эту разницу. Особенно очевидной, как указано, эта разница сделалась после внесения изменений в ст. 433 ГК указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 июня 1945 г.

Однако, в судебной практике при решении народными судами дел, связанных с правом наследования, нет твердого понимания установленного ст. 430 ГК срока для принятия наследства и последствий, если в течение этого срока наследник, отсутствующий в месте открытия наследства, наследства не примет. В одних случаях считают, что шестимесячный срок, предусмотренный ст. 430 ГК для принятия наследства, является специальным сроком, и как специальный срок не может быть продлен по правилам, предусмотренным ст. 49 ГК. В других случаях считают, что этот срок, как и общий давностный срок, может быть продлен на основании ст. 49 ГК.

Это разноречие в судебной практике народных судов и верховных судов союзных республик приводит не только к волоките при решении этих дел, но и к неправильному решению их по существу. Например, в Литовской ССР народные суды принимают к своему производству дела по искам о восстановлении шестимесячного срока для принятия наследства.

Так, Ужкурайтене обратилась в народный суд 2 участка г. Поневежиса с заявлением о восстановлении срока на принятие наследства, так как установленный законом шестимесячный срок она пропустила по болезни. Народный суд в восстановлении Ужкурайтене шестимесячного срока для принятия наследства отказал по мотивам, что этот срок является специальным и не может быть продлен. Судебная коллегия Верховного суда Литовской ССР определением от 9 марта 1949 г. опреде-

¹ «Судебная практика», вып. 1, стр. 5.

² Гражданский кодекс, изд. 1948 г., стр. 227—228.

ление народного суда отменила по тем мотивам, что срок гр-ка Ужкур-айтене пропустила по уважительным причинам, указав при этом, что при наличии уважительных причин может быть продлен на основании ст. 49 ГК и срок для принятия наследства, предусмотренный ст. 430 ГК. Народный суд 1 участка Дзержинского района г. Вильнюса определением от 15 августа 1949 г. удовлетворил заявление Воробьевой о продлении ей срока для принятия наследства, оставшегося после смерти ее брата Воробьева. Верховный суд Литовской ССР по протесту прокурора республики это определение отменил по тем мотивам, что народный суд без основания продлил срок, что из обстоятельств дела не усматривается серьезных причин для восстановления срока.

Иногда восстанавливают срок для принятия наследства в тех случаях, когда наследственное имущество как выморочное перешло к государству. Например, народный суд 2 участка Белопольского района Сумской области 29 июня 1949 г. удовлетворил иск Смирновой к отделу коммунального хозяйства о признании права наследования на дом, который, как выморочное имущество, был уже передан в коммунальный фонд.

Восстанавливаются сроки для принятия наследства и по тем причинам, что наследники находились в тюрьме, в силу чего принять наследство не могли. Так народный суд 2 участка г. Бельцы Молдавской ССР удовлетворил иск Чернобривец о восстановлении срока для принятия наследства по мотивам, что истец к моменту открытия наследства был в заключении, откуда вернулся по истечении трех лет, что пропуск срока суд признает уважительным, так как Чернобривец, узнав в 1945 г. об открытии наследства и будучи в заключении, не мог прибыть для принятия наследства.

Из этих примеров видно, что при рассмотрении судами дел о наследстве по-разному определяется понятие шестимесячного срока, предусмотренного ст. 430 ГК, и в зависимости от этого по-разному решается вопрос о распространении на этот срок правил, предусмотренных ст. 49 ГК.

Нет единой, твердой точки зрения по этому вопросу и в юридической литературе.

Интересно отметить, что, если в учебнике гражданского права для юридических вузов издания 1938 г. в главе «Исковая давность» (т. 1, стр. 159) на шестимесячный срок, установленный для принятия наследства (ст. 430 ГК), указывается, как на характерный пример, когда правила ст. ст. 48, 49 и 50 ГК не применяются, то в том же учебнике издания 1944 г. в аналогичной главе всякое упоминание о ст. 430 ГК полностью опущено (т. 1, стр. 116), а в главе «Наследственное право» указывается, что если наследник фактически не принял наследства в течение установленного шестимесячного срока, долей которого завладел другой или другие наследники, сохраняет за собой право требовать в судебном порядке свою долю от наследников, принявших наследство, в течение общего давностного срока в три года (т. 2, стр. 306).

Весьма определенная точка зрения относительно понимания шестимесячного срока для принятия наследства высказана проф. В. Серебровским в его работе «Наследственное право» издания 1924 г., в которой указывается, что сроки, установленные для принятия наследства и отказа от него (ст. ст. 429, 430 и 433 ГК) являются сроками преклюзивными и не подлежат приостановлению. Поэтому правила ГК об исковой давности (ст. ст. 48—51 ГК) говорит далее проф. Серебровский, к указанным срокам не применяются.

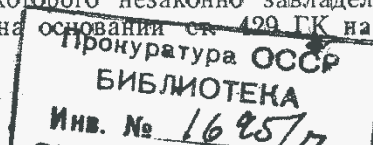
В
Сереб
устан
не гов
указы
рые м
ва при
цев с
следс
И
о посл
явки
дол
шествия
Э
вильн
сти м
право
завши
лем п
Г
Плен
нии I
его ч
в теч
имуш
дарст
дарст
шес
терян
и по
от 19
Плен
ленн
прав
ния
ние
для
ни в
зом,
охра
та».
толк
тех
и теч
прич
отсу
меся
общ
РСФ
ния
счит
верн
для
друг

В работе «Наследственное право» издания 1948 г. (стр. 52) проф. Серебровский по вопросу о правовой природе шестимесячного срока, установленного для принятия наследства отсутствующим наследником, не говорит, т. е. не дает определения понятия этих сроков. Однако, в § 66 указывает: «Согласно ч. 1 ст. 433 ГК РСФСР, обстоятельствами, которые могут служить основанием для возникновения у сонаследника права приращения, могут быть: 1) неявка наследника в течение шести месяцев со дня открытия наследства; 2) отказ наследника от принятия наследства и 3) лишение завещателем наследника права наследования».

Из этого следует, что проф. Серебровский делает один вывод как о последствиях отказа от принятия наследства, так и о последствиях неявки наследника в течение шести месяцев. В том и другом случае как доля отказавшегося от наследства, так и доля неявившегося в течение шести месяцев переходит к другим наследникам в порядке приращения.

Этим самым, на наш взгляд, проф. Серебровский совершенно правильно высказал точку зрения о том, что если наследник в течение шести месяцев не явится и в этот срок наследства не примет, то он теряет право на него так же, как теряет право на наследство наследник, отказавшийся от принятия наследства, или наследник, лишенный завещателем права наследования.

Противники изложенной точки зрения ссылаются на постановление Пленума Верховного суда РСФСР от 19 апреля 1926 г. В постановлении Пленума Верховного суда РСФСР от 19 апреля 1926 г. в первой его части указано, что «в случае неявки отсутствующих наследников в течение шести месяцев со дня принятия мер охранения наследства, имущество признается выморочным и становится собственностью государства, т. е. поступает в распоряжение соответствующих органов государства». Далее подчеркнуто, что «отсутствовавшие наследники, явившиеся по истечении шестимесячного срока со дня охранения наследства, теряют всякое право на имущество». Некоторые неправильно полагали и полагают, что это постановление Пленума Верховного суда РСФСР от 19 апреля 1926 г. находится в прямом противоречии с постановлением Пленума того же суда от 16 ноября 1925 г., по которому срок, установленный для принятия наследства, является сроком специальным. Неправильность такого толкования вытекает из самого текста постановления от 19 апреля 1926 г., где делается прямая ссылка на постановление от 16 ноября 1925 г., как на разъяснение, что срок, установленный для принятия наследства, определяется, «как специальный, удлинению ни в коем случае не подлежит». Далее указывается, «что, таким образом, утрате прав отсутствующим наследником должно предшествовать охранение имущества и истечение шестимесячного срока с этого момента». До постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 20 июля 1930 г. иного толкования и не могло быть. Следовательно, до 20 июля 1930 г. во всех тех случаях, пока мер охранения не было принято, не могло наступить и течение срока, указанного в ст. 430 ГК, а равно и утрата права по причинам пропуска этого срока. Естественно, что при таком положении отсутствующий наследник, не утративший права за пропуском шестимесячного срока, вправе отыскивать свою долю в течение трехгодичного общедавностного срока. В постановлении Пленума Верховного суда РСФСР от 19 апреля 1926 г. так и указано «если и пока меры охранения не были приняты и имущество не перешло к государству, должен считаться общий срок, т. е. трехгодичный срок» (ст. 44). Поэтому совершенно правильно в ст. 3 этого постановления устанавливается, «что для наследника, наследственной долей которого незаконно завладел другой наследник или постороннее лицо, на основании ст. 420 ГК на

отыскание своей доли остается в силе общий давностный срок в три года»¹.

Таким образом, постановление Пленума Верховного суда РСФСР от 19 апреля 1926 г. касается одной стороны интересующего нас вопроса. Оно определяет срок для отыскания наследственной доли наследником, отсутствующим в месте открытия наследства, только в том случае, когда присутствующие в месте открытия наследства наследники вступили в управление всем наследственным имуществом, не дожидаясь принятия мер охраны этого имущества.

С точки зрения формальной возникает вопрос, сохранялся ли для отсутствующих наследников общедавностной срок в том случае, когда сонаследники, находящиеся налицо, вступили в управление всем наследственным имуществом после принятия мер охраны этого имущества. На этот вопрос следует ответить так: в тех случаях, когда наследники, находящиеся налицо, вступили в соответствии со ст. 429 ГК в управление наследственным имуществом, не дожидаясь прочих наследников, после принятия мер охраны, под словом «своевременно» следовало понимать не трехгодичный, а шестимесячный срок, установленный ст. 430 ГК.

В этом свете, с точки зрения применения постановления Пленума Верховного суда РСФСР от 19 апреля 1926 г. имело исключительно важное значение постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 20 июля 1930 г., согласно которому сроки, установленные ст. ст. 429, 430 и 433 ГК, исчисляются не с момента принятия мер охраны, а со дня открытия наследства.

Это изменение, внесенное в законодательство по наследственному праву, не нашло какого-либо отражения в юридической литературе. Между тем с точки зрения определения последствий непринятия наследства в установленный срок оно имеет важное значение.

В постановлении Пленума Верховного суда РСФСР от 19 апреля 1926 г. указано: «Слово «своевременно» по отношению к государству, как ответчику, должно быть понято в смысле шестимесячного срока, по отношению же к сонаследнику, незаконно присвоившему себе имущество свыше своей доли по закону (ст. ст. 418, 420 и 430 ГК), если и пока меры охраны не были приняты и имущество не перешло по закону к государству, должен считаться общий давностный, т. е. трехгодичный срок»².

До постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 20 июля 1930 г. эта формулировка, в частности, «если и пока меры охраны не были приняты», была понятна, так как до тех пор пока меры охраны не были приняты, не могло наступить течение шестимесячного срока, установленного ст. 430 ГК для принятия наследства отсутствующим наследником. Естественно, что в подобных случаях за отсутствующим наследником и должно было сохраняться право на истребование своей доли от сонаследника в пределах общего трехгодичного срока. После же постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 20 июля 1930 г., установившего, что исчисление сроков, указанных в ст. ст. 429, 430 и 433 ГК, производится не с момента принятия мер охраны, а со дня открытия наследства, постановление Пленума Верховного суда РСФСР от 19 апреля 1926 г., как нам кажется, должно считаться утратившим силу, так как основной критерий — принятие сонаследником имущества до принятия мер охраны, положенный в основание этого постановления, перестал быть определяющим и имеющим значение.

¹ Сборник разъяснений Верховного суда РСФСР, 1935, стр. 103.

² Сборник разъяснений Верховного суда РСФСР, изд. 1935, стр. 103.

Та
1930 г.
со дня
ляется
служи
ленног
ля 192
И.
откры
ложен
П
мог от
спечи
приня
от 20
мер с
приня
следс
дакти
ность
Г
зидиу
ка, не
ства
к дру
новле
щате.
Если
в те
к гос
I
терес
ГК,
ного
ного
в пр
имуш
шест
рени
Пле
расп
как
усло
ност
а ст
накс
упом
му,
ства
как
свое

ного
ваку

2*

Таким образом, положение отсутствующего наследника с 20 июля 1930 г. в корне меняется. Если прежде шестимесячный срок исчислялся со дня принятия мер охранения, то с 20 июля 1930 г. этот срок исчисляется со дня открытия наследства. Следовательно, обстоятельства, послужившие основанием для применения трехгодичного срока, установленного постановлением Пленума Верховного суда РСФСР от 19 апреля 1926 г., прекратились.

Исчисление установленного срока для принятия наследства со дня открытия наследства поставило отсутствующего наследника в иное положение.

Прежде при непринятии мер охранения отсутствующий наследник мог отыскивать свою долю в течение общедавностного срока, так как специальный шестимесячный срок не наступил и не мог наступить до принятия мер охранения. После же постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 20 июля 1930 г., отсутствующий наследник независимо от принятия мер охранения должен в силу ст. 430 ГК в течение шести месяцев принять наследство. По истечении этого срока он теряет право на наследственное имущество, которое, согласно ст. 433 ГК в ее старой редакции (до 12 июня 1945 г.), переходило как выморочное в собственность государства.

После же изменений, внесенных в ст. 433 ГК РСФСР указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 июня 1945 г., доля наследника, неявившегося в течение шести месяцев или отказавшегося от наследства (за исключением случаев, предусмотренных ст. 424 ГК), переходит к другим наследникам по закону и делится между ними в порядке, установленном ст. 420 ГК, если только в завещании не указано, что завещатель оставляет все свое имущество назначенным им наследникам. Если же других наследников нет, то доля наследников, неявившихся в течение шести месяцев или отказавших от наследства, переходит к государству.

В свете новой редакции ст. 433 ГК приобретает исключительный интерес вопрос о применении правил, предусмотренных ст. ст. 48, 49 и 50 ГК, к срокам, установленным для принятия наследства.

Допустимость приостановления шестимесячного срока, установленного для принятия наследства, кроме постановления Пленума Верховного суда СССР от 15 сентября 1942 г., была в 1943 г. подтверждена в примечании 1 к ст. 1 «Правил перехода к государству наследственных имуществ». В указанном примечании говорится лишь о приостановлении шестимесячного срока, установленного ст. 433 ГК, а о сроке, предусмотренном ст. 430 ГК, ничего не сказано, в то время, как постановление Пленума Верховного суда СССР от 15 сентября 1942 г. № 15/М/16/У распространяет свое действие на шестимесячный срок, установленный как ст. 430 ГК, так и ст. 433 ГК. Это может быть объяснено тем, что об условиях, когда наследственное имущество может перейти в собственность государства как выморочное, говорится лишь в ст. 433 ГК, а ст. 430 ГК непосредственно на этом вопросе не останавливается. Однако, то обстоятельство, что правила по отмеченным выше причинам не упоминают о ст. 430 ГК, конечно, не дает нам никаких оснований к тому, чтобы не признать допустимости приостановления по обстоятельствам военного времени также и срока, установленного в ст. 430 ГК, так как оба шестимесячные срока, установленные в ст. ст. 430 и 433 ГК, по своей правовой природе однородны.

Кроме обстоятельств, указанных в постановлении Пленума Верховного суда СССР от 15 сентября 1942 г. как обстоятельств, приостанавливающих течение сроков, установленных в ст. ст. 430 и 433 ГК, практика

Верховного суда СССР знает и иные обстоятельства, которые вызывают тот же правовой эффект. Характерным в этом отношении является определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 25 февраля 1942 г. по делу № 173, которое приводит проф. П. Орловский в своей работе о практике Верховного суда СССР по наследственным делам¹. В этом определении, как отмечает проф. Орловский, содержится общее указание о том, что если в момент открытия наследства наследник был несовершеннолетним и не имел законного опекуна для защиты его интересов, то он вправе добиваться утверждения его в правах наследства согласно ст. 430 ГК в течение шести месяцев со дня достижения совершеннолетия. Из этого следует, что отсутствие у несовершеннолетнего законного представителя рассматривается в практике Верховного суда СССР как обстоятельство, приостанавливающее течение шестимесячного срока, установленного в ст. 430 ГК.

В практике Верховного суда СССР имеют место случаи, когда шестимесячный срок пропущен и отсутствуют обстоятельства, которые давали бы основание признать течение срока приостановленным.

В таких случаях встает вопрос о допустимости или недопустимости продления пропущенного срока в порядке ст. 49 ГК. Точка зрения по этому вопросу о применимости или неприменимости ст. 49 ГК к сроку, установленному в ст. ст. 430 и 433 ГК, изложена выше.

В связи с этим нас интересует, какие же обстоятельства, повлекшие за собой пропуск шестимесячного срока, признавались в практике Верховного суда СССР достаточными для продления этого пропущенного срока.

Типичным примером, характеризующим практику Верховного суда СССР, в этих случаях является определение Судебной коллегии по гражданским делам от 30 апреля 1947 г. по делу № 36/337 по иску Зуевой Т. к управлению домами Президиума Верховного Совета Абхазской АССР о возврате наследственного дома. В этом деле вопрос шел о наследственных правах несовершеннолетнего А. Зуева, отец которого Зуев Д. принял наследство в качестве наследника по закону после смерти своей матери — Зуевой, умершей 27 июня 1944 г., не указав, что он принимает наследственное имущество (дом) также и за своего малолетнего сына Зуева. Впоследствии, когда Зуева Т., мать Зуева А., потребовала выдачи ее сыну (внуку наследодательницы) причитающейся ему доли в наследстве, народный суд 2-го участка г. Сухуми в этом отказал, в частности, ссылаясь на пропуск Зуевым А. шестимесячного срока, установленного ст. 433 ГК РСФСР (ст. 432 ГК Грузинской ССР). Это решение Верховный суд Абхазской АССР оставил в силе. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР, рассмотрев это дело по протесту Председателя Верховного суда СССР, указала в своем определении, что суд не учел того обстоятельства, что Зуев А. родился в 1940 г. и, следовательно, к моменту открытия наследства являлся малолетним, а ошибки его опекунов (в данном случае родителей) не могут быть поставлены ему в вину. На этом основании Судебная коллегия не придавала значения фактическому пропуску шестимесячного срока, установленного ст. 432 ГК Грузинской ССР, и продлила этот срок в соответствии со ст. 49 ГК.

Та же Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР пошла значительно дальше в определении № 36—466 от 25 мая 1949 г. по иску Киселевских о наследстве, указав, что «в соответствии с ч. 2 ст. 429 ГК отсутствующие наследники могут истребовать свои на-

¹ П. Орловский, Практика Верховного суда СССР по гражданским наследственным делам, изд. Московского юридического института 1947 г., стр. 13.

следс
ше с
насле
в теч
Г
и Су.
смеш
ным
крыт
вопр
ном

ским
нявш
стве
ст. 4

нико
шает
срок
что
тия
месе
зак
25
гра

леги
кая
ном
кон
сро
гара
мен

рак
нов
ник
ког
сле
сле
в о
ноу

ред
ше
го
пол
ств
на
нас

следственные доли от других наследников, получивших наследство свыше своей доли по закону, в течение общего трехлетнего срока, а, если наследственное имущество как выморочное перешло к государству, то в течение шести месяцев со дня открытия наследства»¹.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что суды, в том числе и Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР, смешивают сроки исковой давности со специальным сроком, установленным для принятия наследства наследником, отсутствующим в месте открытия наследства, и приходят к неправильным выводам при решении вопроса о последствиях непринятия наследства в установленный законом срок.

Если согласиться с точкой зрения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР, то получается, что наследники, принявшие наследство в порядке ст. 433 ГК, в течение трех лет несут ответственность перед сонаследниками, не явившимися в установленный ст. 430 ГК шестимесячный срок.

Таким образом, вопрос о судьбе наследственного имущества наследников, не явившихся в установленный, т. е. шестимесячный срок, не решается, как это устанавливает ст. 433 ГК, истечением шестимесячного срока, а к шестимесячному сроку прибавляются еще три года. Выходит, что срок, в течение которого наследник, отсутствующий в месте открытия наследства, может принять наследство, составляет три года и шесть месяцев. По существу устанавливаются два срока: срок, установленный законом (ст. ст. 430 и 433 ГК), и срок, который своим определением от 25 мая 1949 г. по делу Киселевских установила Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР.

С такой практикой судов, в том числе и с практикой Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда согласиться нельзя. Такая практика не только не вытекает из закона, но она находится в явном противоречии с общим положением нашего социалистического законодательства, направленного на установление таких правил, которые соответствовали бы интересам трудящихся, не допускали длительных сроков ожидания решения вопроса о судьбе открывшегося наследства, гарантировали бы достоверность факта перехода наследства и не обременяли в то же время наследников чрезмерными формальностями.

Исходя из этого общего положения и учитывая потребительский характер наследства по его объекту, следует признать необходимым установление твердого специального срока для принятия наследства наследниками, отсутствующими в месте открытия наследства. Отсутствие такого специального срока у сонаследников, вступивших в управление наследственным имуществом в порядке ч. 2 ст. 429 ГК и принявших наследство в порядке ст. 433 ГК, порождает неопределенность не только в отношении имущества, в управление которым они вступили, но и в отношении имущества, которое они приняли в порядке ст. 433 ГК.

Несомненно, что при потребительском характере наследства неопределенность в сроках, установленных законом, которую вносит по существу практика Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР, может привести и приводит к тому, что сонаследники, получившие имущество в порядке ст. 433 ГК, не могут считать его собственным и они минимум в течение трех лет не будут заинтересованы, например, в производстве необходимого ремонта домостроений и иного наследственного имущества. Кроме того, при отсутствии специального

¹ «Судебная практика», 1949 г., № 9.

срока, установленного для принятия наследства, будут возникать споры в судах по поводу наследства.

В целях устранения этих существенных недостатков и создания у наследников твердой уверенности в достоверности приобретения наследства следует признать практику распространения правил ст. 49 ГК на срок, предусмотренный ст. ст. 430 и 433 ГК, неправильной, не вытекающей из закона и не вызывающей какой-либо необходимости.

Сроки, предусмотренные ст. ст. 430 и 433 ГК, как это явствует из самого закона, следует считать специальными сроками, на которые правила, указанные в ст. 49 ГК, распространяться не должны и с которыми законодатель связывает существование самого права на наследство. Факт истечения этого срока, если наследники, отсутствующие в месте открытия наследства, не приняли наследства установленным законом способом, влечет за собой утрату ими самого права на наследство.

Истечение шестимесячного срока, если наследство не принято наследниками, уничтожает безвозвратно самое их право на наследство. В результате наследственная доля этих наследников переходит к другим наследникам в виде приращения к причитающейся им доле, а при отсутствии других наследников или непринятия ими наследства оно переходит к государству (ст. 433 ГК).

Если и выйти за рамки действующего законодательства, то, исходя из практики разрешения судами дел, связанных с правом наследования, было бы наиболее правильным, на наш взгляд, не затрагивая основного — гарантии в достоверности факта перехода наследства — поставить в порядке исключения вопрос перед законодателем о приостановлении, применительно к ст. 48 ГК, шестимесячного срока, предусмотренного ст. ст. 430 и 433 ГК, на время нахождения наследника в заграничной командировке, длительной экспедиции и на время тяжелой болезни или несовершеннолетия наследника в тех случаях, когда не была установлена опека.

В

сти
уст
пре
ны
нес
ст.
уг
да.
этдо
ст
об
ре
ст
(сст
пр
бе
ни
Р
нкм
вс
дп
Г
у
с
р
в
с
о
р
с
ч
вт
т

ВОЗМОЖНОСТЬ ПРЕКРАЩЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ДЕЛА ЗА ВТОРИЧНОЙ НЕЯВКОЙ В СУД ИСТЦА¹

Народный судья 1 участка Чкаловского района г. Свердловска

К. Комиссаров

Советское социалистическое правосудие отличается стремлением к достижению истины при решении уголовных и гражданских дел. Чтобы установить объективную истину по делу, вовсе недостаточно изучить представленные в деле материалы (документы, фотографии, вещественные доказательства, заключения экспертов и т. д.); для этого суду еще необходимо услышать личные заявления заинтересованных лиц. Поэтому ст. 265 УПК РСФСР ограничивает возможность заочного рассмотрения уголовных дел, а современная судебная практика имеет тенденцию к дальнейшему сокращению такой возможности. Несколько иначе решает этот вопрос ГПК РСФСР.

В силу ст. 98 ГПК РСФСР, суд может рассмотреть гражданское дело при отсутствии одной из сторон, если она надлежаще извещена о дне слушания дела и суду известно о вручении ей повестки. При неявке же обеих сторон без уважительных причин, если они не просят о рассмотрении дела в их отсутствие, дело откладывается. При повторной неявке сторон без уважительной причины дело прекращается производством (ст. 100 ГПК).

Для нас особенно важно уточнить, что, в силу ныне действующей ст. 100 ГПК РСФСР, дело может быть прекращено производством лишь при неявке обеих сторон без уважительной причины — значит, либо из-за безответственного отношения их к спору либо потому, что спор между ними разрешился без суда. Такова в свете действующей ст. 100 ГПК РСФСР судьба дела при вторичной неявке в суд сторон без уважительной причины.

Это положение, установленное ст. 100 ГПК РСФСР, нуждается в изменении. Как видно из этой статьи, суду не предоставляется возможность прекращения дела производством при вторичной или при последующей неявке в суд надлежаще извещенного истца.

Что же в таком случае делать суду, если он найдет невозможным правильное рассмотрение дела без личного участия в процессе истца? ГПК Верховного суда РСФСР в инструктивном письме № 1 от 1926 года указывает, что суд обязан решить, возможно ли в отсутствие неявившейся стороны выяснить действительные правила и взаимоотношения сторон, и только после утвердительного решения этого вопроса рассматривать дело без истца или без ответчика (ГПК изд. 1948 г., стр. 189). Ст. 99 ГПК РСФСР также указывает, что в случае признания судом необходимости личных объяснений неявившейся стороны он откладывает разбирательство и производит вторичный вызов этой стороны. Но эта статья не предусматривает санкции для стороны, а нас в данном случае интересует истец, если он не явится в суд и по такому вторичному вызову.

Ст. 100 ГПК, говоря о прекращении дела при вторичной неявке обеих сторон без уважительной причины, также не содержит в себе санкции против истца, не являющегося в суд по вторичному вызову, даже

¹ Печатается в порядке предложения. Редакция.

и в том случае, если он предупрежден судом о невозможности рассмотрения дела в его отсутствие. Это приводит к тому, что суд волей-неволей вынужден будет все-таки рассмотреть дело в отсутствие неявляющегося истца, хотя бы прежде и признал невозможным правильное решение спора без личного участия истца в процессе.

Очевидно, противоречие между мнением суда о невозможности рассмотрения дела в отсутствие истца при данных обстоятельствах и последующей неизбежной необходимостью рассмотрения дела по существу, если истец все-таки не явится в суд. Нечего и говорить о доброкачественности такого решения суда, которое постановлено лишь для того, чтобы быть постановленным.

Легко понять, что это противоречит принципу советского гражданского процесса — достижению объективной истины при решении дела. Но если, в такой ситуации, решение принимается судом наощупь, по чутью, то нет никакой гарантии устойчивости этого решения. Такому решению всегда угрожает опасность быть отмененным.

В практике бывает, что истец, подав исковое заявление, считает, что он приложил к нему все документы, подтверждающие обоснованность иска.

Он не знает, что, исходя из возражений ответчика, в суде основное значение, скажем, приобрел бы тот документ, которым он располагает, но не приобщил его к делу, считая, что он к делу не относится.

Суд же, не подозревая о наличии такого документа, который поставил бы под серьезное сомнение или опроверг вообще объяснение ответчика по делу, не может, естественно, своей властью истребовать этот документ, а лишь требует личной явки истца в суд, чтобы он помог суду найти доказательства, опровергающие заявление ответчика, а истец, не смотря на требования, не является.

При ныне существующем положении суд вынужден рассмотреть дело по существу с вынесением решения на основе имеющихся в деле доказательств и заявлений ответчика. Истец же, получив решение об отказе в иске и установив, что это решение опровергается имеющимся у него документом, который он прежде считал не имеющим отношения к данному спору, конечно, подаст кассационную жалобу с приложением в ней в порядке ст. 16 Закона о судостроительстве этого документа, и решение обречено на отмену. В связи с этим, нам думается, есть основания дать суду право прекращения производства по делу за вторичной неявкой в суд надлежаще извещенного истца, если суд найдет невозможным без его участия правильное решение дела.

Такая необходимость диктуется стремлением к достижению объективной истины при решении спора, стремлением к устойчивости судебных решений.

Такая постановка вопроса ударила бы по волокиту в судопроизводстве, она весьма серьезно повлияла бы на авторитет советского социалистического правосудия.

Неявка истца в суд, тем более после того, как суд предупредил его, что без личного его участия дело невозможно рассмотреть, может объясняться тремя причинами:

1. Недобросовестностью истца, который считает, что подал заявление и пусть суд решает спор как угодно, истец же либо по нежеланию встречаться с ответчиком в суде, либо по иным причинам не желает лично участвовать в судебном разбирательстве дела и, несмотря на вызовы суда, не является туда, поскольку знает, что неправильно вынесенное решение можно в установленном законом порядке отменить.

Тем, что истец после предъявления иска в силу каких-либо причин

утратил
осозна
шение
истца
плате
нельзя
ные д
ду бе
отнош
преж
у

ствие
истца

водст
если
К то
о пр
проси
вать
учас
воли
цесс
ини
да и
мож
явл

чина

знач
то с
нен

чина
суд,
раз
суд

инс
ува
про
неп

при
бы
в р
жи
ств
сим
ми

ис
ре
ще

утратил интерес в положительном решении его спора: прощение долга, осознание ошибочного или преждевременного предъявления иска, погашение ответчиком долга до суда. Однако, в последнем случае явку истца суд может признать обязательной, когда на основе одних только платежных документов и объяснений ответчика о погашении долга еще нельзя вынести решение об отказе в иске потому, что, скажем, платежные документы (расписки истца в получении долга) не имеют дат и суда без пояснений истца нельзя сделать вывод, имеют ли эти расписки отношение именно к спорному долгу или означают собой погашение прежних долгов.

Уважительными причинами, как то: смерть, непреодолимое препятствие к явке, командировка, отдаленность места постоянного нахождения истца от места разбирательства дела и т. д.

Едва ли можно говорить о нецелесообразности прекращения производства по делу при вторичной неявке истца по двум первым причинам, если суд найдет невозможным рассмотрение дела в его отсутствии. К тому же в данном случае суд призван решить на основе закона спор о праве гражданском по просьбе о том истца. Но истец, подав такую просьбу, не считается с судебной дисциплиной, не желает лично участвовать в рассмотрении дела, хотя суд и обязывает его к такому личному участию; не помогает суду найти истину при разрешении спора; его не волнует, что ответчик и другие, иногда многочисленные, участники процесса каждый раз добросовестно являются в суд и терпеливо ждут инициатора дела — истца, но уходят из суда с обязанностью прийти туда же в другой день, поскольку все, в том числе и суд, понимают невозможность правильного рассмотрения дела в отсутствии истца, а он не является.

Но как быть, если истец не является в суд по уважительным причинам? Судьба дела в таком случае может решаться двояко.

1. Если истец сообщит о своей невозможности прибыть в суд в назначенное последнее время и суд найдет причину неявки уважительной, то слушание дела должно быть отложено на время, необходимое на устранение препятствий к явке истца в суд.

2. Если истец почему-либо не сообщит суду об уважительной причине неявки своей в назначенное время для разбирательства дела, то суд, не зная о причинах неявки, может прекратить дело производством, разумеется, если сочтет невозможным правильное решение дела в отсутствии истца.

Узнав потом о прекращении дела, истец может подать в суд второй инстанции частную жалобу и, если последний найдет причины неявки уважительными, то он отменит определение о прекращении дела, и вопрос будет решен в процессуальном порядке без вынесения возможно неправильного решения по существу.

Мы считаем, что в случае вторичной неявки в суд без уважительной причины надлежаще извещенных о дне слушания дела сторон или хотя бы одного истца, если суд признает необходимым его личное участие в рассмотрении дела и если он своевременно не сообщит о наличии уважительных препятствий к явке, дело подлежит прекращению производством. Такую норму мы находим приемлемой во всех случаях, независимо от того, кто (физические или юридические лица) являются сторонами или хотя бы истцами по делу.

В данном вопросе для юридического лица, выступающего в роли истца по гражданскому делу, нет никакой надобности создавать особый режим, какие-то исключения. Ошибочно думать, что вследствие прекращения дела за вторичной неявкой в суд представителя истца, через ко-

торого действует юридическое лицо, в большинстве случаев государственное предприятие, последнему наносится ущерб в виде обязанности уплатить госпошлину при новом предъявлении того же иска. У нас не редкость, когда юрисконсульт, работая на одном предприятии, имеет еще три и более совместительства и потому не в состоянии должным образом отправлять свои обязанности и перед нанимателем и перед судом, рассматривающим его иск. Такое положение явно ненормально. Оно не отвечает интересам предприятия, иск которого долго не решается из-за откладывания слушания дела за неявкой его представителя, оно не отвечает и интересам суда, который должен в короткие сроки рассмотреть дело, не допускать волокиты, излишних вызовов в суд других участников процесса и т. д. Поэтому прекращение производства по делу за вторичной неявкой представителя истца (юридического лица) и обязанность последнего при возобновлении иска вторично уплатить госпошлину явится контролем рублем деятельности юридического отдела или юрисконсульта того или иного предприятия, это повысит чувство ответственности у юрисконсультов и других лиц, вплоть до руководителя предприятия, за порученное им дело и, в конечном счете, повысит государственную дисциплину.

В практике, нередко случаи, когда какое-либо предприятие, находящееся, например, в г. Минске, предъявляет иск в пределах тысячи рублей к предприятию, находящемуся, скажем, в г. Свердловске.

Как же быть, если соответствующий по подсудности народный суд г. Свердловска, рассматривая этот иск, придет к выводу, что отсутствие представителя истца обуславливает собой такие пробелы, такие неясности, при которых правильное рассмотрение дела невозможно? Было бы неразумно обязывать истца обеспечить личную явку в суд его представителя, так как поездка представителя в суд в таком случае обойдется истцу дороже, нежели сумма, которую он может взыскать с ответчика. А прекращение производства по делу означало бы меру принуждения истца к отказу от исковых требований, что противоречит неограниченным возможностям в советском государстве защищать каждому физическому и юридическому лицу безболезненно для себя свои законные права. И вместе с этим нельзя обязать суд выносить решение по делу при наличии в нем серьезных неясностей.

Надо сказать, что таких неясностей по делу не было бы или они были бы весьма редким исключением, если бы соответствующие работники юридических лиц добросовестно, со знанием дела, с чувством ответственности оформляли судебные дела и наиболее быстро и оперативно выполняли бы требования суда по восполнению недостатков по делу. Но, к сожалению, нередко случаи, когда судья в порядке досудебной подготовки дела неоднократно обязывает истца выслать суду необходимый по делу документ (железнодорожную накладную, доверенность представителя заинтересованной организации на право участия в приемке груза, различные акты и т. д.), а тот не отвечает на требования суда.

Оставить без движения такое дело нельзя, нельзя и медлить с рассмотрением его, и судья назначает его к слушанию, а в ходе разбирательства вскрывается невозможность решения спора без ряда дополнительных документов, могущих находиться только у истца, и без дополнительных объяснений его — истца, по некоторым важным вопросам.

Но этот истец и теперь не отвечает на запросы и требования суда.

В таком случае нам представляется целесообразным право суда прекратить производство по делу.

Точно так же должен, по нашему мнению, решаться вопрос и в том случае, если истец — физическое лицо.

истц
виль
объ
объ
по
е
мож

в сл
тель
зан
на
ку
в п
мен
ств

и п
к э
лы

ств
да
иск
пре
но

дик
суд
нес
сти

на
да
во
од
мс
ля
в
де
цу
вс
ва
и
се
ни
ра

и
в
к
п

Мы считаем, что в случае явной отдаленности места нахождения истца от места разбирательства дела при невозможности полно и правильно разрешить дело без дополнительных доказательств или только объяснений истца суд должен потребовать обоснованные письменные объяснения истца по поводу возражений ответчика по делу, и, если истец по вторичному требованию суда не представит таких объяснений, дело может быть прекращено производством.

Это положение, как мы уже сказали, должно применяться лишь в случае явной отдаленности места нахождения истца от места разбирательства дела, когда в силу этого исключительного обстоятельства обязанность личного участия истца в разрешении его иска будет равносильна для него необходимости отказаться от исковых требований. Поскольку письменный способ объяснения между судом и сторонами не может в полной мере заменить собой устный обмен мыслями, он может применяться только как исключение, вызванное указанным обстоятельством.

При явной отдаленности истца от места разбирательства дела даже и письменный способ обмена мнениями при добросовестном отношении к этому делу истца поможет суду ликвидировать все неясности, пробыл по делу и решить спор о праве гражданском.

Остается добавить, что определение суда о прекращении производства по делу в рассмотренных случаях не прерывает течения исковой давности по неразрешенному спору и не препятствует возобновлению иска в общем порядке, то есть истец в пределах оставшегося после прекращения дела срока давности может возобновить иск на общих основаниях.

Такое решение вопроса только способствует укреплению судебной дисциплины, обязывает истца не оставаться безразличным к решению судом его спора, а наоборот, всеми законными способами собирать все необходимые по делу доказательства, помогая таким образом суду вынести правильное решение.

Автору этой статьи удалось познакомиться с работой нескольких народных судов г. Свердловска по этому вопросу и установить, что иногда суды, вопреки действующей ст. 100 ГПК РСФСР, прекращают производством гражданские дела при вторичной или последующей неявке лишь одного истца, когда рассмотрение дела без его личного участия невозможно. А истец, получив определение о прекращении дела, или возобновляет иск, и тогда уже добросовестно исполняет всякое требование суда в связи с делом, или, осознав неправильность предъявления иска, воздерживается от повторения необоснованных притязаний к другому лицу — ответчику. Некоторые суды, установив из показаний ответчика невозможность правильного решения дела в отсутствие истца, откладывают слушание дела и вызывают его повторно. И если истец не явится и по этому вторичному вызову, то в протоколах первого и второго заседаний и истец и ответчик показываются отсутствующими, хотя последний фактически добросовестно присутствовал при рассмотрении иска оба раза, и дело прекращается производством.

По форме такое прекращение будет соответствовать ст. 100 ГПК.

Такое положение вещей подтверждает правильность нашего мнения и высказанного в этой статье предложения о предоставлении суду права прекращения производства по гражданскому делу за вторичной неявкой без уважительной причины истца, если в его отсутствие невозможно правильное решение спора.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ ЭКСПЕРТИЗЫ

Т. Арзуманян

В следственной практике приходится часто сталкиваться с необходимостью привлечения сведущих лиц для заключений по различным специальным вопросам. Процессуальная форма заключения экспертов УПК предусмотрена лишь одна: письменное заключение эксперта, являющееся одним из видов доказательств.

В практике следственных и судебных органов есть ряд спорных вопросов, неразрешенность которых подчас отрицательно влияет как на сроки расследования и рассмотрения дел, так и на исход последних. В соответствии с требованиями УПК экспертиза назначается в тех случаях, когда возникает необходимость получить заключения сведущих лиц по тем или иным вопросам. Однако ряд следователей пренебрегает этим требованием и не всегда назначает экспертизу в тех случаях, когда для решения вопроса требуются специальные познания.

Так заготовитель артели им. 14 февраля Ленинского района г. Ростова Чупринов обвинялся в присвоении 13 755 руб. Одним из доказательств по делу была сохранная расписка, выданная от имени Печенкина, вызывавшая сомнения в подлинности. Чупринов отрицал фиктивность этой расписки, утверждая, что он получил ее от заместителя председателя районного потребительского союза Еремеева, который не был допрошен даже в качестве свидетеля. В целях проверки объяснений Чупринова и определения степени его ответственности необходимо было назначить графическую экспертизу для установления, кем исполнена надпись от лица Печенкина. Однако такая экспертиза не была назначена, почему суд вернул это дело к доследованию для графической экспертизы.

Работники Слоимской конторы «Белплодоовощ» Михайлова и другие обвинялись по ст. 2 указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества»; обвиняемым было вменено расхищение 16 360 руб. по двум фиктивным ведомостям. Обвиняемые отрицали подлог. Между тем подлинность этих ведомостей не была проверена, почему суд возвратил дело к доследованию.

Заведующий магазином орс Октябрьского леспромхоза Вершинского района Куйбышевской области Шайфутдинов обвинялся в растрате 8223 руб., свое преступление он пытался скрыть путем симуляции кражи со взломом из магазина. К делу был приобщен замок. По делу имело существенное значение узнать, каким путем был испорчен замок. Однако, районным отделением милиции, в производстве которого находилось это дело, криминалистическая экспертиза не была назначена. Это явилось одной из причин оправдательного приговора в отношении Шайфутдинова. К сожалению, подобные случаи не единичны.

В практике отмечается и обратное явление: экспертиза назначается иногда без необходимости. Председатель завкома одного предприятия Суслов обвинялся в растрате общественных денег в сумме 15 930 руб. Народный суд Сталинского района Москвы вернул это дело на доследование для производства судебно-бухгалтерской экспертизы, ввиду несогласия обвиняемого с выводами произведенной ревизии и ввиду того, что обвиняемый в судебном заседании представил неучтенные ревизи-

зиями
изведи
были
совпа.
зий и
и раз
харак
если
из су
также
суд о
А
госуд
на У
не от
новле
выяви
ма, в
дена

И
ского
судеб
ского
наро
стым
и ре
перт
расче
I
след
ные

чен
тизы
спе

нере
подб
ст. 4
лиц

стем
пыт
сове
щих
и су

пот
суде
рабо
был
зи
по
был
обви

зиями две расписки на выдачу им 350 руб., якобы уплаченных за произведенные работы. Определение было неосновательным, ибо по делу были произведены две документальные ревизии, результаты которых совпали. Обвиняемый в процессе следствия согласился с выводами ревизий и никаких доводов, опирающихся на выводы ревизий, в том числе и размеры недостачи, он не представил. Сами расписки были частного характера, надлежаще не оформленные, но независимо от этого суд, если считал эти документы действительными, мог сам исключить 350 руб. из суммы недостачи. Проведенная судебно-бухгалтерская экспертиза также пришла к выводу о недостаче у Суслова 15 930 руб., и народный суд осудил его за растрату этих сумм.

Можно привести и следующий пример. Представитель Всесоюзного государственного концертного объединения Осмоковский, проводя концерты на Украине и Северном Кавказе и получив за эти концерты 246 200 руб., не отчитался в 43 595 руб., растратив эту сумму. Обвинение было установлено на основании следующих данных: а) документальная ревизия выявила документы, свидетельствующие о недостаче 43 595 руб.; б) сумма, в которой не отчитался Осмоковский, т. е. 43 595 руб., была подтверждена его записями при отчете.

При наличии этих данных народный суд 2-го участка Коминтерновского района Москвы вернул дело на доследование для производства судебно-бухгалтерской экспертизы. По протесту прокурора Коминтерновского района Московский городской суд правильно отменил определение народного суда с указанием, что, поскольку все расчеты сводятся к простым арифметическим подсчетам, которые представлены бухгалтерией и ревизором и могут быть проверены судом, судебно-бухгалтерской экспертизы не требуется. Кроме того, городской суд указал и на то, что расчеты совпадают с собственноручными записями Осмоковского.

Подобными необоснованными требованиями лишь затягивается следствие, не говоря о том, что излишне тратятся крупные государственные средства.

Ст. 63 УПК РСФСР не указывает, кто именно может быть привлечен в качестве эксперта, она лишь определяет случаи назначения экспертизы, когда «при расследовании или при рассмотрении дела необходимы специальные познания в науке, искусстве и ремесле».

Однако вопрос о подборе экспертов имеет огромное значение, ибо нередко доказательственное значение заключения экспертизы зависит от подбора эксперта (имея в виду его квалификацию). В соответствии со ст. 48 УПК РСФСР эксперт должен быть посторонним для обвиняемого лицом.

На практике были случаи, когда руководители организаций, в системе которых находилось предприятие, где совершено преступление, пытались влиять на экспертов, работавших в этой же системе. Поэтому совершенно недопустимо привлечение в качестве экспертов лиц, работающих в одной с обвиняемыми организации. На этой точке зрения стоит и судебная практика.

Так по делу заведующего колбасным цехом Борисовского районного потребительского союза (Белорусская ССР) Гладких была назначена судебно-бухгалтерская экспертиза. В числе экспертов были привлечены работники той же организации. Эти лица по долгу службы обязаны были организовать правильное ведение учета по колбасному цеху, в связи с чем не могли участвовать по делу в качестве экспертов. Приговор по этому делу был отменен по тем основаниям, что в состав экспертизы были привлечены лица, работающие в той же организации, где работал обвиняемый Гладких.

По другому делу Прокуратура СССР должна была вмешаться в связи с тем, что представители вышестоящей организации повлияли на выводы экспертов. В связи с этим дело было возвращено на исследование и проведена новая экспертиза, с привлечением новых экспертов из числа работников другого министерства.

Наиболее правильным было бы привлекать в качестве экспертов лиц, работающих в системе другого главка, другого министерства, из числа работников научно-исследовательских институтов, высших учебных заведений и т. д.

В связи с этим возникает другой вопрос, имеющий большое значение для оценки заключения: какими познаниями должен обладать эксперт? В самом деле, вопрос о подборе эксперта входит в компетенцию следователя, однако, как определить квалификацию участвующего в деле эксперта прокурору, наблюдающему за следствием, составу суда, рассматривающему дело, а этот вопрос очень важен для правильной оценки выводов эксперта. Между тем в материалах большинства дел отсутствуют данные о квалификации эксперта.

В этом отношении представляет интерес уголовное дело по обвинению Жиганова в хищении 56 000 руб. Отменяя приговор суда, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР указала в своем определении: «Заключение графической экспертизы имеет существенные недочеты. Из акта экспертиз не видно, какой специальностью обладает эксперт Хургес и имеет ли он достаточные знания для исследования и распознавания почерка».

Правильное решение этот вопрос, по моему мнению, получил в работе «Борьба органов прокуратуры с выпуском недоброкачественной, некомплектной или нестандартной продукции» (издание Всесоюзного научно-исследовательского института криминалистики Прокуратуры СССР). В этой работе на стр. 69 приведен образец протокола объявления о назначении экспертизы. В этом протоколе указано, кто привлекается в качестве эксперта, каковы основные данные об его квалификации: ученая степень (звание), занимаемая должность, образование, стаж по специальности, наличие трудов по этой специальности. Все эти сведения дают представление о квалификации эксперта. Предложенная форма протокола объявления о назначении экспертизы охватывает и другие вопросы (объявление экспертам о назначении экспертизы, предупреждение экспертов об их ответственности по ст. ст. 92 и 95 УПК РСФСР и указания на то, какие материалы следователем предъявлены им) и может быть рекомендована для использования при назначении экспертизы.

Сейчас у нас есть сеть государственных судебно-экспертных учреждений, через которые производится ряд экспертиз (судебно-медицинская, судебно-психиатрическая и криминалистическая). При финансовых отделах, областных, краевых и АССР, организуются бюро судебно-бухгалтерской экспертизы, которые принимают поручения следственных и судебных органов о производстве судебно-бухгалтерской экспертизы. Статьи 92 и 95 УК РСФСР четко определяют случаи ответственности экспертов в уголовном порядке.

Эксперты, привлекаемые непосредственно следователем, прокурором и судом, обычно последними в письменной форме предупреждаются об уголовной ответственности по ст. ст. 92 и 95 УК. Если в этих случаях не возникает спора об ответственности экспертов по ст. 95 УК РСФСР, то имеют место споры в отношении экспертов, привлекаемых через судебно-экспертные учреждения. В самом деле, в этих случаях следователь или суд не указывают в своих постановлениях или определениях фами-

лии э
РСФС
ответс

Н
явлен
нию
ниям,
испол
Э

закли
ствок
пору
ствен
орга
нения
нача.
ствие
акт
го в
чении
дал
стве
щей
вал,
ложн
искл
ност
допу
УК,

тори
при
свед
та
УК
был
тре

Лен
изв

учр
чес
за
ног
бы

акт
оте
дру

фо
пр.
зр
на

лии экспертов, не предупреждают их об ответственности по ст. 95 УК РСФСР. Спрашивается, как же можно привлечь экспертов к уголовной ответственности по ст. 95 УК?

Некоторые полагают, что в подобных случаях эксперт в случае выявления факта его заведомо ложного заключения подлежит привлечению к уголовной ответственности по ст. 109 УК РСФСР по тем основаниям, что в данном случае имеет место должностное преступление — использование служебного положения.

Эта точка зрения неправильна. Прежде всего в указанных случаях заключение дает не само учреждение, как юридическое лицо, а соответствующее физическое лицо, по указанию администрации выполняющее поручение судебно-следственных органов. Это лицо и является ответственным за качество выполнения поручения судебных следственных органов. Этим самым указанные работники уже с самого начала выполнения задания, хотя бы и полученного через своего непосредственного начальника, являются процессуальной фигурой, т. е. экспертом. Вследствие этого работники судебно-экспертных органов всегда подписывают акт экспертизы не только в качестве должностного лица, но прежде всего в качестве эксперта. Тем самым эксперт сознает, что данное заключение он дает судебному и следственному органу. Поэтому, если эксперт дал заведомо ложное заключение, то речь может идти об его ответственности по ст. 95 УК, как статьи УК, специально предусматривающей и ответственность эксперта за ложное заключение, ибо он признавал, что составлял заключение как эксперт, а сообщаемые им сведения ложны, не соответствуют действительности. Разумеется, этим вовсе не исключается возможность привлечения эксперта к уголовной ответственности и по ст. 109 УК, если им в связи с производимой экспертизой было допущено использование своего служебного положения, и по ст. 117 УК, если эксперт за ложное заключение получил взятку.

Неплохую практику ввела центральная криминалистическая лаборатория ВИАУ Министерства юстиции СССР. Там установлен порядок, при котором к каждому акту экспертизы прикладывается справка со сведениями об эксперте. В этой справке имеется предупреждение эксперта о том, что он поставлен в известность об ответственности по ст. 95 УК РСФСР за дачу ложных показаний (вместо слова «показаний» надо было бы применять слово «заключений», добавив «заведомо», как точно требует ст. 95 УК РСФСР).

Можно отметить и практику судебно-медицинской экспертизы Ленинграда: в каждом акте экспертизы сам эксперт указывает, что ему известно об уголовной ответственности по ст. 95 УК РСФСР.

Было бы целесообразно обязать руководителей судебно-экспертных учреждений отбирать от каждого должностного лица, привлекаемого в качестве эксперта, общую подписку об ответственности по ст. 95 УК РСФСР за ложное заключение. В случаях возбуждения против эксперта уголовного преследования по признакам ст. 95 УК РСФСР эта подписка может быть приобщена к делу.

Нужно также вменить в обязанность эксперта при составлении им акта экспертизы указывать в начале акта, что ему известно об уголовной ответственности по ст. 95 УК РСФСР (или соответствующей статье УК другой союзной республики) за заведомо ложное заключение.

УПК РСФСР и других республик не предусматривают вопроса о форме участия обвиняемого в экспертизе. В следственной и судебной же практике этот вопрос решается по-разному: имеется, в частности, точка зрения, что обвиняемый вправе участвовать в производимой экспертизе на всем протяжении работы эксперта, особенно в работе судебно-бух-

галтерского эксперта. Эта точка зрения, на наш взгляд, неправильна. Речь ведь идет не о ревизии, когда ревизор, назначенный вышестоящей ведомственной организацией (по инициативе последней или по предложению органов прокуратуры), исследует всю деятельность первичной организации по соответствующей отрасли (технической, строительной, экономической, финансовой и т. д.) за какой-либо определенный отрезок времени. Материально-ответственные лица или обвиняемые заинтересованы в том, чтобы ревизор проверил всю документацию, поэтому они и присутствуют на протяжении всей ревизии, давая разъяснения по возникшим вопросам.

Эксперт же исследует лишь отдельные определенные операции и документы, в его обязанность входит главным образом оценка отдельных документов или вещественных доказательств.

В связи с этим обвиняемый должен присутствовать при производстве экспертизы только тогда, когда следователь признает это необходимым.

К сожалению, до настоящего времени некоторые судебные органы не придерживаются этой формы участия обвиняемых в проводимых экспертизах. Например, народный суд 10-го участка Сокольнического района г. Москвы вернул на доследование дело по обвинению кладовщика артели «Знамя труда» Ковалева, обвиняемого по ст. 4 Указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», в частности, по тем основаниям, что обвиняемый заявил на судебном заседании, что он не участвовал в проведении судебно-бухгалтерской экспертизы и поэтому не мог предъявить нужные, по его мнению, документы. Между тем из материалов дела было видно, что Ковалев знал о назначении экспертизы, с вопросами, поставленными перед экспертом, он согласился, в чем расписался на протоколе объявления экспертизы; с заключением экспертизы Ковалев также был ознакомлен и никаких ходатайств не заявлял.

По этим основаниям Московский городской суд по протесту прокурора Сокольнического района г. Москвы отменил указанное определение народного суда и направил дело на рассмотрение суда.

Вместе с тем УПК РСФСР (как и УПК других союзных республик) предусматривает определенные права обвиняемого: ходатайствовать о назначении экспертизы, о привлечении дополнительных экспертов по его указанию (если экспертиза уже назначена), дополнительного представления в письменном виде новых вопросов, по которым экспертом должно быть дано заключение. Установленное законом право обвиняемого поставить новые вопросы, естественно, дает ему право требовать от следователя ознакомить его с постановлением о назначении экспертизы и с поставленными в нем вопросами.

В связи со случаями нарушения указанных прав обвиняемого со стороны некоторых следственно-прокурорских работников Прокурор СССР еще в своем циркуляре № 90—3 от 13 мая 1939 г. предложил «во всех случаях назначения в стадии расследования той или иной экспертизы разъяснять обвиняемым предоставленные им законом права», оформляя это специальным протоколом по форме, приложенной к этому приказу.

Несомненно, что участие обвиняемого в проводимой экспертизе способствует достижению объективности и полноты в установлении истины по делу.

Нередко экспертизы назначаются до того, как решен вопрос о привлечении кого-либо к ответственности или, если она уже установлена, но к моменту назначения экспертизы обвиняемый скрылся. Например,

часто
проду
извод
экспе
при о
не из
убийс
чены
могут
или д
ствия
естес
облад
Г.
зы, т
в свя
тайст
Н
т. е.
оказы
шимс
лось.

В
при п
стные
делам
лицам
о вып
цами
техни
безоп
вил те
ный м
У
наряд
разом
менто
нута
Н
стным
прави
курор

П
перти
няемо
ря, т.
следо
полаг
есть
В свя
ства
пороч
ние б
в ряд
для п

часто для решения вопроса о виновниках выпуска недоброкачественной продукции или нарушения правил техники безопасности требуется производство технической экспертизы. Назначение судебно-медицинской экспертизы в первоначальной стадии следствия является обязательным при обнаружении трупа с признаками насильственной смерти, когда еще не известно, кто подлежит привлечению к уголовной ответственности за убийство (или иное преступление, повлекшее за собой смерть). Не исключены и такие случаи, когда ответственными за то или иное нарушение могут быть несколько человек, но предать суду можно только одного или двух из их числа (по характеру преступного нарушения и последствий). Поскольку указанным лицам не предъявлено обвинение, то, естественно, они являются свидетелями по делу, а вследствие этого и не обладают правами, предусмотренными ст. ст. 169—171 УПК РСФСР.

Поэтому, если указанным лицам объявлять о назначении экспертизы, то помимо нарушения закона, будет создана опасность волокиты в связи с необходимостью рассмотрения следователем различных ходатайств всех указанных лиц.

Не исключаются случаи, когда соблюдены все права обвиняемого, т. е. экспертиза произведена после предъявления обвинения, но затем оказывается, что преступление совершено другим лицом, не привлекавшимся к участию в экспертизе, поскольку ему обвинение не предъявлялось.

В следственной практике установился порядок, согласно которому при производстве экспертизы к участию в ней привлекаются должностные лица, чья деятельность является предметом исследования. Так, по делам о хищениях государственного и общественного имущества такими лицами являются обычно материально-ответственные лица. По делам о выпуске недоброкачественной и некомплектной продукции такими лицами являются директор завода, главный инженер и начальник отдела технического контроля завода. По делам о нарушениях правил техники безопасности такими являются лица, ответственные за соблюдение правил техники безопасности (главный инженер, технический директор, главный механик, начальник цеха, сменный инженер, ст. мастер и др.).

Участие указанных лиц в экспертизе как возможных обвиняемых наряду с обвиняемыми, если уже имеются таковые, важно, главным образом, для объяснений эксперту по поводу исследуемых операций, документов и по другим вопросам, предложенным экспертом, как это подчеркнуто в п. 6 приказа Прокурора СССР от 7 октября 1936 г. № 61/19.

Некоторые следователи официально объявляют указанным должностным лицам о назначении экспертизы, оформляя это протоколом, неправильно ссылаясь при этом на ст. ст. 169 и 171 УПК и циркуляр Прокурора СССР от 13 мая 1939 г. № 90/3.

По одному делу 7 декабря 1951 г. была назначена техническая экспертиза. Следователь, допуская, что будет привлечен в качестве обвиняемого Бубякин, привлек последнего к участию в экспертизе. 14 декабря, т. е. через семь дней, Бубякину было предъявлено обвинение, однако следователь не считал нужным выполнить требования ст. ст. 169—171 УПК, полагая, что им уже это выполнено. Разумеется, когда по делу уже есть обвиняемый, то у него иное отношение к следственным действиям. В связи с этим нельзя лишать обвиняемых права возбуждать ходатайства в пределах прав, предоставленных ему законом. Такая практика порочна, в этих случаях грубо ущемляются права граждан, ибо последние без предъявления обвинения превращаются в обвиняемых, причем в ряде случаев в конце-концов устанавливается отсутствие оснований для предъявления им обвинения.

В этом отношении представляет интерес следующее дело. При расследовании по одному делу ст. следователь прокуратуры Сахалинского бассейна назначил судоводительскую экспертизу. К этому времени никому обвинение не было предъявлено, однако начальнику порта Коринченко и работнику флота Москаеву, допущенным по делу в качестве свидетелей, было в порядке ст. ст. 169—171 УПК объявлено о назначении экспертизы и разъяснено об их праве (?) заявить отвод эксперту, поставить дополнительные вопросы. Как правильно указывает Водно-транспортная коллегия Верховного суда СССР в своем определении от 5 сентября 1951 г., «по закону и по требованию ст. ст. 169, 171 и 174 УПК РСФСР имеют право заявлять отвод экспертам, заявлять о дополнительных экспертах и в письменном виде представлять экспертам вопросы обвиняемые, а не свидетели, ибо свидетелям указанных прав по закону не предоставлено». Вместе с тем наш УПК не знает такой процессуальной фигуры, как должностное лицо, почему объявление указанным лицам о назначении экспертизы с соблюдением требований ст. ст. 169 и 171 УПК РСФСР является незаконным.

Должностные лица должны привлекаться к участию в экспертизе в качестве свидетелей. В процессе допроса этих лиц в качестве свидетелей следователь сможет выяснить вопросы, которые необходимо поставить перед экспертами. Такое решение вопроса об участии должностных лиц, чья деятельность исследуется экспертизой, является наиболее правильным, не противоречащим закону.

В связи с этим возникает другой, не менее важный вопрос: как оформить требования ст. ст. 169 и 171 УПК (а также приказа Прокурора СССР от 13 мая 1939 г. № 90/3), если обвинение предъявляется после производства экспертизы?

Нам представляется, что это оформление должно быть произведено в обычном порядке, установленном законом, т. е. надлежит предъявить обвиняемому постановление о назначении экспертизы, но с указанием о том, что по делу уже произведена экспертиза, а в протоколе объявления об окончании экспертизы необходимо разъяснить обвиняемому его права.

Некоторые товарищи выдвигают против этого предложения следующие возражения: зачем же составлять протокол, если экспертиза уже проведена? Закон обязывает разъяснять обвиняемому его права (при производстве допроса, экспертизы, окончания следствия и т. п.), но права эти возникают лишь после того, как соответствующее лицо становится обвиняемым. Если обвиняемый представит дополнительные вопросы, имеющие значение для дела, можно поручить тем же экспертам дать дополнительное заключение. Что касается отвода экспертов, то в случае обоснованности заявления об этом обвиняемого, следователь должен решить этот вопрос положительно и назначить новую экспертизу.

Нужно сказать, что подобные случаи в практике единичны и не влияют отрицательно на решение вопроса по существу.

Второе возражение сводится к тому, что нельзя ограничиваться только разъяснением прав обвиняемого до осуществления им своего права ознакомиться с выводами экспертизы. Это возражение необоснованное.

В законе не указывается, когда именно следователь обязан ознакомить обвиняемого с выводами экспертизы, во всяком случае, это должно осуществляться при предъявлении обвиняемому материалов дела в соответствии с требованиями ст. 206 УПК РСФСР. Не указывая специально времени, когда следователь обязан знакомить обвиняемого с актом экспертизы, УПК обязывает его сделать это только в конце следствия, при

пред-
моме
озна-
ляется
с вы-
инте-
вине-
гом
риал-
верки
что

до в-
обви-
до о-
объя-
ки, д

прак-
Никс-
пери-
былс-
РСФ-
не о-
мени-
эксп-
мый
ключ-
суд
вани-

вают
Поэт
няем
найд
обви-
пров-
виль-
том
уста-
посл
свои
легчи-

вопр-
перт

тизы
ния

ное
УПК

предъявлении всех материалов дела. Все это говорит о том, что выбор момента для ознакомления обвиняемого с актом экспертизы, если это ознакомление производится до выполнения требований ст. 206 УПК, является вопросом тактики. Следователь может ознакомить обвиняемого с выводами экспертизы тогда, когда он найдет это нужным, исходя из интересов следствия. В одном случае следователь может ознакомить обвиняемого непосредственно после получения выводов экспертизы, а в другом случае следователь не сочтет это целесообразным, исходя из материалов следствия, например, в силу необходимости дополнительной проверки указанных в акте обстоятельств. Таким образом, нужно признать, что данный вопрос входит исключительно в компетенцию следователя.

Очевидно, что ознакомление обвиняемого с выводами экспертизы до выполнения требований ст. 206 УПК позволяет сэкономить время, ибо обвиняемый получает возможность представить свои объяснения еще до окончания следствия, а следователь сможет своевременно проверить объяснения обвиняемого и устранить те или иные нарушения или ошибки, допущенные экспертами, если они окажутся.

Можно привести следующий пример из следственной и судебной практики по этому вопросу. По одному делу следователь прокуратуры Николаевска-на-Амуре назначил судоводительскую экспертизу еще в тот период следствия, когда не был установлен обвиняемый. После того как было предъявлено Косныреву обвинение по ст. 59—3 п. «в», ч. 1, УК РСФСР, следователь в нарушение требований ст. ст. 169—171 УПК не объявил обвиняемому о назначении им экспертизы, уже к тому времени проведенной, о составе экспертов и вопросах, поставленных перед экспертами. Больше того, по существу заключения экспертизы обвиняемый даже не был допрошен, и ему было предложено ознакомиться с заключением эксперта при выполнении требований ст. 206 УПК. Линейный суд Амурского бассейна вернул это дело 7 декабря 1951 г. на доследование вследствие нарушения требований ст. ст. 169—171 УПК.

Несомненно, что в интересах дела необходимо получить исчерпывающие объяснения обвиняемых по существу заключения экспертизы. Поэтому надо признать целесообразным запись этих объяснений обвиняемых в протоколах допросов в той стадии расследования, когда это найдет необходимым следователь. Что касается порядка ознакомления обвиняемых с выводами экспертизы в тех случаях, когда экспертиза проводилась до предъявления им обвинения, то тактически будет неправильно вначале ознакомить обвиняемого с выводами экспертизы, а потом спросить его об отводе или о дополнительных вопросах. В случае установления экспертизой незаконных действий со стороны обвиняемого, последний, заинтересованный в исходе дела, будет затягивать следствие своими необоснованными ходатайствами и отводами, пытаясь этим облегчить свою участь.

Поэтому неправильно связывать два совершенно самостоятельных вопроса: разъяснение обвиняемому его прав по поводу проведенной экспертизы и право обвиняемого ознакомиться с выводами экспертизы.

Судебная практика также признала возможным проведение экспертизы при отсутствии обвиняемого и последующее оформление объявления обвиняемому о произведенной экспертизе.

Прокуратуре СССР необходимо заняться этими вопросами, правильное решение которых должно было бы найти себе место в проекте УПК СССР.

УСИЛИТЬ БОРЬБУ С ХУЛИГАНСТВОМ¹

К. Чернявский, Б. Клейнер

В результате огромной созидательной работы большевистской партии и советского государства по коммунистическому воспитанию трудящихся укрепилось и проникло в широчайшие народные массы глубокое убеждение в необходимости строжайшего соблюдения социалистического правопорядка, правил социалистического общежития. Именно поэтому всякое нарушение правил социалистического общежития и общественного порядка встречает у нас решительный отпор и осуждение широкой общественности. Отсутствие в социалистическом обществе социальных причин, порождающих преступность, ведет к непрерывному сокращению нарушений законности, сокращению числа преступлений.

Органы суда и прокуратуры призваны осуществлять решительную борьбу за полное искоренение преступных проявлений, среди которых не последнее место занимает хулиганство.

Хулиганские действия на предприятиях и в общественных местах мешают созидательному труду советских граждан, нормальной работе предприятий и учреждений и создают помеху культурному отдыху трудящихся. Общественная опасность хулиганства очевидна.

Товарищ Сталин на январском Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 7 января 1933 г. указывал: «Революционная законность нашего времени направлена своим острием... против воров и вредителей в общественном хозяйстве, против хулиганов и расхитителей общественной собственности» (Соч., т. 13, стр. 210).

Необходимость решительной борьбы с хулиганством подчеркивалась и указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 августа 1940 г.

Органы милиции, суда и прокуратуры в отдельных случаях еще не обеспечивают в должной мере беспощадной борьбы с хулиганством.

Многие судебные и прокурорские работники считают, что когда преступные или противообщественные действия посягают на определенное лицо, с каким преступник связан какими-то ни было личными взаимоотношениями, то такие действия, в какой бы обстановке они ни происходили, надо квалифицировать, как преступления против личности (ст. ст. 159, 143, 146, ч. 1, УК РСФСР).

В качестве примера такого неправильного понимания закона приведем следующее уголовное дело, рассмотренное в одном из народных судов г. Иваново.

Некий А., находясь на танцевальной площадке Ивановского городского сада, пригласил девушку Н. танцевать. Встретив отказ, А., нецензурно выругавшись, выхватил из кармана бритвенное лезвие и ранил им Н. в лицо. А. был привлечен к уголовной ответственности по ст. 74, ч. 2, УК РСФСР. Однако народный суд 2-го участка Ленинского района г. Иваново переквалифицировал действия А. на ст. 143, ч. 1, УК РСФСР по тем мотивам, что действий, имеющих целью проявление явного неуважения к обществу, А. не совершал, а его преступление было направлено на личность Н. в результате ссоры с ней, возникшей на почве личных отношений. По протесту районного прокурора этот приговор в кас-

¹ Печатается в порядке предложения. Редакция.

саш
нарк
ч. 2
зул
А. €
бод

Х.,
гор
и н
ди
пов
мот
по
олр
пов
осу

неп
ны
кол
М.,
Пл

ры
озо
нос
опр
СС
во
лех
ра:
та:
из
ты
де:
на:
ув:
це

19.
те:
сл
ст
ко
ни

но
по
ж:
те:
Б.
те
из
П.

сационном порядке был отменен, но при повторном рассмотрении дела народный суд 1-го участка Ленинского района снова осудил А. по ст. 143, ч. 2, УК РСФСР. И только при рассмотрении дела в третий раз, в результате повторной отмены приговора Ивановским областным судом А. был осужден по ст. 74, ч. 2, УК РСФСР к длительному лишению свободы.

Подобную же ошибку допустил народный суд г. Иваново по делу Х., который, встретив свою бывшую сожительницу К. на одной из улиц города, в присутствии граждан напал на нее с нецензурной бранью и нанес ей в шею и голову несколько ножевых ран, которые судебно-медицинская экспертиза отнесла к разряду легких телесных повреждений, повлекших расстройство здоровья. На этом основании народный суд, усмотрев в действиях Х. только преступление против личности, осудил его по ст. 143, ч. 1, УК РСФСР. Районный прокурор этого приговора не опротестовал. Только вмешательство Ивановской областной прокуратуры повело к отмене приговора, и при повторном рассмотрении дела Х. был осужден по ст. 74, ч. 2, УК РСФСР.

Подобные ошибки судов, далеко не единичные, происходят из-за неправильного, на наш взгляд, толкования закона, данного А. Трайниным, В. Меньшагиным и З. Вышинской в Комментариях к уголовному кодексу РСФСР (2-ое издание, Юридическое издательство НКЮ СССР, М., 1946 г.), и из-за недостаточно четкой формулировки постановления Пленума Верховного суда СССР от 29 апреля 1939 г.

Разграничивая хулиганство от преступлений против личности, авторы комментария указывают, что «если насилие над личностью не носило озорного характера, речь может идти лишь о преступлении против личности, а не о хулиганстве». В обоснование такой позиции приводится определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 16 мая 1939 г., которое указывает, что действия К., нанесшего во время выпивки удар камнем Р., причинивший последнему легкие телесные повреждения, должны быть квалифицированы именно таким образом, т. е. по ст. 143 УК РСФСР. Между тем, приведенное в комментарии определение Судебной коллегии Верховного суда СССР не воспроизводит конкретной обстановки, при которой были совершены упомянутые действия. Если такие действия К. совершены в месте скопления людей (саду, кафе, ресторане и т. п.), то они безусловно сопровождалась нарушением общественного порядка, являясь проявлением явного неуважения к советскому обществу, а в таком случае должны быть расцениваемы как хулиганство.

В постановлении Пленума Верховного суда СССР от 29 апреля 1939 г. говорится: «квалификация подобных действий (нанесение побоев, телесных повреждений) как хулиганства может иметь место лишь в том случае, когда установлено, что эти действия совершены именно из озорства, в целях проявления явного неуважения к обществу, а не тогда, когда в их основе лежали мотивы, связанные с личными взаимоотношениями обвиняемого с потерпевшим».

Исходя из этих указаний Верховного суда СССР, учебник уголовного права для юридических вузов подчеркивает, что хулиганство предполагает деятельность умышленную «в целях проявления явного неуважения к обществу» («Уголовное право», изд. 2-е, Юридическое издательство, М., 1939 г., стр. 411). Такую же точку зрения разделяет и проф. Б. Утевский в пособии для народных судей «Уголовное право» (Библиотека народного судьи, «Уголовное право» Государственное юридическое издательство, М., 1950 г.), тоже ссылаясь на упомянутое постановление Пленума Верховного суда СССР.

Формулировка «в целях проявления явного неуважения к обществу» нечеткая, ибо из нее следует, что хулиганство с субъективной стороны может быть совершено лишь с прямым умыслом, а косвенный умысел исключается. Между тем, из приведенных примеров видно, что хулиганские действия подсудимые совершали с косвенным умыслом, прямой же целью их было совершение расправы над личностью, но эта расправа происходила в общественном месте, в присутствии граждан, в нарушение элементарных правил социалистического общежития, что сознательно допускал субъект преступления.

Очевидно, понимая это, В. Меньшагин и З. Вышинская в учебнике для юридических школ «Советское уголовное право» (Государственное юридическое издательство, М., 1950 г.) уже не ссылаются на постановление Пленума Верховного суда СССР от 29 апреля 1939 г. и не рассматривают хулиганство как действия, совершенные «в целях проявления явного неуважения к обществу».

Вопрос о разграничении хулиганства от преступления против личности принципиально правильно решает определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 7 марта 1951 г. по делу Вахидова («Судебная практика» 1951 г. № 7). Как видно из обстоятельств дела, Вахилов в кино встретил свою бывшую жену Васиеву. Васиева спросила его, когда им будет решен вопрос о разводе и уплате алиментов на ребенка. В ответ Вахилов во всеуслышание стал нецензурно ругать Васиеву, а затем повалил ее на землю и нанес ей побои, причинив Васиевой легкие телесные повреждения. Отменяя определение Верховного суда Узбекской ССР, квалифицировавшего действия Вахидова по ст. 197 УК Узбекской ССР (ст. 143 УК РСФСР), Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР указала, что Верховный суд Узбекской ССР «...недооценил общественной опасности совершенного... преступления, которое по своему содержанию выходит за пределы причинения телесного повреждения и представляет собой злостное нарушение общественного порядка, сопряженное с явным неуважением к элементарным правилам социалистического общежития».

Судебная коллегия Верховного суда СССР правильно указала на необоснованное смягчение ответственности хулигана, имевшее место вследствие недооценки общественной опасности содеянного преступления.

Определение Судебной коллегии Верховного суда СССР от 7 марта 1951 г. по делу Вахидова имеет очень важное принципиальное значение, однако оно не может в достаточной мере определить судебную практику и способствовать усилению борьбы с хулиганством. Эта задача должна быть решена специальным постановлением Пленума Верховного суда СССР, которому принадлежит право в порядке ст. 75 Закона о судостроительстве давать обязательные для судов указания, вытекающие из судебной практики.

Верховный суд СССР, по словам его Председателя тов. А. Волина, «должен обеспечить, чтобы законы применялись политически остро и решительно... без колебаний и шатаний в карательной практике» («Социалистическая законность» 1951 г., № 4).

Правильное, политически острое указание судам о применении закона о хулиганстве устраним многочисленные ошибки судов, допускаемые в борьбе с хулиганством, поможет быстрее изжить пережитки капитализма в сознании людей, поможет делу коммунистического воспитания советских граждан.

и ул
указ
спец
стан
и ю
лист

юри
дост
вил
ской

уго
ние
вар
в с

сту
тия
гра
гов
но
на

в
Тр
ра
ем
ще
ра
до
ми
ти
ту

и
ст
ни
И.
ст
сс
би
ж

НЕДОСТАТКИ В ПОСТАНОВКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ОСНОВ БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЕТА В ЮРИДИЧЕСКИХ ВУЗАХ И ШКОЛАХ

*Прокурор Красногвардейского района г. Москвы
Б. Богданов*

Постановление ЦК ВКП(б) от 5 октября 1946 г. «О расширении и улучшении юридического образования в стране» дало руководящие указания относительно подготовки политически и юридически грамотных специалистов. Время, прошедшее после издания этого исторического постановления, характеризуется кропотливой работой наших институтов и юридических школ, подготовивших много высокообразованных специалистов — юристов.

Однако, постановка юридического образования в высших и средних юридических учебных заведениях все еще не свободна от серьезных недостатков. До сих пор, например, у многих студентов не изжито неправильное отношение к изучению такого предмета, как «Основы бухгалтерского учета».

Между тем практика прокуратуры и суда показывает, что многие уголовные дела — это дела о злоупотреблениях, связанных с составлением всевозможных фиктивных накладных и счетов, проведением бестоварных операций и т. п. Правильно разобраться в подобном материале в состоянии только тот, кто владеет основами бухгалтерии.

Изучая в институте или в школе «Основы бухгалтерского учета», студент получает понятие об основных и оборотных средствах предприятия, об активе и пассиве, дебете, кредите и т. п. Но очень мало в программе курса рассказано о балансе предприятия и учреждения. Короче говоря, в институте студент получает только такие сведения относительно бухгалтерского учета, которые почти никогда не сможет применить на практике.

Вопросы практического применения основ бухгалтерского учета в повседневной практике выпадают из преподавания этого предмета. Трудно будет молодому следователю, недавно кончившему институт, расследовать полно и всесторонне хищение в торговой организации, если ему неизвестно, что такое товарный отчет. Может ли быть вскрыто хищение денежных средств где-либо, если следователь не знает, что такое рабочий наряд, каковы правила заполнения нарядов. Расхитители в подобном случае имеют шансы уйти от ответственности. Беседы с молодыми специалистами и студентами, проходящими производственную практику, свидетельствуют о том, что этих-то элементарных знаний в институте не дается.

На наш взгляд, преподавание основ бухгалтерского учета в высших и средних юридических учебных заведениях должно быть в корне перестроено. Студент должен получить устойчивые знания в области организации учета и отчетности в основных отраслях народного хозяйства. Изучая, например, организацию учета и отчетности в системе торговли, студент должен усвоить, что такое товарный отчет, каков порядок его составления; должен понять, что такое амбарная книга, как она может быть использована при расследовании хищений и растрат. Студент должен усвоить порядок и сроки проведения инвентаризации, порядок со-

ставления сличительных ведомостей. Нужно познакомить студента и с понятием естественной убыли материальных ценностей.

Рассказывая об организации учета и отчетности в промышленности и промысловой кооперации, преподаватель должен показать конкретную роль и значение каждого документа, которые молодой специалист может встретить в бухгалтерии предприятия и учреждения. Например, необходимо уяснить смысл и значение на швейных фабриках и в пошивочных артелях раскройной ведомости — документа, служащего основанием для списания в расход сырья, нередко являющегося средством вуалирования хищений, и т. п.

Многие молодые специалисты, кончающие высшие юридические учебные заведения, получают назначение в сельскохозяйственные районы страны, не имея ни малейшего понятия об организации и постановке учета и отчетности в колхозах и совхозах. Все эти вопросы тоже должны найти свое отражение в программе курса бухгалтерского учета.

Необходимо также научить студентов порядку начисления заработной платы, показать им разницу между рабочим нарядом и табелем, ознакомить с основными правилами выдачи денег из кассы.

Не следует органичиваться теоретическим изучением вышеуказанных вопросов. Научить будущих специалистов правильно читать и понимать тот или иной документ можно лишь путем проведения практических занятий, посвященных разбору конкретных документов.

Изучая курс «Основ бухгалтерского учета», студент должен получить необходимые сведения об организации ревизионной работы относительно роли и значения ревизии в деятельности предприятия и учреждения. Здесь же должно быть усвоено различие между бухгалтерской ревизией и бухгалтерской экспертизой. Различие это должно быть показано не только с процессуальной точки зрения, но также с точки зрения объема и масштаба деятельности этих институтов.

Это обстоятельство имеет очень важное значение, так как нередко, получая тот или иной материал, молодые следователи или народные судьи без серьезных оснований назначают судебно-бухгалтерскую экспертизу, когда можно ограничиться актом ведомственной ревизии.

Хорошее знание основ бухгалтерского учета даст возможность нашим следователям и судьям критически относиться к выводам ревизий и к заключениям бухгалтеров-экспертов, иногда позволит обоснованно не согласиться с ними, что значительно повысит качество работы органов следствия и суда, а бухгалтеров-ревизоров и бухгалтеров-экспертов заставит более добросовестно относиться к своим обязанностям.

Полученные в стенах юридических институтов и школ теоретические знания должны быть закреплены во время производственной практики студентов. За безусловно положительную меру следует признать присутствие студентов-практикантов при работе судебно-бухгалтерской экспертизы, при пояснениях обвиняемых по существу представленных ими документов. Отчет о прохождении практики, представляемый студентом по окончании ее, должен отражать все практические вопросы применения основ бухгалтерского учета, решенные ими за время практики. При сдаче отчета по практике студент должен быть опрошен и по вопросам практического применения им знаний основ бухгалтерского учета.

Нам кажется, что лучшими преподавателями основ бухгалтерского учета в юридических учебных заведениях были бы высококвалифицированные и опытные бухгалтеры-эксперты, знакомые с практикой органов суда и прокуратуры, умеющие сочетать теорию с практикой.

ИЗ

тов:
рас
стр
с ос
ки
и с
нов
«...с
баз
моч
кла

дне
кла
Ок

ва
бок
ист
ВК
об
ци
ист
вед
бис

зна
бол
чик

ци:
и
ук:
пр:
по:
бо

но
ед
ко:
и
в
оп
ла

ИЗ ИСТОРИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О СОВЕТСКОМ СУДЕ

Декрет № 2 о суде от 7 марта (22 февраля) 1918 г.

Кандидат юридических наук П. Мишунин

В своем классическом труде «Марксизм и вопросы языкознания» товарищ Сталин с исключительной глубиной и исчерпывающей полнотой раскрыл основные марксистско-ленинские положения о базисе и надстройке, конкретизировал и развил дальше эти положения, подчеркнув с особой силой величайшую активную роль социалистической надстройки в ликвидации старого, отжившего свой век базиса, его надстройки и старых классов и в создании, укреплении и развитии нового базиса, нового общественного строя. Надстройка, — указывает товарищ Сталин, — «...становится величайшей активной силой, активно содействует своему базису оформиться и укрепиться, принимает все меры к тому, чтобы помочь новому строю dokonать и ликвидировать старый базис и старые классы».

Советский суд как часть социалистической надстройки с первых дней установления диктатуры пролетариата активно помогает рабочему классу нашей страны охранять и развивать завоевания Великой Октябрьской социалистической революции.

Разработка вопросов истории советского суда составляет одну из важнейших задач советской юридической науки. На необходимость глубокого изучения истории Советского государства и права, в том числе истории советского суда, обращается внимание в постановлении ЦК ВКП(б) от 5 октября 1946 г. «О расширении и улучшении юридического образования в стране». Задача глубокого изучения истории нашего социалистического государства и всех отраслей права также вытекает из исторических решений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам и проведенных по инициативе товарища Сталина дискуссий по философии, биологии, языкознанию и другим наукам.

Гениальный труд товарища Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» открывает новые широкие возможности для творческой разработки вопросов теории социалистического государства и права, в том числе истории советского суда.

Изучение всего огромного опыта строительства первого в мире социалистического государства имеет не только теоретический интерес, но и большое практическое и политическое значение. Надо всегда помнить указание В. И. Ленина о том, что «...если бы мы нашу собственную практику, наш опыт, хотя бы в маленьких размерах, изучали детально, подробно, то мы сотни лишних «разногласий» и принципиальных ошибок... избежали бы»¹.

Освещение вопросов истории советского суда имеет и международное значение. Ныне, когда страны народной демократии вступили на единственно правильный путь — путь строительства социализма под руководством коммунистических и рабочих партий, в тесной дружбе и союзе с великим Советским Союзом и при его бескорыстной помощи — в ходе этого строительства страны народной демократии используют опыт социалистического строительства СССР, в том числе и опыт в области судебного строительства.

¹ Ленин, Соч., т. 32, стр. 5.

* * *

Марксизм-ленинизм учит, что суд является органом государственной власти. Он всегда был и остается зорким стражем охраны интересов господствующих классов.

В буржуазных государствах суд, так же как армия и полиция, защищает устои капитализма. Он является важным и сильным орудием в руках капиталистов и помещиков для жестокого подавления, беспощадного угнетения и зверской эксплуатации многомиллионных трудящихся масс.

«В буржуазных странах,— говорил М. И. Калинин,— суд есть оплот капиталистического строя. В большинстве случаев он является наиболее реакционной частью государственного аппарата. Можно смело сказать: рабочие в защите своих интересов там правды не найдут»¹.

В наше время особенно реакционным и террористическим является суд в Соединенных Штатах Америки, где он используется магнатами Уолл-стрита для зверской расправы с прогрессивными организациями трудящихся и их представителями, для подготовки и развязывания новых империалистических войн. Он является орудием расовой дискриминации.

Прямую противоположность буржуазному, антинародному, лживому, реакционному и террористическому суду представляет собой советский, подлинно народный суд.

Советский суд с первых дней своего существования стоит на страже интересов трудящихся, выполняя их волю, выраженную в наших законах.

Декрет № 2 о суде — один из важнейших актов в истории советского суда.

В октябре 1917 года героический русский рабочий класс в союзе с беднейшим крестьянством под руководством партии большевиков и ее мудрых вождей В. И. Ленина и И. В. Сталина сверг ненавистную буржуазно-помещичью власть в России и установил диктатуру пролетариата. Великая Октябрьская социалистическая революция разрушила буржуазно-помещичью государственную машину угнетения трудящихся с ее вещественными и материальными придатками. Вместе с тем она создала новое, Советское социалистическое государство и его органы, в том числе новый, советский суд.

Первые законы о советском суде проводили ломку старого суда и права в России и создавали новый, революционный суд и новое, социалистическое право.

Декрет № 2 о суде имел исключительно важное значение в укреплении и развитии советской судебной системы, созданной по декрету № 1 о суде.

Первый декрет о суде до основания разрушил старый суд и старое право, которые служили интересам эксплуататоров и были в их руках орудием подавления и угнетения трудящихся. Вместо них декрет № 1 о суде создал новый, советский суд и новое, социалистическое право — сильное орудие в руках рабочего класса для защиты и развития завоеваний социалистической революции.

Декрет № 2 о суде развивал и дополнял основные положения декрета № 1 о суде. Он оформлял дальнейший процесс ломки старого судебного аппарата и права, закреплял существующие местные суды (местные суды, созданные по декрету № 1 о суде, в декрете № 2 о суде именовались «местными народными судами») и создавал новую судеб-

¹ М. И. Калинин. Статьи и речи, 1936—1937, стр. 25.

ную си
дов и
Де
дался
раз ра
П
после
та №
больш
содерж
Б
доста
листич
рится:
эсеры
предок
СНК
ства и
Э
мы де
П
родны
ривал
одобр
1
проект
родны
Стучк
того
СНК
декре
2
ние К
о раз
Решен
было,
3
сужд
ками
ным
о суд
Наро
1
оконч
редак
1
что I
галос

жевни
«См.

ную систему в виде окружных народных судов, областных народных судов и Верховного судебного контроля.

Декрет № 2 о суде, как и декрет № 1 о суде, неоднократно обсуждался в Совете Народных Комиссаров и ВЦИК, а до этого он несколько раз рассматривался на коллегии Наркомата юстиции.

Проект декрета № 2 о суде был внесен в Правительство вскоре после утверждения декрета № 1 о суде. При обсуждении проекта декрета № 2 о суде возникли большие споры и ожесточенная борьба между большевиками и «левыми» эсерами по многим существенным вопросам, содержащимся в проекте декрета.

Будучи в составе Правительства, «левые» эсеры использовали предоставленную им власть для борьбы с мероприятиями Советского социалистического государства. По этому поводу в Ленинском сборнике говорится: «Располагая аппаратом комиссариата юстиции, некоторые левые эсеры (в особенности нарком юстиции И. З. Штейнберг) использовали предоставленную им власть для освобождения арестованных по приказу СНК контр-революционеров, для их защиты, оказания им покровительства и проч.»¹.

Эту сложную обстановку, в которой принимался декрет № 2 о суде, мы должны учитывать при рассмотрении и оценке декрета.

Проект декрета № 2 о суде официально обсуждался в Совете Народных Комиссаров четыре раза². В первый раз проект декрета рассматривался 15 января 1918 года³. После длительных споров проект был одобрен, и было решено внести его на утверждение ЦИК.

16 января 1918 г. в связи с заявлением Красикова, Стучки и др. проект декрета № 2 о суде снова обсуждался на заседании Совета Народных Комиссаров, и было принято следующее решение: «Предложить Стучке и прочим, имеющим принципиальные возражения против принятого декрета о суде № 2, внести соответствующее заявление в заседание СНК завтра или в следующее заседание. В связи с этим подвергнуть декрет № 2 о суде пересмотру»⁴.

28 января 1918 года Совет Народных Комиссаров заслушал заявление Красикова, Стучки и других членов коллегии Наркомата юстиции о разногласиях, которые имели место по проекту декрета № 2 о суде. Решения по существу данного вопроса на этом заседании принято не было, и обсуждение его было перенесено на 30 января 1918 года⁵.

30 января 1918 года Совет Народных Комиссаров вернулся к обсуждению проекта декрета № 2 о суде. На заседании между большевиками и «левыми» эсерами развернулась ожесточенная борьба по спорным пунктам проекта. Совет Народных Комиссаров принял декрет № 2 о суде с поправками и дополнениями, внесенными в него членами Совета Народных Комиссаров и лично В. И. Лениным.

Во ВЦИК декрет № 2 о суде также обсуждался несколько раз, но окончательно был утвержден в первой половине февраля 1918 года в той редакции, в которой принял его Совет Народных Комиссаров 30 января.

В газете «Правда» от 19(6) февраля 1918 года, № 29 сообщалось, что ВЦИК принял дополнительный декрет № 2 о суде, и коротко излагалось его содержание.

¹ Ленинский сборник, вып. XXI, стр. 110.

² В связи с этим следует признать ошибочным утверждение проф. М. В. Ксеновникова о том, что проект декрета № 2 о суде обсуждался в Совнаркоме дважды. См. его работу «История советского суда», М., 1948 г., стр. 35.

³ ЦГАОР СССР, ф. 130, опись 2, дело 1, протокол № 47.

⁴ ЦГАОР СССР, ф. 130, опись 2, дело 1, протокол № 48.

⁵ ЦГАОР СССР, ф. 130, опись 1, дело 1, протокол № 58.

⁶ ЦГАОР СССР, ф. 130, опись 2, дело 1, протокол № 60.

Декрет № 2 о суде был опубликован в «Собрании Указаний и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства» только 7 марта (22 февраля) 1918 года (№ 26, ст. 347), т. е. значительно позже, чем он был утвержден ВЦИК.

* * *

Известно, что в проект декрета № 2 о суде В. И. Лениным были внесены поправки и дополнения принципиального порядка, касавшиеся важных вопросов, разрешаемых в этом декрете¹. Эти поправки и дополнения были приняты Советом Народных Комиссаров и сводились к следующему. В статью шестую проекта декрета, в которой говорилось об организации Верховного судебного контроля, В. И. Лениным внесены две поправки.

Первая поправка. По первоначальной редакции проекта право отзыва и переизбрания членов Верховного судебного контроля предоставлялось только общим собраниям областных народных судов. В. И. Ленин сделал добавление, что такое право должно быть предоставлено и Советам рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов. Это означало, что Советы имели право не только избирать судей, но и переизбирать и отзывать их, если они оказывались непригодными осуществлять задачи Советского государства.

Вторая поправка. В этой же статье указывалось, что Верховный судебный контроль в случае отмеченных им противоречий в толковании законов различными кассационными инстанциями выносит объединяющие принципиальные решения, которые кассационными инстанциями принимаются впредь к руководству. В. И. Ленин сделал добавление, что отменять решения Верховного судебного контроля может только законодательный орган Советской власти. Этим, с одной стороны, поднимался авторитет Верховного судебного органа, а с другой стороны, подчеркивалось, что Верховный судебный контроль всю свою работу проводит под непосредственным руководством высших законодательных органов Советской власти и только им подотчетен.

В статье восьмой проекта, в которой говорилось об использовании старых процессуальных законов, В. И. Лениным также были сделаны две существенные поправки.

Первая поправка. По первоначальной редакции проекта судам предоставлялось право ссылаться на все старые законы, поскольку они не были отменены Советской властью и не противоречили революционному правосознанию. В. И. Ленин добавил, что суды могут ссылаться на старые законы только тогда, когда они не противоречат правосознанию трудящихся классов. Здесь наиболее полно раскрывалось и конкретизировалось само понятие социалистического правосознания и подчеркивалась его классовая природа.

Вторая поправка. В первоначальном проекте декрета говорилось, что при отклонении суда от существующих законов в решениях и приговорах должны приводиться мотивы неприменения этих законов. В. И. Ленин сделал добавление, что данное требование должно относиться к устарелым или буржуазным законам. Этим еще раз подчеркивалась эксплуататорская сущность старых, буржуазных законов и акцентировалось внимание советских судов на том, чтобы они руководствовались в своей деятельности декретами Советской власти и своим социалистическим правосознанием, а к старым законам прибегали лишь в исключительных случаях.

¹ Ленинский сборник, вып. XXI, стр. 216—217.

Об
о суде,
ловных
а всегд
вытекал
сов Сою
роких т

Ст
В этих
ников е
роченн
правоз
вольной
Во-пер
легии г
Во-втор
в котор
состоят
лицам
и защи
револю
судебн
в судах
трудяш
неосла

Де
ную си
трибун
суды и

Чл
лись и
ских и
уголов
местны
окруж
и в лю
окруж
солдат
окруж
ловным
да) и
постоя
родных
Совето
Совета

Ос
опреде
чих, со
ных де
датель
послед
родным
дни пр
ние пр
что в

Об этом также убедительно говорила и статья 36 декрета № 2 о суде, в которой указывалось, что новые суды при рассмотрении уголовных и гражданских дел должны применять законы не формально, а всегда руководствоваться соображениями справедливости. Из этого вытекало, что советские суды всегда должны стоять на страже интересов Советского социалистического государства, выражающего волю широких трудящихся масс.

Статьи 21 и 23 из проекта декрета В. И. Лениным были исключены. В этих статьях говорилось о том, что в качестве обвинителей и защитников в любой стадии уголовного процесса могли выступать все неопороченные граждане. Из этих лиц должны были формироваться коллегии правозаступников, состоящие при соответствующих судах, путем добровольной их записи, если они желали оказывать помощь правосудию. Во-первых, В. И. Ленин сделал поправку, сводящуюся к тому, что коллегии правозаступников должны состоять при Советах, а не при судах. Во-вторых, вместо указанных двух статей он написал новую, 25-ю статью, в которой подчеркивалось, что членами коллегий правозаступников могут состоять лишь лица, избираемые и отзываемые Советами. Только этим лицам предоставлялось право выступать в судах в качестве обвинителей и защитников. Политический смысл этих поправок очевиден. Враги революции и другие темные дельцы лишались возможности использовать судебную трибуну в своих контрреволюционных целях. Право выступать в судах в качестве обвинителей и защитников предоставлялось только трудящимся. Деятельность коллегий правозаступников ставилась под неослабный контроль и повседневное руководство Советов.

Декрет № 2 о суде, как указывалось выше, создавал новую судебную систему. Наряду с местными народными судами и революционными трибуналами вводились окружные народные суды, областные народные суды и Верховный судебный контроль.

Члены окружных народных судов, по декрету № 2 о суде, избирались и отзывались местными Советами рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов. Окружные народные суды рассматривали те уголовные и гражданские дела, которые не охватывались подсудностью местных народных судов и революционных трибуналов. Председатели окружных народных судов избирались самими же членами этих судов и в любое время могли быть ими отозваны. Право отзыва председателя окружного народного суда сохранялось также и за Советом рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов, избравшим данный окружной народный суд. Действовали окружные народные суды по уголовным делам в составе председательствующего (постоянного члена суда) и 12 народных заседателей и по гражданским делам в составе трех постоянных членов и четырех народных заседателей. Общие списки народных заседателей составлялись исполкомами губернских и городских Советов на основании списков, представляемых районными и волостными Советами.

Очередность народных заседателей для участия в сессиях суда определялась путем жеребьевки, проводимой исполкомами Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов. При разборе уголовных дел народные заседатели все вопросы решали совместно с председательствующим, но в совещательной комнате при составлении приговора последний участвовал лишь с совещательным голосом. Более того, народные заседатели могли отводить председательствующего в любой стадии процесса, назначенного для данного заседания. Указанное ограничение прав председательствующего в судебном процессе диктовалось тем, что в начальный период Советской власти имелось в виду использовать

некоторых старых юристов, за работой которых необходимо было установить контроль со стороны народных заседателей. В состав же народных заседателей избирались наиболее передовые рабочие, крестьяне и военнослужащие, способные проводить политику большевистской партии и Советского государства в области борьбы с преступностью и разрешения гражданских споров. В таком порядке окружные народные суды действовали в качестве суда первой инстанции. В качестве суда второй инстанции (для рассмотрения кассационных жалоб на приговоры и решения окружных народных судов) по декрету № 2 о суде предусматривалась организация областного народного суда.¹ Состав этого суда должен был избираться самими членами окружных народных судов данной губернии, а не Советами. Члены областного народного суда должны были избираться из своей среды председателя суда. Отзывать членов областного народного суда могло общее собрание членов окружных народных судов, которое их избирало в состав областного народного суда. Право отзыва членов областного народного суда предоставлялось также и тем Советам, которые избирали их в окружной народный суд.

Областной народный суд мог отменять приговоры и решения окружных народных судов не только по формальным основаниям, но и в тех случаях, когда он устанавливал явную несправедливость приговора или решения. Ему же принадлежало право смягчения наказания по своему усмотрению «вплоть до условного или полного освобождения обвиняемого от всякого наказания», а также и право помилования. Апелляция не допускалась.

В целях достижения единообразия в судебной практике и для дачи принципиальных разъяснений по решениям областных народных судов был создан Верховный судебный контроль. Члены его должны были избираться сроком на один год общими собраниями областных народных судов из своего состава. Эти же собрания могли отзывать или переизбирать их. То же право предоставлялось и избиравшим их Советам рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов. Право отмены решений Верховного судебного контроля предоставлялось только законодательным органам.

В декрете № 2 о суде подробно определялся порядок рассмотрения дел во вновь создаваемых судах. Судоговорение должно было происходить на местном языке. Язык судопроизводства устанавливался в каждой местности судом по согласованию с местным Советом. Это являлось практическим применением ленинско-сталинской национальной политики в деятельности советского суда.

Товарищ Сталин в своей работе «Политика Советской власти по национальному вопросу в России», говоря о подборе кадров в советские и партийные органы в национальных республиках, указывал на необходимость того, «...чтобы все советские органы на окраинах, суд, администрация, органы хозяйства, органы непосредственной власти (а также и органы партии) составлялись по возможности из местных людей, знающих быт, нравы, обычаи, язык местного населения...»¹.

Предварительное следствие по уголовным делам, подсудным окружным народным судам, производилось специальными следственными комиссиями в составе трех лиц, избираемых местными Советами.

Судопроизводство по уголовным и гражданским делам должно было происходить по правилам Судебных уставов 1864 года «постольку, поскольку таковые не были отменены советскими декретами и не противоречили правосознанию трудящихся классов».

¹ Сталин, Соч., т. 4, стр. 358.

С
нения
наказ
закл
ные д
о не
С
что н
Так с
ные 1

Е
попы
дова
являе
ми»
прое
во гл
он н
прав
Нарс
ные
ный

ског
чина
от 2
сущ
о су,
выб

В. И
да.
учас
прие
Это
шин
учат

кре
как
обв
говс
спр

след

мог
дел
лю

Судебное следствие производилось при обязательном участии обвинения и защиты. Жалобы на оправдательные приговоры и на смягчение наказания не допускались. Суды для несовершеннолетних и тюремное заключение как мера уголовного наказания для них отменялись. Уголовные дела этой категории подлежали рассмотрению в комиссиях по делам о несовершеннолетних.

Общеизвестно, что события в тот период развивались так быстро, что некоторые положения декрета № 2 о суде осуществить не удалось. Так областные народные суды и Верховный судебный контроль, созданные по декрету № 2 о суде, фактически не были организованы.

* *
*

В нашей юридической литературе отдельные ученые юристы делали попытки рассматривать декрет № 2 о суде как невыдержанный, непоследовательный, компромиссный. Они считали, что декрет № 2 о суде является не чем иным, как отражением неразберихи, созданной «левыми» эсерами, находившимися тогда во главе Наркомата юстиции.

Такая оценка декрета № 2 о суде является глубоко ошибочной. Хотя проект этого декрета и разрабатывался аппаратом Наркомата юстиции, во главе которого стоял «левый» эсер, но нельзя не считаться с тем, что он неоднократно обсуждался в Совете Народных Комиссаров и лично правился В. И. Лениным. В проект декрета № 2 о суде членами Совета Народных Комиссаров и лично В. И. Лениным были внесены существенные поправки и дополнения, которые в корне изменили его первоначальный вариант.

Декрет № 2 о суде развивал основные принципы построения советского суда и права, заложенные в декрете № 1 о суде. Недаром он начинался со слов, что издается в развитие и дополнение декрета о суде от 24 ноября 1917 года. Декрет № 2 о суде создавал новую и укреплял существующую советскую судебную систему. Суды по декрету № 2 о суде комплектовались из числа трудящихся, и сохранялся принцип выборности.

Это решение было практическим претворением в жизнь указаний В. И. Ленина, данных им на VII съезде РКП(б) в начале марта 1918 года. В. И. Ленин говорил: «Нам надо судить самим. Граждане должны участвовать поголовно в суде и в управлении страны. И для нас важно привлечение к управлению государством поголовно всех трудящихся. Это — гигантски трудная задача. Но социализма не может ввести меньшинство — партия. Его могут ввести десятки миллионов, когда они научатся это делать сами»¹.

Действовали суды коллегиально. В декрете № 2 о суде получили закрепление и свое дальнейшее развитие такие демократические принципы, как гласность и состязательность советского уголовного процесса, право обвиняемого на защиту, судоговорение на местном языке, отмена приговоров и решений не только по формальным признакам, но и по их несправедливости и т. д.

Таким образом, организация окружных народных судов вызывалась следующими причинами.

Во-первых, необходимо было создать такой судебный орган, который мог бы без серьезных ошибок решать сложные уголовные и гражданские дела, не охватываемые подсудностью местного народного суда и революционного трибунала. Отсюда количество народных заседателей для

¹ Ленин, Соч., т. 27, стр. 111.

участия в сессиях окружного народного суда было значительно увеличено по сравнению с количеством народных заседателей, участвующих в сессиях местного народного суда.

Во-вторых, от упраздненных старых окружных судов и судебных палат осталось большое количество нерешенных уголовных и гражданских дел, а местные народные суды были заняты рассмотрением текущих дел, поэтому возникла и практическая потребность в создании нового судебного органа, хотя бы и временного. По этому поводу Д. И. Курский в апреле 1918 года говорил: «Система двух судов — местного и окружного — является... временной. Окружные народные суды в течение переходного времени должны служить следующему назначению: они должны разгрузить народный суд от тех дел, гражданских и уголовных, которые возникли до упразднения старых судов по декрету № 1, и тем помочь местному суду сосредоточить свою деятельность на текущих многочисленных делах временно сокращенной подсудности. С укреплением местного суда, с повсеместным его распространением и ликвидацией залежей старых дел в окружных судах должна быть проведена в жизнь система единого народного суда»¹.

В-третьих, учитывались и пожелания с мест, где без указаний центра аналогичные суды создавались по решениям губернских исполкомов.

Декрет № 2 о суде, как и декрет № 1 о суде, оказал огромное положительное влияние на создание новой судебной системы и нового, социалистического права других национальных республик Украины, Белоруссии, Закавказья и Средней Азии. Следовательно, и в этом также сказалась ведущая роль великого русского народа.

* * *

Советский суд, рожденный Великим Октябрем, с первых дней своего существования служит интересам трудящихся. Он наносил и наносит сокрушительные удары по всем тем, кто пытался и попытается причинить ущерб Советскому государству, социалистическому правопорядку, правам и интересам советских граждан.

Наш суд, руководствуясь указаниями партии Ленина—Сталина и Советского Правительства, проводит большую работу по искоренению пережитков капитализма в сознании людей. Он ведет борьбу за новую культуру и новый быт, а это во многом укрепляет социалистический строй.

Недавно прошедшие выборы народных судов явились новым торжеством подлинной советской демократии. Они служат дальнейшему росту могущества Советского государства и укреплению социалистической законности в нашей стране.

¹ Д. Курский, Статьи и речи, М., 1948 г., стр. 20.

Обвин
добности
работа
дебном
всей ег
мому с
значени
процесс
к дока
дебном
му. Пр
числяет
чески о
доказат
щими
ния ма
щими
не могу
Одна
приведе
нудь и
ственно
вините

Всяк
это ег
трибун
ческого
народа
разите.
дарств
речи и
ские и
деляют
Предл
шеству
правое
престу

Обви
всегда
его с
высту
го вы
на сл
госуда
всегда
жения
текат
денны

Сов
винит
анали
дуюш
остал
квали
делу
ной т
листи

ОБВИНИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ ПРОКУРОРА

Обвинительной речью и в случае надобности репликой прокурора завершается работа государственного обвинителя в судебном процессе. Речь прокурора — итог всей его работы по делу, рассматриваемому судом. Уже это определяет особое значение обвинительной речи в судебном процессе. Обвинитель вновь возвращается к доказательствам, исследованным в судебном следствии, и приводит их в систему. При этом обвинитель не просто перечисляет суду доказательства, но критически оценивает их, объясняя, почему одни доказательственные факты он считает имеющими решающее значение для установления материальной истины, а другие имеющими второстепенное значение или вообще не могущими влиять на приговор.

Однако, исследованием доказательств и приведением их в стройную систему отнюдь не ограничиваются задачи государственного обвинителя, произносящего обвинительную речь.

Всякая обвинительная речь прокурора — это его публичное выступление с судебной трибуны от имени советского социалистического государства, от имени советского народа, представителем интересов и выразителем воли которого является государственный обвинитель. В обвинительной речи прокурор формулирует те политические и правовые положения, которые определяют его позицию по данному делу. Предложению прокурора о наказании предшествуют политическая оценка событий, правовой анализ, характеристика личности преступника.

Обвинительная речь прокурора — это всегда, независимо от характера дела и его объема, ответственное политическое выступление; воспитательное значение этого выступления и степень воздействия его на слушателей тем более велики, что речь государственного обвинителя должна быть всегда конкретна, общие выводы и положения, содержащиеся в ней, должны вытекать из обстоятельств, из фактов, рожденных жизнью.

Советский прокурор, произносящий обвинительную речь, — не пассивный юрист-аналитик, более или менее искусно исследующий факты и ограничивающий свои остальные задачи вопросами юридической квалификации, но всегда и по любому делу — большевик, выступающий с судебной трибуны во имя осуществления социалистической справедливости, во имя иско-

рения преступности, никогда не забывающий о предупредительном значении своей судебной работы.

Это определяет наступательный характер обвинительной речи, ее активность. Произнося обвинительную речь, государственный обвинитель выступает как активный борец с преступностью, как борец, обладающий не только доброй волей и стремлением к борьбе, но освоивший искусство изобличения преступника, сложную и многообразную технику публичного выступления в суде.

Нельзя думать, что овладение этим искусством может притти только в результате изучения одного или нескольких методических пособий. Любые методические пособия, посвященные вопросам составления и произнесения обвинительной речи, могут иметь для государственного обвинителя лишь вспомогательное значение, они могут облегчить работу по овладению искусством публичного выступления в суде, но, конечно, никогда не заменят этой работы.

На белорусском совещании работников прокуратуры в 1938 году А. Я. Вышинский справедливо указывал: «Прокуроры наши очень часто боятся публичных судебных заседаний именно потому, что не уверены в своих силах... Если прокурор будет пассивно ждать, пока он созреет и сумеет безболезненно для себя принимать участие в состязательном процессе, можно смело сказать, что этот счастливый момент прокурорской зрелости никогда в его жизни не наступит. Прокурор созревает на практической работе, когда он выступает в суде» («Социалистическая законность» 1938 г., № 7, стр. 94).

Эти замечания А. Я. Вышинского, совершенно правильные для любой части выступления прокурора в судебном процессе, особенно правильны для обвинительной речи. Стать судебным оратором можно только в результате ряда судебных выступлений, в результате судебной борьбы, в результате практического преодоления многих трудностей как объективного, так и субъективного порядка, с которыми связано публичное выступление прокурора в суде.

Однако, изучение прежнего опыта государственных обвинителей и особенно лучших образцов публичных выступлений в судах может существенно облегчить ра-

боту прокурора, стремящегося овладеть искусством обвинительной речи, и помочь ему избежать ряда ошибок.

Для того, чтобы правильно построить обвинительную речь, необходимо прежде всего уяснить особенности обвинительной речи как публичного выступления.

Практика показывает, что многие неудачи государственных обвинителей обусловлены тем, что, выступая в качестве судебных ораторов, прокуроры не учли важнейших особенностей обвинительной речи, отличающих ее от любых других публичных выступлений. Формально в таких речах имеются все необходимые элементы обвинительной речи, начиная со вступления, кончая вопросами квалификации, предложением о мере наказания и концовкой. Многие судебные ораторы в стенограммах речей, присланных в Прокуратуру СССР так и обозначают соответствующие разделы своих выступлений. И тем не менее изучение этих речей показывает, что, несмотря на формальную правильность построения, они явно не удовлетворяют элементарным требованиям, предъявляемым к публичному выступлению прокурора в суде.

Это объясняется тем, что при подготовке и произнесении речи ораторы пренебрегли особенностями обвинительной речи как публичного выступления и произнесли либо абстрактный общий доклад по поводу преступления либо, наоборот, зачастую не совсем удачно повторили обвинительное заключение.

Выяснению важнейших особенностей обвинительной речи, — ее содержания и стиля, — мы и считаем нужным посвятить эту статью.

Главная особенность обвинительной речи, как публичного выступления заключается в том, что эта речь всегда посвящена судебному делу и обстоятельства дела составляют ее основное содержание. Поэтому обвинительная речь всегда должна быть конкретна. Общие положения могут быть выдвинуты государственным обвинителем или для оценки конкретных обстоятельств дела, или как выводы из этих конкретных обстоятельств.

Однако, сама природа обвинительной речи отвергает не связанные с судебным делом общие рассуждения или злоупотребление абстрактными цитатами.

По справедливому выражению А. Я. Вышинского, уже вследствие того, что «речь прокурора на суде — это судебная речь», в основе ее должен лежать «пафос фактов», — «...анализ фактов, прошедших перед судом, юридический анализ доказательств и связанная с этим критика или критический разбор всех доводов, которыми подсудимый пытается оправдаться, опровергнуть предъявленное ему обвинение».

Но, как уже указывалось выше, это не значит, что речь государственного обвинителя может быть аполитичной. Наоборот, сама конкретность обвинительной речи, ее

направленность против конкретного преступления и преступников придает ей величайшую убедительность и политическую заостренность.

Природа обвинительной речи такова, что обвинитель, доказывая обвинение и характеризуя преступников, идет от отрицательных фактов, — показывает вред, наносимый преступлением, показывает преступников как врагов государства и народа. Но именно эта конкретность фактов, являвшихся предметом судебного исследования и прошедших на судебном следствии перед находившимися в зале суда слушателями, дает возможность прокурору создать вокруг преступников ту атмосферу общего морального бойкота и ненависти окружающей публики, которую товарищ Сталин требовал создать вокруг воров и расхитителей народного добра.

Советский прокурор, выступающий в суде, должен уметь поднять гнев народа против преступления и его исполнителей, именно в этом важнейшая политическая задача обвинительной речи. Однако, этой цели государственный обвинитель должен уметь достигать, не произнося абстрактного доклада по поводу преступления с тощими ссылками на фабулу дела, а стоя на почве конкретных обстоятельств дела, конкретных доказательственных фактов и характеристик лиц, уже известных суду по материалам судебного следствия.

Отсюда вытекает вторая особенность обвинительной речи как публичного выступления, — ее доказательность.

В строгой доказательности обвинительной речи, в глубоком знании прокурором доказательств по делу и в умении сделать свои выводы очевидными для суда и находящихся в зале суда слушателей — важнейшая задача государственного обвинителя.

Для государственного обвинителя совершенно недостаточно выдвинуть утверждение о виновности и без ссылки на доказательства описать обстоятельства дела в общем виде — так, как они представляются прокурору по формуле обвинительного заключения.

Между тем, эту ошибку весьма часто допускают неопытные государственные обвинители. Из присланных в Прокуратуру СССР многочисленных речей начинающих государственных обвинителей видно, что зачастую исследование конкретных доказательств подменяется описанием обстоятельств дела в общих чертах, своеобразным дублированием в обвинительной речи формулы обвинения, после чего обвинитель заявляет о том, что «все это вполне доказано прошедшими перед судом доказательствами», или «доказательства эти свежи в памяти суда и я не считаю нужным их повторять», и переходит к вопросу об юридической квалификации или о мере наказания.

Так один из районных прокуроров

Алтайского района сельскохо- странно, зательств ватем вес «анализ / мечаниям предъявля димым? Я в своем п ложител это доказ это доказ в-третьих, которые в а также ч судимых».

Понятно лиз дока и если су вопрос о ставленны уж никак ственного

Соверше в методи СССР «М ной речи лунским п го), что « тогда, ког какими ор общими р отсутствие фактически именно до каждого о прокурора; эта задача, дующих ча ности, сове тцательный рассуждени Дать оценк ступления лишь тогда ния, и док но обвиняе

Пренебре ностью обв тяжкие ош теля. При и неустанов висают в вс положения, речи. Не д решив вопр не может своих задач

Третья тельной ступател ленности су на разоблач ние преступ

¹ «Социал № 10, стр.

Алтайского края, повторив в обвинительной речи по делу о нарушении Устава сельскохозяйственной артели весьма пространно, но без всяких ссылок на доказательства, формулу обвинения, ограничил затем весь раздел речи, озаглавленный им «анализ доказательств», следующими замечаниями: «В какой степени доказаны предъявленные пункты обвинения подсудимым? Я думаю, что вы, товарищи судьи, в своем приговоре ответите на этот вопрос ложительно. Да, доказано! Во-первых, это доказано актом ревизии, во-вторых, это доказано свидетельскими показаниями, в-третьих, это доказано теми документами, которые вы имеете в своем распоряжении, а также частичным признанием самих подсудимых».

Понятно, что произвести подобный «анализ доказательств» куда как просто, и если суд «положительно ответил» на вопрос о виновности подсудимых, поставленный прокурором, то это объясняется уж никак не достоинством речи государственного обвинителя.

Совершенно правильно подчеркивается в методическом письме Прокуратуры СССР «Методика подготовки обвинительной речи на суде» (составлено С. А. Голушским под редакцией А. Я. Вышинского), что «обвинение убедительно только тогда, когда оно основано на фактах. Никакими ораторскими приемами, никакими общими рассуждениями нельзя заменить отсутствие в речи прокурора твердого фактического обоснования. Установить, что именно доказано по делу в отношении каждого обвиняемого,— важнейшая задача прокурора; от того, как будет разрешена эта задача, зависит и качество всех последующих частей прокурорской речи. В частности, совершенно недопустимо подменять тщательный разбор доказательств общими рассуждениями об опасности преступления. Дать оценку общественной опасности преступления необходимо и обязательно, но лишь тогда, когда доказан факт преступления, и доказано, что совершено оно именно обвиняемым»¹.

Пренебрежение этой важнейшей особенностью обвинительной речи влечет самые тяжкие ошибки государственного обвинителя. При недоказанности преступления и неустановленности вины преступника повисают в воздухе самые правильные общие положения, выдвинутые в обвинительной речи. Не доказав преступления и не разрешив вопроса о виновности, обвинитель не может выполнить и всех остальных своих задач.

Третья особенность обвинительной речи заключена в ее наступательности, в активной направленности судебного выступления прокурора на разоблачение преступления и изобличение преступника, в ее боевом характере.

Обвинительная речь рождается, как правило, в напряженной судебной борьбе. Анализируя доказательства, ведя допрос на судебном следствии, полемизируя по отдельным вопросам с защитой, прокурор изобличает преступника, в подавляющем большинстве случаев активно сопротивляющегося.

Анализируя в речи доказательства, оценивая степень опасности преступления, выдвигая требование о мере наказания, прокурор произносит не отвлеченный доклад по поводу судебного дела, не своеобразное напутствие членам суда перед их уходом в совещательную комнату, а обвинительную речь. Прокурор не имеет права оставаться беспристрастным, когда речь идет о нарушении интересов государства. По этому поводу очень хорошо сказал А. Я. Вышинский в речи по делу ленинградских судебных работников: «Мы, стороны,— обращаясь к суду, говорил тов. Вышинский,— обязаны в процессе быть наиболее осторожными, мы обязаны быть наиболее объективными, мы не должны забывать того, что наша роль есть роль помощников ваших... С этой точки зрения подходя к своей задаче, я должен сказать, что первое требование, которое я сам, как государственный обвинитель, ставлю себе,— это полное спокойствие, полная объективность, беспристрастность, но не бесстрастность. Я должен заранее сказать, я должен заранее перед вами, товарищи судьи, повиниться,— бесстрастным в этом деле быть нельзя, невозможно. Всякий суд должен найти истину... В борьбе за истину мы и защита встретимся еще в схватках, мы еще поборемся и истина восторжествует»¹ (подчеркнуто мною. Л. С.).

Произнося обвинительную речь, прокурор добивается не только изобличения и осуждения преступника, но и осуждения самого преступления. Речь государственного обвинителя является орудием мобилизации общественного мнения; речь эта произносится не только для суда, но и для всех присутствующих в судебном зале.

В 1934 году на заседании судебных и прокурорских работников, посвященном 10-летию Верховного суда СССР, М. И. Калинин говорил: «Мы мало учитываем, что суд оказывает огромное влияние как на тех, которые привлекаются к ответственности, так и на присутствующих». Поэтому тов. Калинин ставил задачу так вести судебный процесс, чтобы «все присутствующие в суде разобрались бы в этом деле и поняли бы правильность вынесенного судом решения»².

¹ А. Я. Вышинский — Судебные речи, Юриздат, М. 1948, стр. 10.

² М. И. Калинин — Речь на заседании судебно-прокурорских работников в день десятилетия Верховного суда СССР — «Социалистическая законность», 1934 г.

¹ «Социалистическая законность» 1938 г. № 10, стр. 20.

Речь государственного обвинителя подготавливает присутствующий в зале суда к правильному пониманию приговора.

В обвинительной речи прокурор обязан проявить ту большевистскую непримиримость к преступлению, которой требовал от него В. И. Ленин, указывая в известном письме о борьбе с волокитой, что обвинитель должен «...перед всеми разнести вдрызг, осмелить и опозорить защиту волокиты» (Соч., изд. 3, т. XXIX, стр. 415).

Ленин, придавая большое значение гласности судебного процесса, требовал публичного рассмотрения судебных дел «...не столько ради строгого наказания... но ради публичной огласки и разрушения всеобщего убеждения в ненаказуемости виновных» (Соч., изд. 3, т. XXIX, стр. 412).

Показывая неотвратимость наказания, мобилизуя общественное мнение на борьбу с преступностью, государственный обвинитель в своей речи не может оставаться на позициях пассивного объективизма, бесстрастности, терпимости к преступлению. Обвиняя от имени государства преступника и опозоривая перед всеми находящимися в зале суда преступление, — он проявляет величайшую обвинительную энергию, наступательность, активность.

Но это не значит, что советский прокурор, обвиняя в суде, уподобляется буржуазным прокурорам, обвиняющим «при всех условиях и несмотря ни на что», добивающихся обвинительного приговора даже путем сознательного искажения фактических обстоятельств дела.

Советский государственный обвинитель должен выступать с обвинительной речью, только будучи убежденным в доказанности обвинения. Обвинительной речи предшествует судебное следствие, в результате которого у прокурора складывается определенное мнение о виновности, определенная оценка доказательств. Во время судебного следствия обвинитель разрешает возникшие у него сомнения по поводу ценности отдельных доказательств и к обвинительной речи он может приступить, только проникнувшись твердым убеждением в виновности подсудимых и определив внутренне роль каждого из них в событиях, явившихся предметом судебного исследования.

Строгая индивидуализация наказания, требование о наказании в соответствии с содеянным, с учетом обстоятельств, характеризующих личность преступника, с учетом доказательств, не только устанавливающих виновность, но и смягчающих вину — являются обязательными для государственного обвинителя в советском суде.

Придя к убеждению в невиновности подсудимого, государственный обвинитель не может, а должен отказаться от обвинения, ибо, как говорил М. И. Калинин, «работники советской прокуратуры не должны забывать, что прокуратура высту-

пает не только в качестве обвинителя против нарушителей советских законов, но она обязана также защищать советского гражданина, если он привлекается к судебной ответственности без достаточных оснований».

Строго индивидуализировать следует не только требования о наказании, но характеристики, эпитеты и сравнения, к которым прибегает прокурор, выступая с обвинительной речью. Одними будут эти характеристики, если речь идет о сознательных врагах советского государства, расхитителях социалистической собственности или преступниках-рецидивистах, и совсем иначе будет звучать речь государственного обвинителя применительно к «случайным преступникам».

Но используя с предельной добросовестностью только проверенные и соответствующие действительности материалы дела, не замалчивая обстоятельств, смягчающих вину подсудимого, а если и не принимая во внимание эти обстоятельства, то каждый раз объясняя почему он поступает именно так, — прокурор, выступая с обвинительной речью, не имеет права превращаться в бесстрастного «докладчика дела».

Наступательность обвинительной речи не имеет ничего общего с крикливостью, фразерством, употреблением тех столь любимых дореволюционными юристами «громких и жалких» фраз, которым не место в советском суде.

Однако убедившись в том, что перед ним находится преступник, сознательно нарушивший советские законы, халуга, расхитивший социалистическую собственность, или разложившийся хулиган, терроризирующий население, прокурор не может ограничиться изложением фактической стороны дела и закончить речь тем, что он считает вполне установленным в действиях подсудимого состав преступления, предусмотренного такой-то статьей УК, и предлагает применить такую-то меру наказания. Подобное построение будет правильно для кассационного или надзорного протеста, для обвинительного заключения, но произнесенная таким образом речь не удовлетворит ни суд, ни присутствующих в зале суда. В борьбе с врагами советского государства, опасными преступниками, подрывающими основы социалистического общежития, прокурор не может не использовать оружие беспощадных характеристик, оружия обличительного пафоса, иронии и даже сарказма. Важно только, чтобы каждая такая характеристика основывалась на фактических обстоятельствах дела, а не являлась плодом воображения государственного обвинителя.

Замечательные образцы наступательности, боевой активности обвинительной речи государственных обвинителей найдут в «Судебных речах» А. Я. Вышинского.

Говоря о врагах народа или о спекулянтах, нэпманах и жуликах, подкапывавшихся под экономические основы проле-

тарского бежал к в

лиям и х
Говоря
ских суде
следовате
рантов»,
зовал это
зывается
Жило-бы
и нет «де
как у Го
предвари
нию, на
(«Судебн

К остр
стически
часто пр
дых соци
Многочис
ственные
А. Я. Вы
ционных
нению л
и др.

Но вот
«делу Г
шинский

«На ос
тивного
ний ряд
кожу к
Конечно,
деле, гд
наживат
наших С
разорени
роль пр
принадл
был в ч
это отве

Я кон
напомни
момента
тогда, к
ны гра
ческой
ских от
вашим
на кол
дейским
братья,
ло рабо
чаковск
и Позн
врагам
общее
Нельзя
Позигул
ной го
сти, сг
неважн
ной ко
гуна и
наказал
В пе
А. Я.
нитель
телем

тарского государства, тов. Вышинский прибегал к воистину беспощадным сопоставлениям и характеристикам.

Говоря в речи на процессе ленинградских судебных работников об уничтожении следователями-взяточниками «дела лаборантов», тов. Вышинский так характеризовал этот эпизод: «Жило-было дело. Называлось дело лаборантов за № 2504. Жило-было — и его не стало. Есть «дело», а нет «дела». Правда, его не съела свинья, как у Гоголя, но его съели свиньи по предварительному между собою соглашению, на общей для них платформе» («Судебные речи», стр. 17).

К острому оружию беспощадных саркастических характеристик А. Я. Вышинский часто прибегал, разоблачая классово чуждых социалистическому государству людей. Многочисленные примеры этого государственные обвинители найдут в речах А. Я. Вышинского по делам контрреволюционных преступных организаций, по обвинению ленинградских судей, «делу Гукон» и др.

Но вот как по тому же так называемому «делу Гукон» — характеризовал тов. Вышинский подсудимого Позигуна:

«На основании имеющегося в деле объективного материала и на основании показаний ряда свидетелей и обвиняемых, я прихожу к выводу о виновности Позигуна. Конечно, в этом позорном и печальном деле, где бессовестные мародеры пытались наживаться и наживались на несчастье наших братьев, на страданиях детей, на разорении народного хозяйства, первая роль принадлежит не Позигуну. Эта роль принадлежит Топильскому. Но Позигун был в числе мародеров и должен нести за это ответственность.

Я кончаю. Я не могу в заключение не напомнить вам, товарищи судьи, об одном моменте судебного следствия. Это было тогда, когда перед вами пронесли картины гражданской войны, картины героической борьбы наших славных партизанских отрядов против колчаковщины. Перед вашим умственным взором прошла картина колчаковской тюрьмы, куда белогвардейскими палачами были брошены наши братья, борцы за советскую власть, за дело рабочего класса. В этой ужасной колчаковской тюрьме томился в те дни и Позигун, честно боровшийся с нашими врагами, отдавая свою жизнь за наше общее дело. Этого не вспомнить нельзя. Нельзя не вспомнить этого сейчас, когда Позигун сидит перед вами с низко опущенной головой, ожидая решения своей участи, сгорая от стыда и позора. Я не сомневаюсь, что вы вспомните в совещательной комнате и эту страницу жизни Позигуна и учтете это при определении ему наказания» («Судебные речи», стр. 143—144).

В первой цитате из «Судебных речей» А. Я. Вышинского государственный обвинитель выступает беспощадным разоблачителем проходимцев и жуликов, эппманов

и спекулянтов, присосавшихся к органам советского правосудия. Речь государственного обвинителя исполнена гневным, разящим врагов советской власти сарказмом. Из таких беспощадных, но созданных обвинителем на основе строгих документальных данных дела характеристик, как логическое завершение их, вырастает требование о применении к преступникам наиболее суровой меры наказания, какую знает закон.

Характеризуя Позигуна, А. Я. Вышинский не перестает быть обвинителем, активным борцом с преступностью. Речь его не теряет своей обличительной силы, он непримирим к преступлению. Но государственный обвинитель, несмотря на то, что Позигун был в числе мародеров и должен нести за это ответственность, считает необходимым восстановить в памяти суда обстоятельства, не только обличающие Позигуна, но смягчающие его вину. В первой цитате речь шла о глубоко морально павшем преступнике, о сознательном и законченном враге советского государства, во втором отрывке (ему предшествовал детальный анализ доказательственного материала в отношении Позигуна) обвинитель говорил о человеке, случайно вставшем на путь преступления. Поэтому так убедительно, ничуть не ослабляя обличительной силы обвинения, но, наоборот, еще более укрепляя ее, звучат заключительные слова этой речи А. Я. Вышинского:

«Пролетарская революция, беспощадная к врагам, великодушна к тем, кто случайно встал на путь преступлений и кто способен сойти с этого пути, кто способен вернуться к честной жизни, к творческому труду» («Судебные речи», стр. 144).

Произнося обвинительную речь, прокурор никогда не должен терять чувство меры, давая событиям и людям именно те обозначения и характеристики, которых они действительно заслуживают.

В одном из народных судов Московской области нам пришлось услышать не в меру ретивого помощника районного прокурора, который, обвиняя группу подростков, в первый раз совершивших мелкую квартирную кражу, всерьез назвал подсудимых «врагами народа». Ничего, кроме досадного недоумения, такая «характеристика», разумеется вызвать не может.

Но плох будет тот прокурор, который, обвиняя группу матерых расхитителей социалистической собственности, причинивших значительный ущерб государству, подкапывавших под экономическую основу советского строя, не назовет преступников тем точным термином, которым обозначает их Конституция СССР, — врагами народа, если по такому делу государственный обвинитель замкнется в скорлупу чисто юридического анализа и перечисления доказательственных фактов, не сделав политических выводов из дел, не мобилизовав против преступников и преступления общественного гнева и презрения.

Плох будет тот прокурор, который по такому делу не сумеет во всеоружии доказательственных фактов перед всеми разнести вдребезги и опозорить преступление, а ограничится тем, что языком заключения бухгалтерской экспертизы подсчитает убытки и перейдет к вопросам юридической квалификации.

Речь государственного обвинителя — боевое политическое выступление с судебной трибуны. Тщательно взвесив все отягчающие и смягчающие обстоятельства и убедившись в виновности преступника и его опасности для общества, прокурор не может во имя корректности и сдержанности лишить свою речь обличительной силы и политического пафоса, превратив ее в копию обвинительного заключения.

Но, как справедливо указывается в методическом пособии Прокуратуры СССР «Методика подготовки обвинительной речи на суде», «Величайшая политическая заостренность, максимальная обвинительная энергия в речи прокурора должны комбинироваться с абсолютной точностью и полнотой в изложении фактических обстоятельств дела. Ленин писал, что «решительности у нас довольно. А нет умения поймать достаточно быстро достаточное количество спекулянтов, мародеров, капиталистов — нарушителей советских мероприятий» (Соч., т. 27, стр. 311).

Основная задача прокурора состоит в том, чтобы доказать факт преступления и виновность обвиняемого, а не в том, чтобы голословно, хотя и очень решительно требовать его осуждения.

Только при этом условии речь прокурора будет иметь то значение, которое она должна иметь, как одна из важнейших стадий судебного процесса¹.

Четвертая особенность обвинительной речи связана с вопросами формы, в которую должна быть облечена судебная речь прокурора.

Государственный обвинитель сможет выполнить свои задачи, т. е. убедить слушателей в правильности своих выводов, доказать преступление, изобличить преступника, создать вокруг него атмосферу всеобщей ненависти и презрения только в том случае, если все доводы прокурора будут правильно поняты судом и находящимися в судебном зале.

Требование ясной, доходчивой и понятной речи, речи образной и впечатляющей должно быть предъявлено к любому публичному выступлению, будет ли это доклад, выступление на собрании или обвинительная речь.

Говоря об особенностях обвинительной речи прокурора, необходимо с самого начала рядом с конкретностью, доказательностью и активной направленностью речи на изобличение преступника поставить ясность и точность этой речи, как совершенно обязательное условие публич-

ного выступления государственного обвинителя.

Готовясь к выступлению в суде, составляя план речи, приводя в систему доказательства и, конечно, выступая в суде, прокурор должен все время думать о том, как расположить материал, в какую форму его облечь, чтобы быть правильно понятым слушателями, чтобы после его выступления не могло остаться места для двояких толкований или неясностей, чтобы подчеркнуто было и в сознании суда и слушателей отложилось, как главное именно то, что государственный обвинитель считал нужным особо выделить.

Для советского прокурора требование наибольшей ясности и точности судебной речи является совершенно обязательным.

Слово — основное оружие государственного обвинителя. Для того чтобы судебная речь была действенной, для того, чтобы государственный обвинитель мог выступать на суде как настоящий борец с преступностью, как действительный глашатай правовых идей социалистического государства, он должен быть прежде всего правильно понят судом и слушателями. Без этого неперемного условия не мыслится обвинительная речь. Эта речь может быть построена лучше или хуже, в зависимости от индивидуальных особенностей обвинения, она может произвести большее или меньшее впечатление на слушателей, но любая обвинительная речь должна быть прежде всего точна и ясна.

Не достигнув ясности и точности речи, государственный обвинитель окажется неспособным выполнить стоящие перед ним большие государственные задачи.

Вот почему важнейшей задачей государственного обвинителя является повседневная работа над языком, над обогащением своего словарного запаса, над изучением тех замечательных образцов могучей, приводящей в движение миллионы людей речи, которые содержатся в выступлениях выдающихся деятелей революционного рабочего движения и в первую очередь в произведениях величайших гениев человечества В. И. Ленина и И. В. Сталина.

* * *

Повседневно государственные обвинители используют оружие живого слова для борьбы с врагами советского государства, пытающимися протащить в наш нынешний день, день победоносного строительства величественного здания коммунизма, традиции старого, отживающего капиталистического общества. Однако далеко не всегда прокурор, выступающий в суде, полностью осознает какие возможности открывает перед ним в этой напряженной судебной борьбе наш великий язык — язык Пушкина, Гоголя и Толстого, Ленина и Сталина.

Прокурор, выступающий в суде, должен глубоко задуматься в высказывания товарища Сталина о неразрывной связи языка и мышления. Ясная и точная мысль,

основанная сама ищущая. Замет отсюда, — первого вынуждения.

В стрелную форму государственного пользования протекания лицистика,

Речи и И. В. С государственными обяснениями и передающими, и

Великие знали и русскую

Без з: тцательн обвините: денция я: чтобы ус

Для у: сударстве: лучшие о: в речах: в первук: ского об: и в реча:

К выс: ных орат: ся крити: сяжных: дней бол: ких пред: красноре: ский, пр: ский суд: Никак н: подновит: дебных: таться

Ф. Н. Г: за образ: это дела: «Прокур: жительнс: же авто: крикливо: ских бур: Танж), с: но, как: писал в:

Но мы: речей А: го, Урус: ителей: Повторя: в качест:

¹ Кон: стр. 100-

¹ Журнал «Социалистическая законность» 1938 г. № 10, стр. 18.

основанная на глубоком знании предмета, сама ищет наиболее совершенного воплощения. Знание дела и всего того, что может относиться к его рассмотрению в суде, — первое и неотделимое условие успешного выступления государственного обвинителя.

В стремлении найти наиболее совершенную форму для выражения своих мыслей государственный обвинитель должен использовать все то лучшее, что дала на протяжении своего развития великая русская литература, революционная публицистика, судебная практика.

Речи и выступления В. И. Ленина и И. В. Сталина являются для советских государственных обвинителей замечательными образцами живого слова, предельно ясного и точного, безукоризненно верно передающего любые оттенки и, когда это нужно, на смерть разящего врага.

Великие вожди пролетариата глубоко знали и всегда высоко ценили великую русскую литературу.

Без знания русской литературы, без тщательного ее изучения государственный обвинитель никогда не достигнет того владения языком, которое необходимо ему, чтобы успешно выступать в суде.

Для успешного выступления в суде государственный обвинитель должен изучать лучшие образцы судебных выступлений как в речах современных судебных ораторов и, в первую очередь, в речах лучшего советского обвинителя А. Я. Вышинского, так и в речах выдающихся ораторов прошлого.

К выступлениям старых русских судебных ораторов нужно, разумеется, относиться критически. Рассчитанные на суд присяжных заседателей, отделенные от наших дней более чем полувеком, выступления таких представителей «стихийного судебного красноречия», как Плевако или Андреевский, при попытке перенести их в советский суд прозвучали бы попросту комично. Никак нельзя согласиться с попытками подновить обветшавшие приемы этих судебных ораторов прошлого и всерьез пытаться выдать защитительные речи Ф. Н. Плевако или С. А. Андреевского за образцы для советских прокуроров, как это делает М. Л. Шифман в своей книге «Прокурор в уголовном процессе». Положительно вредными являются попытки того же автора подать в качестве образцов крикливое судебное красноречие французских буржуазных адвокатов (Лорье, Шеде-Танж), о которых столь резко и правильно, как о «вредных и чуждых образцах» писал в свое время еще А. Кони¹.

Но мы не можем пройти мимо судебных речей А. Ф. Кони, Громницкого, Жуковского, Урусова и других выдающихся представителей школы русских судебных ораторов. Повторяем, что пользоваться этими речами в качестве образцов нужно весьма осторож-

но и критически, ибо в советском суде создан новый стиль судебных выступлений, настолько же отличный от стиля судебных ораторов прошлого, насколько отличен от прежних образцов новый ораторский стиль, созданный пролетарской революцией.

В речах и выступлениях великих революционных деятелей рабочего класса и в первую очередь в выступлениях В. И. Ленина и И. В. Сталина советские государственные обвинители имеют образцы того нового ораторского стиля, к которым они должны стремиться.

В свое время гениальный русский критик и революционный демократ В. Г. Белинский писал: «... Когда форма есть выражение содержания, она связана с ним так тесно, что отделить ее от содержания — значит уничтожить самое содержание; и наоборот: отделить содержание от формы — значит уничтожить форму».

В речах В. И. Ленина и И. В. Сталина это единство содержания и формы находит свое полное воплощение. Нет ничего лишнего в этих речах, до конца овладевающих вниманием слушателей или читателей и обладающих величайшей силой убеждения. Так называемые крылатые слова, литературные сопоставления и образы привлекаются великими ораторами рабочего класса там, где они действительно необходимы, чтобы еще более усилить убедительность речи, чтобы с новой стороны показать слушателям определенное явление или чтобы добить политического противника.

Государственные обвинители должны тщательно изучать язык речей В. И. Ленина и И. В. Сталина, архитектуру этих речей, учиться той изумительной внутренней собранности, страсти к ясности, неумолимой последовательности, о которых говорил, характеризуя стиль речей товарища Сталина, Анри Барбюс.

Государственные обвинители должны тщательно изучать речи товарища Сталина и для того также, чтобы овладеть умением на конкретных примерах делать ясными сложные теоретические вопросы, поднимать недовольство широких масс против пережитков капитализма, против носителей этих пережитков.

Новый ораторский стиль, созданный великими революционными деятелями пролетариата, категорически отвергает всякое фразерство, всякую погоню за красивой фразой.

С презрением писал В. И. Ленин о соглашателях, называя их «Господа герои фразы! господа рыцари революционного красноречия» (Соч., т. 24, стр. 508).

Но одновременно В. И. Ленин говорил о недопустимости говорить с рабочими и крестьянами заскорузлым языком русского стряпчего. Ленин требовал от оратора или публициста ясного, образного, свободного от непонятных выражений и ненужных иностранных слов языка.

¹ Кони «На жизненном пути», том I, стр. 100—102.

Существует точка зрения, согласно которой в обвинительной речи прокурора не может быть места полемике с защитой.

Готовясь к произнесению обвинительной речи и продумывая дело не только с позиций обвинения, но и с позиций защиты, обвинитель ещё раз проверяет силу привлекаемых им в подтверждение обвинения до-

Но дога
ограничив
речи. Зач
становятс
су о кв
или по в
тельств, и
снижающ
курор об
таких воз

¹ Журнал «Социалистическая законность» № 8 1949 г., стр. 33.

казательств. Результаты этой проверки будут сообщены им суду в обвинительной речи, может быть вообще без ссылок на позицию, занимаемую адвокатом, а может быть и со ссылкой на эту позицию, уже определившуюся в ходе судебного следствия.

Поэтому вполне уместно такое заявление прокурора в обвинительной речи: «В ходе судебного следствия защита пыталась доказать алиби подсудимого. Посмотрим, насколько основательны доказательства, привлеченные в подтверждение этого адвокатом».

Также уместен такой, например, полемический оборот: «В ходе допроса свидетеля Морозова защита пыталась подорвать доверие к его показаниям. Попробуем, однако, восстановить в памяти суда этот извод судебного следствия и посмотрим, чего достиг адвокат, с пристрастием допрашивавший этого вполне добросовестного, по мнению обвинения, свидетеля».

Зачастую обвинитель, полемизируя с защитой, должен восстанавливать доказательственную ценность документа, который пыталась опровергнуть защита.

Такие полемические моменты (их многообразие невозможно предусмотреть) являются не только допустимыми, но и необходимыми, обусловленными самой природой обвинительной речи, её наступательностью, тем, что обвинительная речь является в значительной части итогом борьбы сторон на судебном следствии.

Пренебрежение этим во многом лишает речь прокурора той активности в изобличении преступника, той наступательности, которые являются неотъемлемым свойством, отличительной особенностью всякой правильно построенной обвинительной речи.

Прокурор полемичен в обвинительной речи и тогда, когда он разбирает доводы и объяснения подсудимого, когда он в результате этого разбора убеждает суд в том, что подсудимый пытался повести его по ложному пути.

Но доказательственной стороной дела не ограничивается полемичность обвинительной речи. Зачастую в ходе судебного следствия становятся ясны позиции защиты по вопросу о квалификации преступного деяния или по вопросу об установлении обстоятельств, исключающих ответственность или снижающих её. Не соглашаясь с этим, прокурор обязан предусмотреть возможность таких возражений и опровергнуть их уже

в обвинительной речи, не дожидаясь реплики.

До сих пор приходится иногда слышать вопрос «Что важнее — судебное следствие или обвинительная речь?» и до сих пор находятся иногда прокуроры, считающие возможным дремать во время судебного следствия в расчёте взять своё в обвинительной речи.

Нет ничего опаснее последней «установки». Обвинительная речь вырастает из судебного следствия. Доказательства, исследованные на судебном следствии, составляют основное содержание обвинительной речи, — уже это показывает всю неправильность противопоставления судебного следствия обвинительной речи с целью оправдания пассивности прокурора во время судебного следствия, ибо никаких оправданий для подобной пассивности быть не может.

Но совершенно неправильно и противоположная точка зрения, которую иногда государственные обвинители формулируют в словах: «После хорошо проведенного судебного следствия мне уже нечего делать в обвинительной речи».

Даже в том случае, если все ясно в итоге судебного следствия и нет ни малейших оснований сомневаться в справедливом приговоре, прокурор не может считать, что ему нечего делать в обвинительной речи. Говорящие так упускают огромное политическое и воспитательное значение обвинительной речи, мобилизующей общественное мнение на борьбу с преступностью.

Однако не так часты в судебной практике дела настолько ясные в результате судебного следствия, что прокурору остается только поддержать обвинение и выдвинуть требование о наказании.

Обвинительная речь является в руках обвинителя сильнейшим оружием для изобличения преступника и разоблачения преступления, для организации общественного мнения на борьбу с преступностью, для правильной политической и юридической оценки событий.

Поэтому прокурор должен быть одинаково активен, настойчив и добросовестен как во время судебного следствия, так и во время подготовки и произнесения обвинительной речи. Как обвинительная речь, так и судебное следствие взаимно дополняют друг друга, являясь составными частями имеющей огромное политическое значение работы прокурора в советском суде.

Л. Смирнов

АКТИВНАЯ РОЛЬ СУДА В СУДЕБНОМ СЛЕДСТВИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Судебное следствие — самая сложная, самая ответственная часть производства любого уголовного дела. Суд обязан провести судебное разбирательство так, чтобы полностью и всесторонне выяснить все обстоятельства дела, тщательно проверить доказательства, установить материальную истину. Только при условии строжайшего соблюдения требований закона суд может вынести приговор.

Как указал Пленум Верховного суда СССР в своем постановлении «О судебном приговоре» 28 июля 1950 г., «постановленный с соблюдением закона, на основе тщательного разбора доказательств, по внутреннему убеждению судей, в соответствии с высокими принципами коммунистической морали, приговор содействует укреплению социалистической законности и социалистического правопорядка». Пленум подчеркнул вытекающую из ст. 23 Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик необходимость того, чтобы данные предварительного следствия были рассмотрены и проверены судом в процессе судебного следствия, что только такие, т. е. проверенные судом, данные могут быть положены в основу приговора.

Таким образом, проверка данных, добытых по делу органами предварительного расследования, составляет важную обязанность суда, неотъемлемую часть судебного разбирательства. Это особенно следует помнить работникам областных и приравненных к ним судов тех союзных республик, уголовные кодексы которых предоставляют суду право основывать приговор также на данных, имеющихся в деле, но не рассмотренных в судебном заседании. Проверка, еще раз проверка!

Как же обеспечить в судебном заседании тщательную и всестороннюю проверку всех данных предварительного следствия? Какие меры нужны, чтобы эта проверка была проведена с исчерпывающей полнотой, чтобы от внимания суда не ускользнуло какое-либо обстоятельство, имеющее существенное значение для дела?

Прежде всего, необходимо особо внимательно изучать материалы каждого уголовного дела в стадии досудебной подготовки. Это правило не должно знать исключений. Будь это сложное, состоящее из нескольких томов дело, или же простое, в 100—150 листов, — любое из них требует к себе одинакового внимания. Сложность дела не-

правильно определять числом томов и подсудимых лиц. Порой при рассмотрении в судебном заседании дела, кажущегося на первый взгляд простым, его обстоятельства принимают столь запутанный, противоречивый характер, что нужно с большим напряжением энергии, умело и настойчиво отыскивать истину.

Следует ли судье делать какие-либо записи при изучении уголовного дела? На этот вопрос можно услышать различные ответы. Они считают достаточным проверить обстоятельства, перечисленные в обвинительном заключении, где обычно делается ссылка на соответствующие листы дела. Другие полагают, что лишь при наличии нескольких томов и большого числа подсудимых надо иметь у себя схему расположения материалов дела. Неправы ни те, ни другие.

Практика нашей работы показывает, например, что один из судей, надеясь на свою память, считал лишним делать для себя какие-либо записи по небольшим по объему делам. Что же получалось у этого судьи? То он позабудет при вынесении приговора определить судьбу вещественных доказательств, то не решит вопроса об описанных следователем и сданных на хранение вещах, то упустит проверить в судебном заседании какое-либо существенное обстоятельство дела. Одни из подобных упущений судьи исправлялись впоследствии на основании ст. 389 УПК УССР, другие же влекли отмену приговора. Почему же такие нарушения носили систематический характер. Ведь нередко бывает так, что за время, прошедшее от изучения материалов конкретного дела и проведения подготовительного заседания до разбора этого дела в судебном заседании, член суда изучит еще несколько дел. Естественно, что некоторые важные детали, отдельные существенные моменты могут быть упущены во время судебного следствия. Когда же мы разъяснили этому судье необходимость составлять план проведения судебного следствия по каждому делу с указанием в этом плане всех важнейших материалов, подлежащих проверке, у него почти совсем исчезли ошибки.

«Социалистическая законность» время от времени помещает материалы по такому важному вопросу, как проведение судебного следствия. Пространная статья на эту тему напечатана в № 6 журнала за прош-

лый год.) с автором кретных) мость пла С этим сл но или не зил судью чившего л меров лис чатление, одиночка, цесса на уровне.

Разве о! по делу е на своих разбирател судебным процессе п ставителей и никогда вает. А н: ренные жи большевист выпади из У него су: ниченный «

Здесь м обобщения планирова: этого пла «у судьи) примичиво

Наш сов: ческий суд строится и: ческого де: плановых можно ли: ший прини: тизма в де: принцип сс Академи: боте «К п: теории» де: зательности: состязатель: до трудне: состязатель: порядке. К: ва, как э: мечет, дер: нее такой: ле, конечн: димый не: зывается н: права, то-е: было в и: и перетира: до трудне: процессуал: подсудимы: ся».

Вот име: когда он с: дебного сл:

1

лий год. Вряд ли следует полемизировать с автором этой статьи, который на конкретных примерах доказывает необходимость планирования судебного следствия. С этим следует согласиться. Однако, вольно или невольно, но автор статьи изобразил судью, всё свое внимание сосредоточившего лишь на расстановке в плане номеров листов дела. Получается такое впечатление, что действует какой-то кустарь-одиночка, а не судья — организатор процесса на высоком политическом, идейном уровне.

Разве один судья, председательствующий по делу в суде первой инстанции, несет на своих плечах всю тяжесть судебного разбирательства? Он, правда, руководит судебным следствием. Но ведь участие в процессе прокурора, защиты и иных представителей сторон не мыслится пассивным и никогда таким в советском суде не бывает. А народные заседатели — эти умудренные жизненным опытом и воспитанные большевистской партией люди, — как-то вывали из поля зрения автора статьи! У него судья — какой-то замкнутый, ограниченный человек, ушедший в самого себя.

Здесь мы приводим некоторые факты, обобщения и выводы из нашей практики планирования судебного следствия. Девиз этого плана — слова М. И. Калинина: «у судьи должна быть всегда живая восприимчивость события».

* *

Наш советский суд — самый демократический суд в мире, и вся его деятельность строится именно на принципах социалистического демократизма. Поэтому, говоря о плановых началах судебного следствия, можно ли упустить из виду такой важнейший принцип социалистического демократизма в деятельности советского суда, как принцип состязательности процесса?

Академик А. Я. Вышинский в своей работе «К положению на фронте правовой теории» дал такую характеристику состязательности процесса: «Правда, процесс состязательный — это трудное дело. Гораздо труднее провести процесс на основе состязательности, чем в каком-либо ином порядке. Когда подсудимый — субъект права, как это называется, когда он рвет, мечет, дерётся, защищается, — тогда труднее такой процесс провести. Гораздо легче, конечно, вести процесс, когда подсудимый не «субъект» права, а то, что называется на юридическом языке «объект» права, то-есть когда его можно, как это было в инквизиционном процессе тереть и перетирать, как угодно; конечно, гораздо труднее провести процесс в условиях процессуального равенства сторон, когда подсудимый защищается, когда он борется».

Вот именно это и нужно помнить судье, когда он составляет план проведения судебного следствия. Планирование судебного

го разбирательства — очень кропотливая и сложная работа, требующая от судьи вдумчивого подхода к изучению материалов дела. Протоколы допросов, акты ведомственных ревизий, заключения экспертизы и другие документы нужно читать с исключительным вниманием, систематизируя материалы предварительного расследования в определенном порядке.

Нельзя разработать какого-то раз и навсегда определенно установленного порядка составления плана проведения судебного следствия. Судья имеет дело с людьми, вереницей проходящими перед судебским столом. Эти люди — подсудимые, свидетели, потерпевшие, эксперты — дают показания, они обдумывают вопросы, которые нередко задаются им лишь в суде и по которым они не давали показаний на предварительном следствии. Случается, что обвиняемый, признававший свою вину на предварительном следствии в суде отрицает свое участие в преступлении; бывает и наоборот. Иногда имеют место изменения показаний свидетелями, потерпевшими.

При составлении плана судебного следствия никак не предусмотреть того или иного изменения показаний. Да и суд решает вопрос о порядке исследования материалов дела не заранее, а лишь в подготовительной части судебного заседания, после выслушивания мнений сторон.

Стало быть, планирование судебного следствия носит особый характер. Оно должно быть оперативным, отличаться гибкостью и сочетать в себе все качества четкого плана, в который судья умело должен внести порой неизбежные поправки в подготовительной части судебного заседания. Сюда относятся ходатайства сторон, мнения прокурора и защиты о порядке исследования материалов дела и пр.

Значит, суд в целом (а не один лишь председательствующий) должен учитывать особенности судебного разбирательства, вытекающие из принципа состязательности, когда в суде происходит процессуальная борьба сторон. Основная задача суда — установить материальную истину по делу. Академик А. Я. Вышинский в названной выше работе пишет: «Состязательность сторон плюс активное участие в судебном следствии самого суда на основе гласности и равенства всех участвующих в процессе перед судом и перед законом, — вот путь к установлению той материальной истины, стремление к которой характеризует подлинное правосудие и подлинный суд. Вот почему нашему советскому суду, опирающемуся на те же принципы социалистического демократизма, что и все советское государство, не может быть и никогда не был чужд этот принцип состязательности в указанном выше смысле».

Следовательно, для успешного проведения судебного разбирательства, для обеспечения наиболее полного, всестороннего исследования материалов дела и правильного его рассмотрения требуется повыше-

ние активной роли суда в судебном следствии.

Иногда некоторые товарищи сомневаются в том, может ли суд успешно проявлять инициативу при рассмотрении уголовного дела в судебном заседании, процессуальный порядок которого регламентируется нормами УПК Украинской республики. Действительно, ст. 263 этого кодекса устанавливает, что допрос подсудимого производится в следующем порядке: обвинителями, гражданскими истцами, защитниками, подсудимыми, председательствующим и судьями. Это правило обеспечивает развертывание процессуальной борьбы сторон непосредственно в самом начале судебного следствия. Но ни в какой мере оно не может отразиться на активности суда, ибо быть активным не означает первым задавать вопросы подсудимому, свидетелям. Понятие активности суда — это прежде всего обеспечение руководящей роли суда в процессе, умелое управление ходом судебного заседания, чтобы оно шло по пути, намеченном планом судебного следствия, и способствовало достижению единой цели — установлению материальной истины.

Успешное осуществление инициативы суда в процессе во многом зависит от заранее составленного плана, где четко определены подлежащие проверке материалы уголовного дела и намечены вопросы, которые необходимо исследовать на судебном следствии.

Недавно в линейный суд поступило дело б. заведующего продовольственной базой орса одного из отделений дороги Рыбина, обвинявшегося по ст. 2 указа «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». При изучении материалов этого дела выявлено серьезное упущение органов расследования. Рыбин, опасавшийся, что при очередной ревизии базы у него будет обнаружена крупная растрата, в конце 1949 года скрылся. Казалось бы, что это обстоятельство не должно было в какой-либо мере повлиять на ход следствия, замедлить его. Наоборот, требовалось принять самые срочные меры к установлению возможного местонахождения преступника и одновременно всесторонне проверить, по каким каналам в течение полутора месяцев могли быть разбазарены с базы продукты свыше чем на 50 000 рублей.

Однако, возбудив это дело, следователь вскоре же приостановил его производством, ибо следов преступника обнаружить не удалось. К чему такая ненужная поспешность? Отнесись следователь вдумчиво к событию преступления, он безусловно выдвинул бы несколько версий о причинах недостачи большого количества продуктов на базе, в том числе и версию о возможном отпуске товаров с базы за наличный расчет. Следователь с успехом мог бы найти и тех, кто приобретали продукты на базе. Но этого сделано не было. Выяснение причин недостачи, допрос свидетелей по делу

начали производить спустя полтора года после возбуждения дела.

Только в середине 1951 года Рыбина задержали в Узбекской республике. Побывав в различных городах СССР, он через три с половиной месяца устроился кладовщиком в подсобном хозяйстве курорта Чимган.

Сразу же по задержании Рыбина допросили. Он показал на допросе, что за последнее время работы на продовольственной базе орса часто пьянствовал и на свои нужды израсходовал продуктов и виноводочных изделий примерно на 10 000 рублей. Одновременно Рыбин высказал предположение о недостаче на базе вследствие того, что он отпускал товары пьяным.

Еще семь раз допрашивали обвиняемого, пока его доставили для ведения следствия по месту совершения преступления. И все время он утверждал, что лично себе продуктов с базы он не брал, что водку он покупал у заведующих магазинами, которым отпускал товары с базы, и тут же платил за нее наличными. Рыбин выдвинул версию о непригодности базы для хранения товаров. Недостачи он не отрицал, но признавал свою вину лишь в том, что при исполнении служебных обязанностей часто был пьян, вследствие чего мог передавать или недополучать товары.

На вопрос следователя, на какие же средства в течение трех с лишним месяцев жил Рыбин после оставления работы в орсе, он ответил, что имел при себе около трех тысяч рублей, на которые и существовал, пока не устроился на работу.

Этим следователь и ограничился. Он не интересовался, из каких источников накопил деньги обвиняемый, где он прежде их хранил, за какой период и какую сумму он накопил и т. д.

По делу были допрошены более двадцати свидетелей. Их показания касались разнообразных фактов, имеющих то или иное отношение к преступлению Рыбина. Но не установлено ни одного человека, который приобретал бы продукты на базе у Рыбина за наличные. Этим не преминул воспользоваться обвиняемый, человек довольно грамотный, имеющий солидный торговоскладской и бухгалтерский опыт.

После тщательного изучения материалов дела стало ясно, что обвиняемый стремится уйти от ответственности по ст. 2 указа от 4 июня 1947 г. и свести все лишь к обычной недостаче на базе по его халатности, из-за пьянства.

Поэтому при составлении плана основное внимание было уделено тому, чтобы во время судебного разбирательства объективно и всесторонне проверить причины образовавшейся на базе недостачи и особенно тщательно исследовать отдельные факты, свидетельствующие о присвоении государственных ценностей именно Рыбиным.

План представлял собой обыкновенный лист бумаги в развернутом виде. Левая

половина
териалам,
подсудимым
имуществом;
и т. п.
листы дел
Следовате
риалы и
Достаточн
«21—47»,
протоколы
изложения
52 страни
судебного
этими ли
вые пока
тия того,
будут исс
что их н
подробно
Для ис
доточить
в план
наиболее
Указывал
ность фа
в плане

л. д.
л. д. 2

Таким
все важн
бенно ти
следстви
осмотра
рин, акт
на базе

Почем
положен
ствия? И
мый дае
ности, ч
том же
могут би
и тому
труднее
тельного
последст
относятс
Это вид
письма
дела 40
по повс
на лист
ственнос

Если
дал исс
ду этого
При не
казаний
письмо
предъяе
этого п
в плане
вом пл
все важ
торых
смотрен

материалы относились исключительно к материалам, имеющим прямое отношение к подсудимому: протоколы его допроса, опись имущества, протокол изъятия ценностей и т. п. Здесь были указаны не только листы дела, например, протоколов допроса. Следователь систематизировал эти материалы предварительного расследования. Достаточно было написать в плане «Д-47», чтобы знать, где расположены протоколы допросов обвиняемого. Но ведь изложение показаний обвиняемого заняло 12 страниц! Было бы трудно во время судебного следствия проследить за всеми этими листами дела, проверять разноречивые показания обвиняемого. А где гарантии того, что все важные обстоятельства будут исследованы с достаточной полнотой, если их не заслонят собой второстепенные подробности?

Для избежания этого и с целью сосредоточить внимание на главных моментах, в план вносились наиболее яркие факты, наиболее существенные обстоятельства. Указывался не только лист дела, но и сущность факта, в одном-двух словах. Запись в плане выглядела так:

- л. д. 115 — акт ревизии
- л. д. 40, 174 — письмо о недостатке
- л. д. 34 — деньги и облигации, и т. д.

Таким путем в плане нашли отражение все важнейшие вопросы, подлежащие особенно тщательной проверке на судебном следствии, например, акт ревизии, акт осмотра базы и смежной с ней территории, акт обнаружения подсудимого пьяным на базе во время работы и пр.

Почему необходим такой порядок расположения данных в плане судебного следствия? Известно, что почти всегда подсудимый дает показания в иной последовательности, чем они записаны следователем. При этом же в нескольких протоколах допроса могут быть отражены показания по одному и тому же эпизоду. Это еще больше затрудняет проверку материалов предварительного следствия. А в плане указываются последовательно все листы дела, если они относятся к одному и тому же вопросу. Это видно из сказанного выше по поводу письма о недостатке на базе. На листе дела 40 имеются показания обвиняемого по поводу написания им этого письма, а на листе дела 174 самое письмо — вещественное доказательство.

Если на судебном следствии подсудимый дал исчерпывающие объяснения по поводу этого письма, число «40» зачеркивается. При необходимости (в зависимости от показаний по этому поводу подсудимого) письмо как вещественное доказательство предъявляется сторонам, а по совершении этого процессуального действия число «174» в плане тоже зачеркивается. Таким образом план помогает тщательно исследовать все важнейшие материалы по делу, от которых зависит полное и правильное рассмотрение дела.

На левой же стороне плана в последовательном порядке указываются листы дела, на которых имеются сведения о личности подсудимого, его имущественном и семейном положении, времени ареста, изъятых ценностях, вещественных доказательствах и т. д. Все это, помимо цифр, содержит краткое указание на содержание документа, например: «л. д. 8 — ценности». Такая запись обозначает, что при задержании у обвиняемого изъятые ценности, судьбу которых при подобной системе составления плана не забудет решить суд во время постановления приговора, так же, как и судьбу вещественных доказательств.

Примерно такой же порядок соблюдается при заполнении правой стороны плана. Здесь записываются данные лишь о свидетелях, потерпевших, экспертах. Фамилии свидетелей выписываются из справки при обвинительном заключении в том порядке, как они в ней обозначены, на известном расстоянии друг от друга, по вертикали, без указания порядковых номеров. Против каждой фамилии проставляются листы дела, обозначающие протоколы допросов каждого свидетеля в отдельности.

После этого по имеющейся в деле описи документов делается проверка, все ли допрошенные на предварительном следствии свидетели включены в список лиц, подлежащих вызову в судебное заседание, нет ли в деле протоколов допроса свидетелей, протоколов допроса на очных ставках, не упомянутых в списке при обвинительном заключении. По обнаружении таких протоколов, порядковые номера соответствующих листов дела заносятся в план. Для чего это нужно делать? Нередко встречаются такие дела, где протоколы допроса одного и того же свидетеля подшиты в деле в разных местах, а иногда и в разных томах. При изучении материалов дела целесообразно прочитать все протоколы допроса, включая допрос и на очных ставках, сначала одного свидетеля, затем другого, третьего и т. д. Это дает возможность легко выявить противоречивость или, наоборот, логическую последовательность показаний всех допрошенных по делу лиц.

Было бы неправильно ограничиваться записью в плане фамилий свидетелей с указанием листов дела, где следует искать их показания на предварительном следствии, и другие материалы, к которым какое-то отношение имеет тот или иной свидетель. Как уже указывалось выше, судебное разбирательство должно идти по линии исследования существенных обстоятельств дела. Суд должен смело отбросить всё малозначащее, второстепенное, угрожающее процесс и мешающее отысканию истины по делу.

В плане после фамилии каждого свидетеля следует обозначение не только первого листа протокола допроса, по которому председательствующий удостоверяется в

личности свидетеля, но указывается и сущность показаний свидетелей, например:

Нестеренко — 48; пьянство — 49; продажа н/р — 51, 110

Замковой — 55; пьянство — 57; ревизия — 115
Это означает, что показания первого свидетеля относятся к фактам, изобличающим подсудимого в употреблении спиртных напитков на работе и в продаже за наличные продуктов на базе. Второй свидетель дал на предварительном следствии показания не только о пьянстве подсудимого, но и о проведении ревизии на базе.

Когда в плане будут таким образом перечислены все свидетели и кратко означено основное содержание их показаний, станет значительно легче определить, в каком порядке целесообразнее допрашивать свидетелей. Делается это в самом же плане — перед фамилией каждого свидетеля арабскими цифрами указывается, кого из них допрашивать первым, вторым, третьим и т. д.

Когда по групповому делу один и тот же свидетель дает показания в отношении двух и более обвиняемых, в плане указывается основное содержание показаний одним-двумя словами, после которых следуют данные о листах дела, а затем представляются инициалы подсудимого. При наличии многих эпизодов обвинения, таковые на левой стороне плана подразделяются и обозначаются римскими цифрами. В свою очередь и показания свидетелей на правой стороне плана подразделяются также на эпизоды, где римские цифры сразу дают наглядное представление о числе свидетелей, допрошенных по каждому из эпизодов обвинения. Это важно особенно хорошо знать, например, в том случае, когда в судебном заседании решается вопрос о возможности рассмотрения дела по существу в отсутствие неявившегося свидетеля.

В таком же порядке в плане делаются записи данных о свидетелях, не включенных в список при обвинительном заключении. Если при изучении материалов дела выявится, что таких свидетелей необходимо допросить в суде, этот вопрос вносится на подготовительное заседание. Судья-докладчик по делу, выступая после прокурора, легко может доказать, пользуясь планом, по каким соображениям требуется вызвать в суд дополнительно того или иного свидетеля и по каким именно обстоятельствам был допрошен этот свидетель на предварительном следствии.

Имея перед собой такой план, в судебном заседании не будет затруднительно обеспечить всесторонний допрос свидетелей, потерпевших, экспертов, исследовать все материалы дела, проверить доказательства, проверить причины противоречий в показаниях отдельных лиц, и т. д.

Но, вернемся к делу Рыбина. Как оно рассматривалось в судебном заседании, какую роль сыграл план проведения судебного следствия?

Подсудимый признал свою вину только частично и изъявил желание дать показания. Прокурор и защитник высказали мнение о целесообразности начать исследование дела с допроса подсудимого. Суд определил первым допросить подсудимого Рыбина, а затем свидетелей. Имевшийся у председательствующего план позволил суду без каких-либо затруднений определить, в каком же именно порядке будет идти допрос свидетелей.

Показания подсудимого сводились к тому, что он в конце 1949 года начал систематически пьянствовать, нередко и во время работы. Будучи нетрезвым, как объяснил Рыбин, он мог передавать товары заведующим магазинами или недопущать их от поставщиков. Подсудимый категорически отрицал присвоение им товаров с базы и отпуск их за наличные. Он утверждал, что спиртные напитки для себя он покупал у заведующих магазинами при получении последними товаров на базе. Фамилий их он не помнит. Письмо начальнику орс написал с целью «запугать» его, так как последний якобы знал, что продукты с базы отпускались за наличные многим лицам и в первую очередь самому начальнику орс.

Отвечая на вопросы прокурора, Рыбин последовательно отстаивал выдвинутую им версию о возможном просчете по халатности. Когда же прокурор задал вопрос об источниках накопления более 3000 руб., то подсудимый ответил, что деньги он скопил несколько лет назад, что его жена об этих деньгах ничего не знала, хотя он все время носил их при себе и в сберегательной кассе не хранил.

Защитник задал несколько вопросов, но наличием денег у подсудимого не интересовался.

Председательствующий более подробно, обстоятельно допросил подсудимого о наличии у него крупной суммы денег:

- Подсудимый, где вы хранили деньги?
- Деньги я носил при себе, в кармане.
- Не находились ли они у вас когда-либо на хранении в сберегательной кассе?
- Нет, я всегда имел деньги при себе.
- Все ли время у вас была определенная сумма свыше 3000 рублей?
- Нет, денег у меня было накоплено больше, часть из них я израсходовал, покрывая небольшие недостатки по базе.
- Сколько же вы накопили денег?
- Около семи-восьми тысяч рублей.
- За какой период накоплена вами такая сумма?
- За период работы на прифронтовой полосе.
- Какую работу вы там выполняли и когда вернулись к месту постоянного жительства?
- Я работал кладовщиком и был освобожден от этой должности в 1945 году, после чего вернулся домой.
- Сколько денег у вас было накоплено к 1945 году?

— Семь или еще я накопил?

Уже дважды своих накопил. Тем не менее, подсудимый счел целесообразным прос по этому вопросу.

— Сдавали да-либо на кассу?

— Нет, не при себе, — Рыбин, когда-то сберегательной кассы.

— Были ли работы в орже допрос?

— Нет, не я расходовал.

— Каким образом деньги семьи хранились на денежной реке декабря 1947?

В зале, где ное заседание суда, оживленно, что подслуказания, что как он ни ст.

Охотно отпросы прокуртельствующегвается и раст. Что же мо вопрос?

На судебнои мился опорочдетелей, подтРыбиным про. Он заявил н. базу две жеи а работницы торых якобы денег по доку

Суд во времчительно выяслуска продукт. Одна свидете ном, показала учреждений о газин, которые не было случвертом кварт: дукты для д магазина.

Все это дал доказанным фдуктов с баз им выручки, подтверждали, пьянствовал, у и закуской на

Пользуясь виду выяснен большого коли базе в отдель рил имевшиеся

— Семь или восемь тысяч рублей, больше я накопить не мог.

Уже дважды Рыбин отрицал хранение своих накоплений в сберегательной кассе. Тем не менее, учитывая период, к которому подсудимый относит накопление денег, было целесообразно еще раз задать ему вопрос по этому поводу:

— Сдавали ли вы ваши накопления когда-либо на хранение в сберегательную кассу?

— Нет, не сдавал, все время хранил их при себе,— не задумываясь отвечает Рыбин, когда-то работавший заведующим сберегательной кассой.

— Были ли у вас накопления за время работы в орсе, после 1945 года? — продолжает допрос председательствующий.

— Нет, не было, всю заработную плату я расходовал на себя и жену.

— Каким же образом ваши наличные деньги семь или восемь тысяч рублей сохранились на руках, если они в связи с денежной реформой подлежали обмену в декабре 1947 года?

В зале, где происходит открытое судебное заседание выездной сессии линейного суда, оживление. Каждому становится ясно, что подсудимый запутался в своих показаниях, что ему не удалось обмануть суд, как он ни старался сделать это.

Охотно отвечая на все предыдущие вопросы прокурора, защитника и председательствующего, Рыбин вдруг как-то съежился и растерянно смотрит по сторонам. Что же мог он ответить на последний вопрос?

На судебном следствии подсудимый стремился опровергнуть и показания двоих свидетелей, подтверждавших факты отпуска Рыбиным продуктов с базы за наличные. Он заявил на суде, что приходившие на базу две женщины не посторонние лица, а работницы детских учреждений, для которых якобы и получали продукты без денег по документам орса.

Суд во время допроса свидетелей дополнительно выяснил, каков был порядок отпуска продуктов для детских учреждений. Одна свидетельница, заведующая магазином, показала, что продукты для закрытых учреждений отпускались только через магазин, которым заведует она, что никогда не было случая, чтобы кто-нибудь в четвертом квартале 1949 года получал продукты для детских учреждений, помимо магазина.

Все это дало полное основание считать доказанным факт отпуска Рыбиным продуктов с базы за наличные и присвоение их выручки. Многочисленные свидетели подтвердили, что Рыбин систематически являлся, угощал спиртными напитками закуской на базе различных лиц.

Пользуясь планом, суд не упустил из виду выяснение обстоятельств недостачи большого количества соли, хранившейся на базе в отдельном помещении. Суд провел имевшиеся в деле документы, допро-

сил по этому обстоятельству свидетелей. Было установлено, что это помещение, куда проникала дождевая вода, не вполне приспособлено для хранения соли насыпью, что в течение ряда лет соль не перевешивалась. Суд тщательно разобрался в этом эпизоде обвинения и стоимость недостающей на базе соли из общей суммы недостачи исключил, отказав гражданскому истцу в этой части иска к Рыбину.

По ст. 2 Указа «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» суд вынес Рыбину суровый приговор, встреченный присутствующими в зале судебного заседания с одобрением. Кассационная инстанция этот приговор оставила в силе.

Активная роль суда в проведении судебного следствия понимается не только как деятельность председательствующего в судебном заседании. Было бы ошибочным предположение, что судья, хорошо изучивший дело и составивший продуманный, подробный план, способен провести судебное разбирательство «без сучка, без задоринки». Демократический принцип советского суда именно в том и состоит, в частности, что народные заседатели принимают участие в судебном процессе на равных правах с судьей, председательствующим по делу.

Стало быть, обязанность каждого судьи состоит в том, чтобы обеспечить активное участие народных заседателей в проведении судебного следствия. А мы знаем, что народные заседатели, передовые люди социалистических предприятий и колхозов, обладающие производственными навыками, стремятся с честью оправдать доверие советских людей, пославших их на почетное дело отправления социалистического правосудия.

Активное участие народных заседателей в проведении судебного следствия мы обеспечиваем в первую очередь тем, что до слушания уголовного дела предоставляем им возможность в надлежащей обстановке тщательно изучить материалы дела. Когда открывается судебное заседание, народные заседатели уже знают существо дела, имеют четкое представление о доказательствах подлежащих проверке, о всех основных, характерных особенностях дела. К тому же народные заседатели до начала процесса знакомятся с законом, с руководящими материалами, относящимися к данной категории преступлений.

Однажды выездная сессия линейного суда рассматривала дело об утрате зерна нового урожая при его перевозке по железной дороге. Перед началом судебного заседания с материалами уголовного дела тщательно ознакомились народные заседатели. Один из них высказал сомнение в возможности повреждения заделки вагона без постороннего содействия. Такое сомнение ка-

залось обоснованным. Народный заседатель сообщил, что сейчас на станции стоят вагоны, только что освобожденные из-под зерна. Заделка этих вагонов аналогична той, которая была в поврежденном вагоне, груженном пшеницей. Так, подказанная народным заседателем, возникла мысль о привлечении к судебному следствию специалиста — вагонника в качестве эксперта. Суд вынес соответствующее определение. Впоследствии оказалось, что эксперт приглашен очень кстати.

Находившийся вместе с весовщиком железной дороги на скамье подсудимых помощник заведующего складами «Заготзерно» Кондратюк утверждал, что заделка вагона была произведена надлежащим порядком, и оспаривал утку в пути следования полутора тысяч килограммов пшеницы. В опровержение последнего обстоятельства он привел данные, свидетельствующие о том, что грузополучатель — государственная мельница — считает недополученным значительно меньшее количество пшеницы.

Все это требовалось всесторонне исследовать, тщательно проверить на суде. Свидетелей обстоятельно допрашивали по поводу того, как производилась заделка вагона перед погрузкой. Оказалось, что неопытная грузчица, впервые производившая заделку вагона, выполнила эту работу не как следует, а подсудимый, будучи ответственным за погрузку зерна, эту работницу не проинструктировал и по халатности за действиями ее не проследил.

Были вызваны дополнительные свидетели. Одни подтвердили недостачу пшеницы в вагоне, другие показали суду, что уменьшение мельницей недостачи зерна объясняется повышением процента его влажности за время перевозки в сырую погоду. Обзор истребованные с мельницы удостоверения о качестве зерна и иные документы, суд убедился не только в правдоподобности показаний свидетелей, но и обнаружил факты неправильного определения веса погруженного в вагоны зерна, носившие систематический характер.

Эксперт дал в суде заключение о повреждении заделки в вагоне исключительно из-за ее плохого качества. С этим заключением суд согласился и вынес обвинительный приговор. Помощник заведующего складами «Заготзерно» Кондратюк за халатность осужден к полутора годам лишения свободы. Кассационная инстанция этот приговор оставила в силе.

Частными определениями по делу суд довел до сведения соответствующих организаций о неправильном взвешивании груза на пунктах «Заготзерно» и иных неопорядках при его перевозке по железной дороге, что в общей совокупности создавало благоприятные условия для утраты и хищения зерна в пути следования. По этим определениям приняты необходимые меры. Подобных дел в линейный суд больше не поступало.

Успех инициативы суда в уголовном процессе во многом зависит от заранее составленного плана судебного следствия, где четко определены подлежащие проверке материалы дела и намечены вопросы, которые необходимо исследовать. Но тем не менее нужно быть всегда готовым к тому, чтобы в судебном заседании быстро ориентироваться в изменяющейся обстановке, например, в случае выявления новых обстоятельств, не бывших предметом исследования на предварительном следствии, изменения показаний подсудимыми, свидетелями и др. В подобных случаях представители сторон в процессе, председательствующий и народные заседатели должны быть готовы ко всяким неожиданностям, чтобы умелой постановкой вопросов опровергнуть несостоятельность новой версии подсудимого или, наоборот, выяснить достаточность и убедительность его объяснений.

Невозможно ни по одному делу заранее все предусмотреть. Трудность судебного следствия, его основное отличие от предварительного расследования в том именно: состоит, что требуется с исключительным вниманием выслушивать и объяснения подсудимых, и показания свидетелей, потерпевших, экспертов. Состязательный принцип уголовного процесса требует напряженности, заставляет быть все время на чеку во всеоружии. Разумеется, ни на минуту не может быть ослаблено внимание судей к происходящему в зале суда. Если следователь располагает известным временем, чтобы заранее продумать все вопросы, которые нужно поставить перед лицами, проходящими по делу, если он может при необходимости вызвать подсудимых, свидетелей, экспертов, через один или несколько дней для дополнительного допроса, то совсем иное положение у сторон и суда в стадии судебного разбирательства. Последнее ограничено во времени известными рамками, когда уголовное дело рассматривается без обращения его к доследованию, без длительных перерывов. Это должно решительным образом предостерегать судей от торпливости, поспешности, крайне вредной и недопустимой в процессе.

Чувство принципиальности, партийности в работе, чувство серьезной ответственности за порученное дело — вот неотъемлемые качества подлинно советского судьи, судьи беспристрастного, объективного, как и подобает большевику. Наша партия, ее вожди Ленин и Сталин учат нас неуклонному проведению социалистической законности. Активизируя свою роль в судебном следствии, повышая культуру процесса, наш советский суд сможет более успешно выполнить эту задачу.

Заместитель председателя линейного суда Винницкой ж. д.

А. Хорхори

В явн: совещани: котором, ника у РСФСР судов за родных т. Кали т. Каза т. Горьк ном опы

Метод указанн: распрост: народны: иню оби

Так п: судьи М: цева явл: рассмот: причины с: соот: партийн: устране: боты от

Изучи: хулиган: действи: бах пос: стного: цев сле: районн: о конкр: политик: лению: клубах: меропр: адвокат: листиче: ке сове: правил: В резу: судей: тики, х: резко с:

При: расче: установ: числен: созда: ставлен: тал и: вую си: ботной

Наро: районн: в работ: трудот: смотре: циплини: предста: ствующ: ные на: статков

Пост: руженн:

5 Соци

ПОЛЕЗНЫЙ ОПЫТ ЛУЧШИХ НАРОДНЫХ СУДЕЙ ГОРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В январе 1952 года проведено областное совещание судей Горьковской области, на котором, по обсуждении доклада начальника управления Министерства юстиции РСФСР по Горьковской области о работе судов за 1951 г., заслушаны доклады народных судей Мордовшиковского района т. Калининцева, Б.-Мурашкинского района т. Казанской и Автозаводского района т. Горького т. Бородачевой о положительном опыте их работы.

Методы, формы и результаты работы указанных судов за 1951 год заслуживают распространения, как опыт работы лучших народных судей, способствующий повышению общего уровня судебной работы.

Так положительным в работе народного судьи Мордовшиковского района т. Калининцева является то, что он не ограничивается рассмотрением судебных дел, а вскрывает причины, порождающие эти дела, и входит с соответствующими предложениями в партийные и советские органы, добиваясь устранения недостатков и улучшения работы отдельных организаций.

Изучив судебную практику по делам о хулиганстве и установив, что хулиганские действия в большинстве имели место в клубах поселков Мордовшиково, Липня и местного завода, народный судья т. Калининцев сделал представление в руководящие районные органы и партийное бюро завода о конкретных мероприятиях по улучшению политико-воспитательной работы и по усилению охраны общественного порядка в клубах и общежитиях. Намеченные судьей мероприятия полностью приняты. Судья и адвокаты прочитали ряд лекций: о социалистической законности, о моральном облике советского гражданина, о соблюдении правил социалистического общежития. В результате принятия мер, намеченных судьей по итогам изучения судебной практики, хулиганство в общественных местах резко сократилось.

При рассмотрении дела о хищении денег расчетчиком одного из цехов завода суд установил, что существующая система начисления и выплаты заработной платы создавала условия для хищений. По представлению судьи директор завода разработал и издал приказ, устанавливающий новую систему начисления и выплаты заработной платы и контроля.

Народный судья поставил в руководящих районных организациях вопрос о недочетах в работе колхозов по учету и начислению трудней колхозникам, вскрытых при рассмотрении дел о нарушении трудовой дисциплины, о травматизме и пр., и по всем представлениям судьи приняты соответствующими органами решения, направленные на устранение вскрытых судом недостатков.

Постановку вопросов относительно обнаруженных в судебной практике недостат-

ков работы тех или иных органов т. Калининцев практикует не только путем специальных определений и представлений, но и путем повседневного сочетания общественной работы с судебной, путем внесения предложений о мероприятиях по устранению недостатков в руководящие органы района в качестве депутата районного исполкома и члена районного комитета ВКП(б).

Тов. Калининцев работает строго по плану, поддерживает постоянную связь с избирателями, требователен к аппарату суда и проводит с ним повседневную воспитательную работу.

В 1951 году народный суд Мордовшиковского района обеспечил рассмотрение в срок 92% уголовных и 85% гражданских дел.

Большое значение для работы народного суда имеет подготовка дел к рассмотрению в судебном заседании.

Положительным в работе народного судьи Б.-Мурашкинского района т. Казанской является то, что она придает большое значение заблаговременному и тщательно ознакомлению народных заседателей с делами.

Для этого она приглашает народных заседателей накануне слушания дел. Вместе с ними т. Казанская подбирает законодательный материал, каким суд будет руководствоваться при рассмотрении дела.

Ознакомившись накануне с материалом дела, народные заседатели активно участвуют в процессе, а это обеспечивает правильность вынесения приговоров и решений. За 1951 г. отменен только один приговор, вынесенный под председательством т. Казанской. Тов. Казанская повседневно контролирует работу канцелярии и судебного исполнителя, проводит с ними воспитательную работу, чем добилась прекращения жалоб на работу канцелярии и судебного исполнителя в 1951 году.

При рассмотрении судебных дел т. Казанская вскрывала причины, порождающие дела, входила с соответствующими предложениями в партийные и советские органы, добиваясь устранения недостатков и улучшения работы отдельных организаций.

Тов. Казанская изучила судебную практику по делам о хищениях и растратах и, установив, что причиной хищений является плохой учет и контроль, довела об этом до сведения районного комитета ВКП(б) и районного исполкома. По представлению судьи районный исполком созвал совещание бухгалтеров колхозов и председателей ревизионных комиссий, а также заведующих отделами и бухгалтеров. На конкретных примерах им были указаны их недостатки, что повело к улучшению учета и контроля над работой материально-ответственных лиц и к снижению поступления этой категории дел.

В результате принятых по представлению народного судьи районными партийными органами мер воспитательного порядка устранены случаи проявления хулиганства.

Положительных результатов в работе по всем показателям в 1951 году добился и народный судья 4-го участка Автозаводского района т. Бородачева. Помимо месячного плана работы она составляет план работы на каждый рабочий день и к этому приучила всех работников суда. Тщательная досудебная подготовка гражданских дел привела к тому, что 95% дел рассматривались в день их назначения. Все уголовные и гражданские дела в 1951 году рассмотрены в срок. Незначительна отмена приговоров и решений, обжалованных и опротестованных.

По всем замеченным недостаткам в работе организаций суд выносил частные определения и по ним принимались соответствующие меры. Тов. Бородачева проводит большую работу среди избирателей и в цехах местного завода. В 1951 году она провела 33 доклада на правовые и политические темы.

Учитывая большое поступление дел частного обвинения, т. Бородачева усилила проведение бесед на тему об охране и защите прав граждан, делая это в общежитиях, где было особенно много дел част-

ного обвинения, направляла туда для обсуждения копии приговоров по этим делам, в результате чего в четвертом квартале 1951 г. таких дел в суд совсем не поступало.

Партия и правительство придают большое значение развитию передовых форм и методов работы, изучению и распространению положительного опыта работы в целях подтягивания отстающих до уровня передовых. Приведенные выше отдельные формы и методы положительной работы способствовали повышению общего уровня судебной работы и тем самым укреплению законности.

Задача всех народных судей — внедрять опыт работы лучших судей в свою практическую работу, чтобы число лучших народных судей изо дня в день росло, чтобы опыт работы лучших судей совершенствовался.

Это поможет нашим судам добиться коренного улучшения своей работы и высококачественного выполнения ответственных задач по отправлению социалистического правосудия.

Начальник управления МЮ РСФСР
по Горьковской области

Виноградова

НАРОДНЫЕ СУДЬИ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ ДЕЛЯТСЯ ОПЫТОМ СВОЕЙ РАБОТЫ

В конце января 1952 года в Саратове состоялось областное совещание народных судей. Начальник управления Министерства юстиции РСФСР по Саратовской области т. Аношин сделал доклад об итогах выборов и дальнейших задачах судебных органов области, а заместитель начальника управления т. Куницын доложил о мерах улучшения исполнения судебных решений.

Выступавшие на совещании народные судьи делились опытом своей работы и вносили предложения о дальнейшем улучшении судебной работы.

Народный судья 1-го участка Базарно-Карабулакского района т. Баракин рассказывал, как он достиг успеха в работе упорным трудом и повышенной требовательностью к себе, глубоким изучением материалов дел, постоянной связью с широкими массами избирателей.

Ни одного случая неосновательного осуждения привлеченных к ответственности по Краснокутскому району и неплохое качество судебной работы, — говорит народный судья т. Чинов, — это результат требовательности, предъявляемой народным судом к органам милиции и прокуратуры в работе по расследованию преступлений, результат тщательной проверки доказательств в судебном следствии, строгого соблюдения судом законных прав обвиняемых и сторон

в процессе тщательной досудебной подготовки дел. Народный суд добивался устранения недостатков в работе государственных организаций, кооперации и колхозов, обнаруживаемых при рассмотрении уголовных и гражданских дел. Судом установлено, что не все руководители колхозов района активно взялись за ликвидацию дебиторской задолженности; с предъявлением таких исков проявляется явная медлительность. По инициативе народного судьи было создано районное совещание бухгалтеров колхозов, которое дало положительный эффект. По сигналам народного судьи устранено много недостатков в работе районного уполномоченного Министерства заготовок.

О проведенной народным судом 2-го участка Сталинского района большой предупредительной работе рассказал совещанию народный судья т. Саханевич. Им было изучено состояние трудовой дисциплины на предприятиях Сталинского района, где действовали товарищеские суды; о результатах обобщения судебной практики по делам о прогулах и самовольном уходе т. Саханевич довел до сведения руководящих органов района. Товарищеские суды на этих предприятиях стали лучше и эффективнее работать, прогулы уменьшились. Правильно решая уголовные дела, народ-

ный суд качества с делами. По гражданскому является п суда в 1951

О трудах первых по совещаниям стенографическое районского рай

Тов. Са советского и агитатору законов. А таким нар бирателям сая все из его задачи на первое необходим ему заме родного с

Молодой рассказыывых же деления и судебные нию одной достатки кой кооп определен руководяи мер. Особ ляет пред помогает судебном суда т. Н

Народн лилась се посетител принимает с заявите для беси необходим вания дог Заметив что райо ства заст ких недо дуктов 1 можно в она дове лящих ра

В янва проведен судей Пк казало, т тых упр последне обеспечи судов по бенно гр рассмотр решений

ный суд еще не добился надлежащего качества судебной работы по гражданским делам. Повышение качества рассмотрения гражданских дел до уровня уголовных является первоочередной задачей народного суда в 1952 году.

О трудностях, которые встретились на первых порах судебной работы, рассказали совещанию молодые народные судьи: Кистендейского района т. Самойлов, Воскресенского района т. Немоляев, Екатеринбургского района т. Мартемьянова.

Тов. Самойлов охарактеризовал фигуру советского судьи как политического деятеля и агитатора, как пропагандиста советских законов. Мечта т. Самойлова стать именно таким народным судьей. На встречах с избирателями т. Самойлов тщательно записал все их наказания и пожелания. Основная его задача вывести участок народного суда на первое место в области. Но для этого необходимы и условия: он просит помочь ему заменить непригодное помещение народного суда иным.

Молодой народный судья т. Немоляев рассказывает, как при рассмотрении первых же дел он понял необходимость изучения и анализа причин, порождающих судебные дела, в частности, при рассмотрении одного уголовного дела серьезные недостатки он вскрыл в работе потребительской кооперации. Об этом суд частным определением довел до сведения районных руководящих организаций для принятия мер. Особенное внимание т. Немоляев уделяет предварительной подготовке дел. Это помогает суду правильно решать дела в судебном заседании. Всю работу народного суда т. Немоляев проводит по плану.

Народный судья т. Мартемьянова поделилась своим опытом работы по приему посетителей. Ни одного заявления она не принимает без того, чтобы не побеседовать с заявителем по существу иска, приглашает для беседы и ответчика, устанавливает необходимость вызова свидетелей, истребования дополнительных доказательств и т. д. Заметив в первые же дни своей работы, что районный уполномоченный Министерства заготовок подает иски о таких мелких недомках сельскохозяйственных продуктов государству, которые с успехом можно взыскать внесудебным порядком, она довела об этом до сведения руководящих районных организаций. Число исков

после этого значительно сократилось. Характерен такой случай. Супруги К. обратились в суд с заявлением о расторжении брака, и оба этого настойчиво добивались. После беседы т. Мартемьяновой с супругами К. они ушли из кабинета судьи помирившимися.

Народные судьи Кировского района т. Федорчуков, Октябрьского района т. Силина, г. Ртищево т. Чугунов и др. в своих выступлениях подвергли критике работу управления Министерства юстиции по руководству народными судами; они указывали на то, что ревизии народных судов производятся нерегулярно, предложения по устранению обнаруживаемых недостатков еще недостаточно конкретны.

Недостаточно глубоко проверяются по кассационным жалобам и протестам дела, поступающие в областной суд. Это влечет иногда необоснованную отмену приговоров и решений. О необходимости изменения формы ревизионной работы говорили председатель областного суда т. Бадина и народный судья т. Силина. Их пожелания сводятся к тому, чтобы ревизию проводить целенаправленно, не растворяясь в массе вопросов, которые предусмотрены методическими указаниями.

Приведя характеристику ошибок народных судов по отдельным категориям дел, член областного суда т. Костенко подчеркнула, что значительная часть обжалуемых приговоров народных судов отменяется из-за небрежности отдельных народных судей. Анализ причин отмены приговоров показывает, что милиция и прокуратура допускают в своей работе ошибки, влекущие отмену приговоров и прекращение дел производством. Качество их работы надо улучшить. Необходимо решительно активизировать работу по борьбе с хулиганством и спекуляцией, главным образом, с крупными спекулянтами. Резкой критике были подвергнуты и недостатки в работе судебных коллегий областного суда, была подчеркнута необходимость более широкого использования частных определений и обобщения судебной практики.

Многие народные судьи сообщили о том, как они провели первые совещания с народными заседателями и приступили к регулярным занятиям с ними.

С. М.

г. Саратов

СПРАВЕДЛИВАЯ КРИТИКА

В январе этого года в г. Пскове было проведено областное совещание народных судей Псковской области. Совещание показало, что, несмотря на ряд мер, принятых управлением Министерства юстиции, последнее не сумело в должной степени обеспечить улучшение работы народных судов по рассмотрению уголовных и особенно гражданских дел, еще высок процент рассмотрения дел и исполнения судебных решений и приговоров в части имуществен-

ных взысканий с нарушением сроков, не изжиты в деятельности народных судов элементы благодушия в карательной практике. Обеспечив в 1951 году проведение ревизий во всех судебных участках области, управление Министерства юстиции мало уделяло внимания выявлению положительного опыта работы лучших народных судей области. Это явилось результатом посылки для ревизий в участки, где хорошо поставлена работа, малоопытных работни-

жов, которые, указывая в актах ревизии на хорошую работу того или иного народного судьи, оказывались не в состоянии обобщить этот хороший опыт с тем, чтобы распространить его среди других судей.

Справедливая критика народных судей Пыталовского района (т. Петкевич), Полновского района (т. Васенин) и других в адрес Псковского областного суда и управления Министерства юстиции касается качества работы народных судов по обжалованным приговорам и решениям. Народные судьи указывали на разноречивую практику судебных коллегий по уголовным и гражданским делам: часто определения областного суда по совершенно аналогичным делам противоречат друг другу. Из этого вывод, что областной суд должен систематически анализировать работу своих судебных коллегий и совместно с управлением Министерства юстиции помогать судьям устранять недостатки своей работы, а не ограничиваться лишь отдельными, от случая к случаю замечаниями.

Исходя из пожеланий народных судей, следует изменить также метод проведения семинаров. Эти занятия, ограниченные только теоретическим материалом, преподносимые в виде лекций, неинтересны, скучны и не дают возможности путем развернутого обсуждения вскрывать причины и намечать пути к изжитию недостатков работы народных судов. Необходимо, чтобы каждый работник, которому поручено проведение семинара, к нему готовился, а семинар проводил с использованием практических примеров, вытекающих из дел, рассмотренных народными судами. Нужно отказаться от практики раздувания программы семинарских занятий. Известно, что каждая тема семинарских занятий охватывает какой-либо обширный юридический вопрос, связанный, например, с рассмотрением дел об установлении фактов, имеющих юридическое значение, рассмотрением дел особого производства и т. д. Естественно, что двух часов совершенно недостаточно для проведения семинара по таким темам, а дается лишь два часа, чтобы успеть «разрешить» другие вопросы. Такая спешка и чрезмерная загрузка рабочего дня лишает народных судей активности в решении поставленных вопросов, а постав-

ленный на обсуждение вопрос не достигает своей цели.

Совершенно справедливой была критика со стороны молодых народных судей тт. Мурашева, Калининой и др., требовавших от управления Министерства юстиции чаще выезжать к ним для оказания практической помощи на месте; этого же требовали вновь избранные народные судьи тт. Астахова, Шадрин и др.

Несмотря на ряд мер, исполнение судебных решений все еще нельзя признать удовлетворительным, одна из основных причин чего в том, что отдельные народные судьи не выполняют своей прямой обязанности — контроля над работой судебных исполнителей — и не оказывают им должной практической помощи, а управление Министерства юстиции мало занималось изучением и распространением положительного опыта работы лучших судебных исполнителей.

Учитывая все эти критические замечания, управление Министерства юстиции, совместно с областным судом, разработало специальный план мероприятий, успешное выполнение которого будет способствовать значительному улучшению работы народных судов. Закрепление оперативного состава управления Министерства юстиции и членов областного суда за народными судами, где работают товарищи, впервые пришедшие на судебную работу, укрепление аппарата управления министерства юстиции квалифицированными кадрами, дальнейшее улучшение качества ревизий, налаживание постоянной связи по руководству народными судами между управлением Министерства юстиции и областным судом, регулярное изучение причин, способствующих отмене приговоров и решений, ежеквартальное изучение отдельных категорий уголовных и гражданских дел, правильная организация прохождения народными судьями практики при областном суде, изучение и распространение передового опыта лучших народных судей и судебных исполнителей области являются гарантией того, что судебные органы Псковской области с возложенными на них задачами справятся.

Заместитель начальника управления МЮ РСФСР по Псковской области

К. Маркарян

ИЗ ОПЫТА НАДЗОРА ЗА ЗАКОННОСТЬЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ МИЛИЦИИ

В работе органов милиции и прокуратуры Саратовской области в 1951 году были значительные недостатки. Недостатки эти имели место как в расследовании преступлений, так и в административной деятельности органов милиции.

Прокуратура области, желая улучшить этот участок работы, в 1951 году значительно усилила контроль над работой районных и городских прокуроров по осу-

ществлению прокурорского надзора за расследованием по уголовным делам органами милиции и за их административной деятельностью, повысила к районным прокурорам требования в смысле их ответственности за допускаемые нарушения. Разослала ряд писем и обзоров, направленных к улучшению работы.

Однако, показатели работы и органов милиции и прокуроров оставались мало

удовлетворительными. Причиной причинены дела, доведения, и оправдательными ботниками верена работ милиции и я, провер районные работники, ные прове прокуратуры тельного з состоянии укрывающ временност мер по соо ний и пред дан о совер районных и ли только ление мил стративную

Проверки и это дало ные недост ции, и рай за расслед стративной и по други

После пр месте пров совещания лииции, где рок.

Произвед шаниях вси районные { туры не зи касающихся сти орган циальных что работ чаев либо в связи с ли либо i необоснова вав всех с ных случа точно собр вающими i ления, но прокуроры ные доказ

По ряду отменила дел, а за обвинител родные су говоры; по исследова они обосн Установ. возбужден а также (ранных по прокурату

удовлетворительными. Тогда прокуратура области приняла решение тщательно изучить причины такого положения. Были изучены дела, прекращенные в стадии расследования, и дела, по которым вынесены оправдательные приговоры; совместно с работниками управления милиции была проверена работа десяти районных отделений милиции и районных прокуратур. Разумеется, проверка проводилась раздельно — районные отделения милиции проверяли работники управления милиции, а отдельные проверки произведены работниками прокуратуры области (камеры предварительного заключения, следственные дела, состояние розыска преступников и лиц, укрывающихся от уплаты алиментов, своевременность и законность принимаемых мер по сообщениям организаций, учреждений и предприятий и по заявлениям граждан о совершенных преступлениях). Работу районных и городских прокуратур проверяли только работники прокуратуры. Управление милиции проверяло также административную деятельность органов милиции. Проверки проводились одновременно, и это дало возможность вскрыть значительные недостатки в работе и органов милиции, и районных прокуроров по надзору за расследованием, законностью административной деятельности органов милиции и по другим вопросам.

После проведенных проверок там же, на месте проведены совместные оперативные совещания работников прокуратуры и милиции, где обсуждены результаты проверок.

Произведенными проверками и на совещаниях вскрыто в основном то, что многие районные работники и милиции и прокуратуры не знали, как решать ряд вопросов, касающихся административной деятельности органов милиции и различных специальных инспекций. Было установлено, что работники расследования в ряде случаев либо необоснованно возбуждали дела и в связи с этим впоследствии их прекращали либо возбуждали дела правильно, но необоснованно их прекращали, не исследовав всех обстоятельств по делу. В отдельных случаях прекращались дела с достаточно собранными материалами, устанавливающими вину лиц, совершивших преступления, но работники милиции и районные прокуроры неправильно оценивали собранные доказательства.

По ряду таких дел прокуратура области отменила постановления о прекращении дел, а затем эти дела были окончены с обвинительным заключением и по ним народные суды вынесли обвинительные приговоры; по другим же делам дополнительно исследованы все обстоятельства, и затем они обоснованно прекращены.

Установленные факты необоснованного возбуждения и прекращения ряда дел, а также факты неправильной оценки собранных по делу доказательств поставили прокуратуру области перед необходимостью

проверить правильность и обоснованность приостановления расследованием дел о скрывшихся преступниках. Изучением приостановленных дел тоже установлены факты преждевременного их приостановления. Некоторые дела приостанавливались либо без доведения их до предъявления обвинения либо без достаточной проверки того факта, что лицо, совершившее преступление, действительно скрылось; по крайней мере, из дела этого не было видно.

При проверке обоснованности приостановления расследования прокуратура области была вынуждена также отменить ряд постановлений о приостановлении дел.

Все эти недостатки в практической работе районных отделений милиции и районных прокуроров привели прокуратуру области к выводу о необходимости организовать для работников милиции и прокуратуры специальные занятия.

В связи с этим прокуратура области в четвертом квартале 1951 г. провела учебно-методические конференции районных и городских прокуроров и их помощников, осуществляющих надзор за органами милиции, и начальников районных и городских отделений милиции.

Руководство прокуратуры области, как и руководство управления МГБ приняло участие как в их подготовке, так и в проведении (руководство учебно-методическими конференциями, чтение докладов на конференциях, прием зачетов от участников конференции и т. п.).

Всего проведено четыре учебно-методических конференции, охвативших все районы и города области.

На конференциях прочитаны доклады на темы: «О возбуждении производства по уголовному делу и прекращении уголовного дела». «Основные принципы советского доказательственного права и методы расследования растрат и хищений». «О прокурорском надзоре за законностью административной деятельности органов милиции». Доклад лучшего прокурора (города) района о его методах прокурорского надзора за законностью действий органов милиции; доклад лучшего начальника отделения милиции о его методах руководства по делам, расследуемым подчиненными ему оперуполномоченными.

Фактический материал о практической работе районных и городских отделений милиции и прокуратур был различный для каждой конференции: разбирались дела и ошибки в работе периферийных работников, главным образом, тех городов и районов, которые были созданы на данную конференцию.

По прочтении докладов на конференциях состоялись выступления начальников районных и городских отделений милиции, районных прокуроров и их помощников для обмена опытом. Многие участники конференции в своих выступлениях осветили ряд интересных в практическом отноше-

нии вопросов и методы их разрешения. Они были поучительны не только для периферийных работников, но и для работников областных аппаратов управления МГБ и прокуратуры.

После конференции от районных и городских прокуроров и их помощников приняты зачеты по вопросам прокурорского надзора за законностью административной деятельности органов милиции и самой административной деятельностью органов милиции.

Хотя с момента проведения учебно-методических конференций прошло еще мало времени, результаты их уже начали сказываться.

Можно надеяться, что проведенная прокуратурой области и управлением МГБ работа улучшит практику органов милиции и прокуратуры по ряду отраслей их деятельности.

Заместитель прокурора
Саратовской области

Ф. Хилько

ТВОРЧЕСКОЕ СОДРУЖЕСТВО

28 января 1952 г. в помещении прокуратуры Ленинградской области состоялось открытое заседание ученого совета Ленинградского юридического института имени Калинина совместно с работниками юстиции и прокуратуры.

С докладом об итогах работы по творческому содружеству научных работников института с практическими работниками органов юстиции и прокуратуры выступил заместитель директора института по научно-учебной работе доцент А. Генниг. В своем докладе он отметил, что институт проделал значительную работу по укреплению и развитию содружества ученых института с практическими работниками. Научные работники института связаны договорами творческого содружества не только с работниками Ленинграда и Ленинградской области, но и с прокуратурой Карело-Финской ССР. Поддерживается систематическая связь с работниками госарбитража (кафедра гражданского процесса), адвокатуры (кафедры гражданского процесса и гражданского права), юридической консультации ВЦСПС (кафедра трудового права). Работа по творческому содружеству особенно усилилась в 1951 году. Уже в текущем году прочитано для судебных и прокурорских работников, адвокатов и работников исполкома Ленинградского городского совета 55 лекций. Институт организовал лекторий для народных заседателей, временно исполняющих обязанности народных судей в Ленинграде.

Обобщена и обсуждена совместно с практическими работниками судебно-прокурорская практика по двум категориям дел (кафедры уголовного права и уголовного процесса), ведется работа над обобщением судебной практики по третьей категории дел (кафедра трудового права).

К участию в заседаниях ученого совета института и в заседаниях кафедр, посвященных обсуждению актуальных вопросов права и процесса, систематически привлекаются практические работники. Ряд заседаний кафедры проводили в органах прокуратуры и юстиции с привлечением к обсуждению вопросов широкого круга практических работников (кафедры уголовного и трудового права, кафедра гражданского

процесса). Практические работники привлекаются к чтению лекций для студентов по специальным вопросам и участвуют в работе студенческих научных кружков. Широко практикуются письменные и устные консультации по запросам судебных и прокурорских работников Ленинграда (кафедра уголовного права).

Наряду с серьезной работой, проведенной коллективом института по связи с практикой, докладчик отметил и ряд недостатков, которые необходимо учесть в дальнейшей работе и наметить пути к их устранению. Так еще не сделалось основной формой творческого содружества совместное обобщение судебной и прокурорской практики научными работниками института и работниками органов юстиции и прокуратуры. Кафедры материального права проводят обобщения в отрыве от кафедр процессуального права, а итоги обобщения не используются в полной мере для практических и теоретических выводов. Некоторые кафедры (кафедра государственного права) еще недостаточно осуществляют связь с практикой. Не налажена должная информация научных работников института и посещение ими оперативных совещаний практических работников, посвященных обсуждению вопросов судебно-прокурорской практики.

Коллектив института должен еще лучше работать, находить новые, еще более совершенные формы связи и внести свой вклад в дело выполнения обязательств, данных ленинградцами в письме к великому вождю советского народа товарищу Сталину, внести свой вклад в дело строительства коммунистического общества.

По докладу развернулись оживленные прения.

Проф. В. Догадов рассказал о своей поездке в г. Петрозаводск Карело-Финской ССР, где он выступал перед судебными и прокурорскими работниками по вопросам трудового законодательства. Он отметил также большую пользу совместных заседаний кафедр трудового и уголовного права и практических работников. Такие заседания пополняют теоретический багаж практических работников и приближают научных работников к судебной практике.

Начальник
юстиции

г. Естюков
значительного
раб
работников
недостатки
тиву инст
научные
вают связ
го, не бы
стают от
ность раб
нотариата
кая работ
научных
работают
сты по к
При чтен
литор бр
ботников,
чтобы им
ло учиться

Народн
удовлетво
можность
материал
заседани
он получ
работник
институте
навыки г
денческой
делами и
тики.

Прокур
пин отме
тельную
ства нау
ляется т
крепкой

Успех
ческой
от устан
но и от
щих хи
щих пр
следстве
ширные
ватели
и стави
в работ
ков, соз

К сою
обраща
рушени
щений
кую-то

Межд
службе
обязан
уголовн
расслед
(ст. 112

Начальник управления министерства юстиции по Ленинградской области т. Естюков отметил, что институт проделал значительную работу по укреплению сотрудничества работников науки и практических работников. Наряду с этим все же есть недостатки, которые следует учесть коллективу института. В частности, есть еще научные работники, которые недооценивают связь с практикой, держатся замкнуто, не бываю в судах и прокуратуре, отгораживаются от жизни. Он указал на недостаточность работы, проводимой с работниками нотариата и судебными исполнителями. Такая работа значительно обогатила бы и научных и практических работников. Мало работают по связи с практикой специалисты по колхозному и земельному праву. При чтении лекций хотелось бы, чтобы лектор брал примеры из практики тех работников, для которых читается лекция, чтобы именно на этих примерах можно было учиться.

Народный судья т. Нажимов выразил удовлетворение предоставленной ему возможностью выступить с обобщенными им материалами по делам о хулиганстве на заседании кафедры уголовного права, где он получил помощь со стороны научных работников. Он указал также на то, что в институте должны прививать студентам навыки практической работы еще на студенческой скамье, больше знакомить их с делами из судебной и прокурорской практики.

Прокурор Ленинградской области т. Цыпин отметил, что институт проделал значительную работу по укреплению сотрудничества науки с практикой. Недостатком является то, что институт еще не наладил крепкой связи с выпускниками — молоды-

ми специалистами, которые работают в системе прокуратуры, и это нужно учесть в дальнейшей работе. Тов. Цыпин указал на неудовлетворительность учебников по колхозному и земельному праву, которые оторваны от живой действительности и очень мало помогают практическим работникам, ищущим в них ответы на те или иные вопросы. Тем более необходимо, чтобы специалисты по колхозному и земельному праву теснее связались с практическими работниками, обобщали практику по вопросам колхозного и земельного права и тем самым оказывали бы необходимую помощь практическим работникам. Тов. Цыпин отметил, что научные работники института дали свое согласие на проведение ряда лекций на специальных семинарах, организуемых прокуратурой в районах Ленинградской области. Подобные заседания ученого совета должны стать периодическими не только как подведение итогов, но и в качестве контроля над осуществлением связи работников науки и практики.

Начальник управления милиции по Ленинградской области т. Соколов, отметив работу, проделанную коллективом института, выразил пожелание, чтобы научные работники не забывали и органов дознания и крепче держали с ними связь.

Заведующий кафедрой уголовного процесса доцент В. Резепов рассказал о планах работы кафедры и о тех мероприятиях, которые намечено провести в ближайшее время для устранения недостатков, еще имеющихся в работе кафедры.

Ученый совет принял постановление по обсужденному вопросу.

И. Карпец

РАБОТА ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ХИЩЕНИЙ — ВАЖНАЯ ОБЯЗАННОСТЬ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Успех борьбы с хищениями социалистической собственности зависит не только от установления виновности расхитителей, но и от выяснения причин, способствующих хищениям, и принятия соответствующих предупредительных мер. Материалы следственных дел дают следователю обширные данные о таких причинах. Следователи обязаны использовать эти данные и ставить вопрос о ликвидации всяческих в работе хозяйственных органов недостатков, создающих условия для хищений.

К сожалению, некоторые следователи не обращают внимания на вскрытые ими нарушения. Работу по предупреждению хищений такие следователи признают за какую-то ненужную нагрузку.

Между тем эта работа является прямой служебной обязанностью следователя. Эта обязанность вытекает из задач советского уголовного процесса, принципа полноты расследования и основана на законе (ст. 112 УПК РСФСР и соответствующие

статьи УПК других союзных республик). Приказ Генерального Прокурора СССР от 28 июля 1949 г. № 131 об участковой системе работы следователем обязывает каждого следователя проводить на своем участке работу по предупреждению преступлений.

Выявление причин хищений и принятие в связи с этим мер является и процессуальной обязанностью следователя, его служебным долгом.

Отдельные работники следствия ошибочно считают, что предупреждение преступлений — функция отделов общего надзора. Нет нужды доказывать всю неправильность такой точки зрения.

По материалам уголовных дел следственные работники часто располагают более важными данными о недостатках работы хозяйственных органов, более глубоким анализом этих недостатков. Это закономерно, так как методами следствия

наиболее полно и правильно устанавливаются подобные обстоятельства дела.

Насколько большие возможности бывают у следователей для предупреждения хищений социалистической собственности, можно проиллюстрировать на следующих примерах.

Старший следователь прокуратуры г. Москвы т. Гуковская, расследуя хищения денежных средств на Московском винном заводе, установила недостатки в системе расчетов с поставщиками стеклянной посуды и в учете порожних бутылок в торгующих организациях.

Не ограничившись разоблачением шайки расхитителей, т. Гуковская информировала о недостатках в учете стеклотары Генерального Прокурора СССР, который вошел по этому вопросу с представлением в соответствующие органы. Инициатива прокуратуры в части изменения порядка учета стеклотары была поддержана и в настоящее время практически реализуется Министерством торговли СССР.

Старшие следователи прокуратуры Смоленской области тт. Медведев и Рейнгверц разоблачили своеобразный способ хищений, который применял обвиняемый гл. бухгалтер Вяземского маслозавода. От имени начальника отдела сбыта «Главрасжирмасло» Гривнина, Рябов и его соучастники Ардашников и Фрадкин посылали из Москвы в адрес маслозавода фиктивные телеграммы-наряды на отпуск масла по льготной цене ряду торгов (с представителями последних Рябов находился в преступном сговоре). Всего было послано 11 фиктивных телеграмм на 56 тонн масла, из которых 42 тонны попали в руки преступников и были расхищены, а хищение остальных 14 тонн было предотвращено следствием. Хищение масла таким способом оказалось возможным из-за неправильного порядка приема телеграмм от служебных лиц, находящихся в командировке. Согласно правилам находящееся в командировке должностное лицо могло не указывать в служебной телеграмме своей должности и не предъявлять паспорта. Требовалось лишь предъявление командировочного удостоверения. Фиктивные телеграммы давались от имени начальника отдела сбыта Главка якобы в момент его нахождения в командировке. Должностное положение Гривнина в телеграмме не указывалось. Рябов фабриковал командировочные удостоверения на фамилию Гривнина, и только на основании этого удостоверения почтовые отделения принимали служебные телеграммы от имени Гривнина. Если бы требовалось указание в телеграмме должности, преступникам нельзя было бы оперировать таким командировочным удостоверением. Точно так же невозможно было бы дать служебную телеграмму от имени Гривнина, если бы требова-

лось предъявление паспорта, подделать который куда труднее, чем изготовить фиктивное командировочное удостоверение.

Проанализировав все эти недостатки правил телеграфной переписки, следователи информировали об этом Прокуратуру СССР. Генеральный Прокурор СССР внес Министру связи СССР представление об изменении порядка приема служебных телеграмм. Сейчас порядок приема телеграмм изменен.

Прокуратуры Ставропольского края вскрыли хищения пшеницы в Грачевском зерносовхозе. Хищения систематически совершали отдельные работники этого совхоза с токов и при транспортировке зерна на элеватор. При обысках обнаружено и изъято до 12 тонн похищенной пшеницы. Следователь обратил особое внимание на выяснение причин, позволивших совершить такое крупное хищение зерна. Оказалось, что совхоз не был подготовлен к уборке урожая. В частности, не было определено заранее количество и местонахождение токов. Они были наспех устроены в ходе уборки вблизи к проезжим дорогам и даже на самой дороге, около ползающих насаждений. Это было очень наружу расхитителям зерна, которые незаметно подходили к токам, набирали зерно и также незаметно скрывались за древонасаждениями или в посевах кукурузы. Не был налажен учет намолоченного зерна. При доставке от комбайнов на токи и дальше на элеватор зерно не взвешивалось, а количество его определялось условно посредством обмера. Накладная оформлялась, но вес зерна в ней проставлялся лишь после принятия зерна элеватором. Таким образом при транспортировке зерна с поля до элеватора ответственности за его сохранность практически никто не нес, так как оно передавалось без веса. Токи охранялись неудовлетворительно. Вместо предусмотренных десяти сторожей, их охраняли два сторожа, причем оба негодные для сторожевой службы: один парализованный, прилапочный, другой — старик. Токи (длиной до 300 метров) охранялись только ночью, а днем оставались вообще без присмотра.

Следователь не ограничился привлечением к уголовной ответственности непосредственно расхитителей зерна. Были приняты срочные меры к ликвидации установленных недостатков в учете и охране урожая. Прокуратура СССР поставила перед Министерством совхозов СССР вопрос о предупреждении подобных нарушений в других зерноскладах.

Выявляя методами следствия недостатки в деятельности предприятий, учреждений и ведомств, предупреждая возможность хищений, наши следователи окажут еще большую помощь государству.

М. Курилин

Некоторые критически телей и, изменения варительные показания, обвиняемые себя виновные заний, сви.

Характерные примы привлечены то, что он ночи сования с н платок и как в свое так и в п следствии 1950 г., кс удар, от 1 а когда п дома в ол зи, а самг избил, она вторает, ч тели Дми тельном с ли, как т а та крич лей крик 1 обвиняемы ботники 1 качестве с задержани и платье, них.

При рас ном суде на г. Там менила св судимыми ними вып заявление писала по Свидетели менили св факта огр причин из установлен что грабит Почему из ли Попова родный су приговор. Тамбовс тельством

ОЦЕНКА СВИДЕТЕЛЬСКИХ ПОКАЗАНИЙ

Некоторые судебные органы не всегда критически относятся к показаниям свидетелей и, главное, не выясняют причину изменения их показаний. Иногда на предварительном следствии свидетели дают показания, уличающие обвиняемого, а сам обвиняемый под тяжестью улик признает себя виновным, но в суде все оборачивается по-иному: обвиняемые не признают себя виновными и отказываются от своих показаний, свидетели свои показания изменяют.

Характерны в этом отношении следующие примеры. Квек и двое других были привлечены к уголовной ответственности за то, что они 13 ноября 1950 г., в 2 часа ночи совершили ограбление Тереховой, сняв с нее драповое пальто, шерстяной платок и шелковое платье. Потерпевшая как в своем заявлении в органах милиции, так и в показаниях на предварительном следствии заявила, что ночью 13 ноября 1950 г., когда она шла домой, ей нанесли удар, от которого она потеряла сознание, а когда пришла в себя, то уже лежала дома в одной рубашке, запачканной в грязи, а сама она вся была в крови. Кто ее избил, она не знает, но со слов матери повторяет, что ограбили ее и избили. Свидетели Дмитриева и Попова на предварительном следствии показали, что они видели, как трое мужчин раздевали Терехову, а та кричала: «караул». На ее и свидетелей крик подошла милиция, задержавшая обвиняемых при их попытке скрыться. Работники милиции, будучи допрошены в качестве свидетелей, подтвердили, что при задержании обвиняемых те бросили пальто и платье, а платок обнаружен у одного из них.

При рассмотрении этого дела в народном суде 1-го участка Центрального района г. Тамбова потерпевшая Терехова изменила свои показания, заявила, что с подсудимыми она давно знакома, вместе с ними выпивала и что никто ее не грабил, заявление же в органы милиции она написала под диктовку работников милиции. Свидетели Попова и Дмитриева тоже изменили свои показания и не подтвердили факта ограбления. При выяснении судом причин изменения показаний потерпевшей установлено, как об этом заявила ее мать, что грабители угрожали выжечь ей глаза. Почему изменили свои показания свидетели Попова и Дмитриева, не выяснено. Народный суд все-таки вынес обвинительный приговор.

Тамбовский областной суд под председательством т. Назарова, рассмотрев дело по

жалобам осужденных, отменил приговор суда и дело прекратил. Прекращение дела областной суд мотивировал тем, что сама потерпевшая отрицала факт ограбления, что свидетели Попова и Дмитриева изменили свои показания и также не подтвердили факта ограбления, что показания свидетелей из работников милиции не могут быть положены в основу, так как они не видели самого факта ограбления. В отношении того, что Терехова оказалась без пальто, платья и платка, областной суд указывает в своем определении: «Видя, что Терехова одна без их (подсудимых) помощи, в силу опьянения, дойти домой не может, вполне естественно, что они, как знакомые, довели ее до квартиры, и не исключено то, что когда они ее вели, то вместе с ней падали, вследствие чего Терехова могла раздеться, а подсудимые с целью сохранения вещей подобрали их».

Мы привели это дело достаточно подробно, чтобы показать, как иногда суд, вопреки логике, вопреки собранным доказательствам, кладет в основу исключительно измененные показания свидетелей и всеми силами старается доказать, что в суде свидетели показали правильно, а на предварительном следствии нет, причем в подтверждение этого не приводит никаких объективных данных.

С точки зрения оценки доказательств по этому делу обращают на себя внимание следующие моменты. Как народный, так и областной суд некритически подошли к оценке показаний свидетелей и не выяснили причин их изменения, хотя у суда уже имелись некоторые данные, подтверждающие, что свидетели могли изменить показания в результате угроз подсудимых. Чтобы признать правильными измененные показания свидетелей в народном суде, областной суд отверг показания свидетелей из работников милиции, которые задержали обвиняемых с похищенными вещами. И более того, областной суд даже извратил обстоятельства дела. Если бы суд и признал тот факт, что показания свидетелей на предварительном следствии неправильно записаны, он обязан реагировать соответствующим образом в отношении тех работников, которые производили расследование по делу. Тем более суд должен реагировать в случае, если он установил, что свидетели дали ложные показания либо в судебном заседании либо на предварительном следствии. Но по делу Квек в этой части судом не сделано никаких выводов.

Приговор народного суда и определение областного суда по этому делу были опротестованы Прокурором РСФСР. Определением Верховного суда РСФСР протест удовлетворен, приговор народного суда и определение областного суда отменены, и дело возвращено на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

Вот другое дело. Народный суд 2-го участка Сталинского района Грозненской области рассмотрел дело по обвинению Токарева по указу от 4 июня 1947 г. Токареву вменялось в вину, что он, работая газосварщиком, похитил на производстве водопроводную трубу длиной 6 метров и 9 кг замазки. При обыске в квартире похищенное обнаружено. Токарев не отрицал, что он действительно взял на производстве водопроводную трубу, но сделал это с разрешения бригадира Блинова. Свидетель Блинов на предварительном следствии показал, что он не давал Токареву разрешения брать водопроводную трубу, а в суде этот свидетель изменил свои показания, заявив, что водопроводную трубу Токарев взял с его разрешения. Основываясь на показаниях свидетеля Блинова, данных им в суде, суд оправдал Токарева. Таким образом, суд не проверил противоречивых показаний свидетеля, не выяснил причин изменения их. Если свидетель Блинов на предварительном следствии дал показания, уличающие обвиняемого, а в судебном заседании — оправдывающие, то, стало быть, он где-то дал ложные показания. Однако, суд на это не реагировал. При оценке показаний свидетеля Блинова суд не принял во внимание и того обстоятельства, что этот свидетель работал вместе с подсудимым и в известной степени мог быть заинтересован в исходе дела.

Еще одно дело. За совершение хулиганских действий был привлечен к уголовной ответственности некто Брусков. На предварительном следствии свидетель Варфоломеев показал, что Брусков совершил хулиганские действия и при этом нанес ему удар. При рассмотрении дела в народном суде Милославского района Рязанской области Варфоломеев изменил свои показания, заявив, что Брусков не совершил хулиганских действий и удара ему не нанёс. Суд вынес оправдательный приговор. Ни суд, ни прокурор Дмитриева, участвовавшая в рассмотрении этого дела, не проверили причин изменения показаний свидетеля Варфоломеева и других. Уже после судебного процесса районный прокурор решил поинтересоваться причинами изменения показаний свидетелей. И тот же Варфоломеев в своем объяснении на имя прокурора подтвердил свои показания, данные на предварительном следствии, заявляя, что он якобы и на суде так показывал. Очевидно, этот свидетель такого мнения, что в судебном заседании можно безнаказанно давать и ложные показания.

Иногда заинтересованные в исходе дела лица или обвиняемые подбивают свиде-

лей давать заведомо ложные показания. И если суд некритически подходит к оценке показаний свидетелей, недостаточно исследует эти показания, он допускает серьезную ошибку.

Показателен такой факт. Председатель колхоза «Социализм» Селезнев систематически нарушал Устав сельскохозяйственной артели, присваивал колхозные средства. Селькор Котов решил разоблачить злоупотребления Селезнева. В районной газете появилась статья Котова, в которой приводились факты нарушения колхозного устава Селезневим. На отчетно-выборном собрании, где отчитывался председатель колхоза Селезнев, Котов вместе с другими колхозниками выступил с резкой критикой Селезнева, указав, что Селезнев — жулик. Комиссия районного сельскохозяйственного отдела подтвердила все те факты, о которых сообщил Котов, Селезнев был привлечен к уголовной ответственности. С целью мести Котову за критику Селезнева подает в народный суд 1-го участка Брасовского района Брянской области заявление, в котором просит за нанесение ему оскорбления в печати и на колхозном собрании привлечь Котова к уголовной ответственности. Чувствуя, что его заявление может обернуться против него, он составляет со своей стороны ряд свидетелей, некоторых из них специально подготавливает, чтобы они дали выгодные ему показания.

Народный суд, рассматривая это дело, подошел формально, не проверил показаний свидетелей, не разгадал существа дела и, вместо того чтобы разоблачить Селезнева в мести Котову за критику, народный суд осудил селькора Котова. Областной суд оставил в силе приговор народного суда. Районный прокурор, проверивший дело в порядке надзора, также не нашел оснований к принесению протеста. Народный судья Циркуль и некоторые члены областного суда рассуждали так: Котов, критикуя Селезнева, обозвал его жуликом. Хотя Котов и заслуженно обозвал так Селезнева, но, поскольку судом еще не рассмотрено дело в отношении Селезнева, следует осудить Котова. Между тем, из самого заявления Селезнева видно, что вопрос об оскорблении его есть только повод к возбуждению дела против Котова, а существо этого дела — расправа за критику. В результате формально-бюрократического отношения к данному делу со стороны народного суда, областного суда и районного прокурора Котов был осужден.

По протесту Прокурора РСФСР приговор народного суда и определение областного суда по делу Котова были отменены Верховным судом РСФСР и дело прекращено. В отношении работников суда и прокуратуры, формально рассматривавших это дело, приняты соответствующие меры.

Факты, подобные приведенным, свидетельствуют, что в ряде случаев следственные органы на основании показаний свиде-

телей, уличают человека, причем на основе этих же свидетельств пристрастно рассматриваются обвинения. Суд реагирует на такие же основания, а основываясь на них, окончательно привлекает к ответственности.

Такое положение не способствует установлению истины. ст. 95 УК

Следствие не исследует взаимоотношения, их влияние на материалы.

Некоторое время

Среди моих народных заседателей решения так как с существенные как и инт предприятия организаци

Народные меры, что и строго ст. ст. 40 нием Пленума 10 июня

Однако еще нет в каких-то телю вре страдавш стного сл если вред ему увеч

Ни в : ма Верх коне по

Между мещении или служ телю вре просы о указывая после нес работать работнику

Народные времени

телей, уличающих обвиняемого, привлекают человека, предъявляют ему обвинение, а затем на основании измененных показаний этих же свидетелей суд выносит оправдательный приговор, иногда же на основании таких же противоречивых показаний выносятся обвинительный приговор. Не всегда суд реагирует на лжесвидетельство, и, свидетели, давшие ложные показания, на основании которых гражданин был необоснованно привлечен к уголовной ответственности, остаются безнаказанными, их не привлекают к уголовной ответственности.

Такое положение нетерпимо. Суд и прокуратура обязаны всегда выяснять причину изменения показаний свидетелей и при установлении лжесвидетельства привлекать виновных к уголовной ответственности по ст. 95 УК РСФСР.

Следственные органы иногда недостаточно исследуют доказательства, не выясняют взаимоотношений свидетелей с обвиняемыми, их отношение к делу и т. д., что влияет на объективность исследования материалов дела.

Некоторые прокуроры не считают своим долгом реагировать на изменения показаний

свидетеля, не привлекают виновных за лжесвидетельство. Так прокуратура Грозненской области привлекла Печенжиева и Калустова по указу от 4 июня 1947 г. на основании показаний свидетелей Панченко и Пархачева, уличивших их. В судебном заседании эти свидетели изменили свои показания, причем установлено, что свидетели Панченко и Пархачев были в неприязненных отношениях с обвиняемыми. В связи с этим суд вынес оправдательный приговор. Но если эти свидетели дали на предварительном следствии ложные показания из-за неприязненных отношений, то прокуратура должна была решить вопрос об их ответственности. Однако этого не случилось.

Желательно, чтобы в «Социалистической законности» были помещены еще статьи на эту тему в интересах помощи практическим работникам суда и прокуратуры, во избежание случаев необоснованного привлечения граждан к уголовной ответственности.

Прокурор УСО Прокуратуры РСФСР

Н. Хрупин

ПРАВО ЗАЧЕТА ЗАРАБОТКА ПРИ ВОЗМЕЩЕНИИ ПРИЧИНЕННОГО ВРЕДА

Среди гражданских дел, рассматриваемых народными судами, немало дел о возмещении причиненного вреда. Правильность решения таких дел имеет важное значение, так как они затрагивают личные и имущественные права отдельных граждан, равно как и интересы отдельных государственных предприятий, учреждений и общественных организаций.

Народные суды Москвы принимают все меры, чтобы правильно решать эти споры и строго руководствоваться при этом ст. ст. 403—415 ГК РСФСР и постановлением Пленума Верховного суда СССР от 10 июня 1943 г.

Однако в судебной практике и поныне еще нет полной ясности в вопросе о том, в каких случаях предоставляется причинителю вреда право зачета получаемой пострадавшим заработной платы после несчастного случая в счет возмещения вреда, если вред возник в результате причинения ему увечья.

Ни в упомянутом постановлении Пленума Верховного суда СССР, ни в самом законе по этому вопросу ничего не сказано.

Между тем, при решении споров о возмещении вреда, причиненного рабочему или служащему на производстве, причинители вреда часто ставят перед судом вопросы о предоставлении им права зачета, указывая при этом, что пострадавший и после несчастного случая с ним продолжает работать, получая прежнюю или иную заработную плату.

Народные суды Москвы до последнего времени руководствовались постановлением

Пленума Верховного суда РСФСР от 28 июня 1926 г., действующим поныне, и предоставляли такое право зачета только в том случае, если увечье трудящемуся причинено на производстве и если он и после этого несчастного случая остался на прежней работе в том же предприятии или учреждении, причем его заработок не уменьшился после увечья по сравнению с прежним заработком или заработком других рабочих той же категории.

Когда же увечье причинено не в связи с трудовыми отношениями или если наниматель перевел пострадавшего на иную работу после причинения ему вреда, в таких случаях права зачета суды не предоставляют.

Такая практика существовала долго. Этой практики придерживались и Московский городской суд и Верховный суд РСФСР.

Верховный суд СССР за последнее время отменил ряд решений народных судов Москвы, определенных судебных коллегий Московского городского суда и Верховного суда РСФСР, указав на неправильность практики, применяемой судами по этим делам.

По мнению Верховного суда СССР, право зачета следует предоставлять во всех случаях, если трудящийся после несчастного случая продолжает работать, независимо от того, в каком именно предприятии или учреждении, и независимо от его заработной платы.

Так по иску Петрушкина к одному заводу Судебная коллегия Верховного суда

СССР, отменяя решение народного суда 5-го участка Сокольнического района Москвы, определение судебных коллегий Московского городского суда и Верховного суда РСФСР, в своем определении от 18 июля 1951 г. указала: так как у Петрушкина и после увечья имеется постоянный заработок, поскольку он работал на другом предприятии, суд при таких обстоятельствах обязан был предоставить ответчику право зачета заработка истца в счет присужденных ему сумм по судебному решению.

Такие указания Верховного суда СССР правильно охраняют интересы государственных и общественных организаций.

Эти указания ликвидируют существовавшее до сих пор разноречие в судебной практике по предоставлению причинителям вреда права зачета. По существующей практике судов пострадавшему, получившему увечье на производстве и оставшемуся на прежней работе после несчастного случая с тем же заработком, дополнительные платежи по увечью не выплачиваются.

Но если пострадавшему причинено увечье не на работе, а он и после причинения ему вреда продолжает работать и получать прежний заработок, то, в соответствии с постановлением Пленума Верховного суда РСФСР от 1926 года, суды присуждают ему периодические платежи по возмещению ущерба.

Приведу следующий пример: в квартире инженера Гаврилова произошло возмещение газа. В результате он получил ожог с утратой 50% общей и профессиональной трудоспособности. Гаврилов предъявил иск к тресту Мосгаз о возмещении ему вреда. Причем Гаврилов и после несчастного случая продолжает работать и попрежнему его заработок составляет 1500 руб. Руководствуясь указанным выше постановлением Пленума Верховного суда РСФСР, народный суд присудил Гаврилову, помимо расходов на его лечение, ежемесячно по 750 руб. Между тем, ст. 410 ГК РСФСР указывает, что возмещение за вред должно заключаться в восстановлении прежнего

состояния, а если такое восстановление невозможно, в возмещении причиненных убытков. В приведенном примере Гаврилов от увечья не имел материального ущерба, за исключением расходов на лечение. Несмотря на это суд присудил ему значительную сумму.

В настоящее время большинство народных судов Москвы стало предоставлять организациям право зачета независимо от того, где работает пострадавший, но такой зачет предоставляется лишь тогда, когда о нем заявлено ходатайство ответчика.

По нашему мнению, он должен предоставляться судами во всех случаях, если после увечья рабочий или служащий продолжает работать в любой организации, и независимо от того, поступило ли ходатайство о зачете от стороны в процессе или нет, причем не только юридическому лицу, но и физическому, причинившему вред.

Некоторые суды руководствуются прежней практикой. Верховный же суд РСФСР сейчас предоставляет право зачета только в том случае, если заработок пострадавшего лица не уменьшается после несчастного случая против прежнего заработка.

Для устранения отмеченных недостатков при решении судами споров по обязательствам, вытекающим из причинения другому вреда, мы считаем, что Министерству юстиции СССР следует войти с ходатайством в Пленум Верховного суда СССР об отмене действующего постановления Пленума Верховного суда РСФСР от 1926 года и внесении дополнения в постановление Пленума Верховного суда СССР от 10 июня 1943 г. Необходимость в таком дополнении вызывается тем, что Верховный суд СССР, изменяя практику судов по затронутому нами вопросу, в своих определениях не сослался на закон, которым он руководствовался, отменяя решения народных судов. Требуется руководящее указание высшего судебного органа.

Член Московского городского суда

Н. Бирюков

НЕОБХОДИМО СУДЕБНОЕ УСТАНОВЛЕНИЕ ФАКТОВ РЕГИСТРАЦИИ БРАКА

Вопрос, затронутый в статье т. Ковригина «Допустимо ли судебное установление фактов регистрации брака» («Социалистическая законность» 1951 г., № 10), имеет большое не только практическое, но и политическое значение. Правильное решение его крайне необходимо в интересах детей, родившихся после издания указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. от лица, с которым мать состояла в зарегистрированном браке, но утратила об этом свидетельство, а записи актов гражданского состояния по обстоятельствам военного времени или по иным обстоятельствам (пожар, стихийное бедствие) не сохранилось.

Наше советское законодательство строго охраняет права детей и все вопросы, связанные с их материальным обеспечением, в случае развода супругов, решает в направлении наилучшего обеспечения интересов детей. Из этого основного требования советских законов и следует исходить при решении вопроса о возможности устанавливать в судебном порядке факт регистрации брака, если свидетельство об этом утрачено и восстановить его в органах загса не представляется возможным по указанным причинам.

Между тем, в инструкции НКЮ РСФСР № Д-22 от 3 июня 1945 г. этот вопрос, на наш взгляд, решен неправильно. Там ука-

зано, что писей а относится: нов, а о состоянии.

Как ж новить а состоянии женный стихийно новить и, стало граждан дубликат брака и ребенка, браке, не менно и лишается ребенка сможет в суд св а суды, ции НКИ ски об брака.

Таким интереса в выгоды эта, стр можности браке и нии ребе

Если и итоге по. материал жить на вынужден выплачив матери.

Между установл утрате ст актову гра. нать суд нума Ве 1945 г. . установл

О поря на отказ В своей приеме и восудии» 1951 г. М сти поря народным Этот в тельно и рые нару ного суд и создаю Говоря явления, нить такс искового только р

зано, что восстановление уничтоженных записей актов загса о регистрации брака относится к компетенции не судебных органов, а органов записи актов гражданского состояния.

Как же практически загс может восстановить архив записей актов гражданского состояния, сгоревший при пожаре, уничтоженный во время военных действий или стихийного бедствия? Практически восстановить уничтоженный архив невозможно и, стало быть, напрасны будут обращения граждан в органы загса за копиями или дубликатами свидетельств о регистрации брака и иных документов. Поэтому мать ребенка, состоявшая в зарегистрированном браке, но утратившая свидетельство, совершенно неправильно, в нарушение закона лишается права предъявить иск к отцу ребенка об алиментах, поскольку она не сможет по указанной причине представить в суд свидетельство о регистрации брака, а суды, как указано в названной инструкции НКЮ РСФСР, некомпетентны решать иски об установлении факта регистрации брака.

Таким образом, эта инструкция в ущерб интересам государства и ребенка ставит в выгодное положение недобросовестного отца, стремящегося воспользоваться невозможностью восстановить свидетельство о браке и уклониться от участия в содержании ребенка.

Если исходить из этой инструкции, то в итоге получается, что, вместо того чтобы материальное содержание ребенка возложить на отца (кроме матери), эту заботу вынуждено брать на себя государство и выплачивать пособие на ребенка одинокой матери.

Между тем, на наш взгляд, вопрос об установлении факта регистрации брака при утрате свидетельства и архивных записей актов гражданского состояния должен решать суд на основании постановления Пленума Верховного суда СССР от 29 июня 1945 г. № 9(8)У «О порядке судебного установления фактов, от которых зависит

возникновение, изменение или прекращение личных или имущественных прав граждан». И именно потому, что установление этого факта, о котором идет речь, связано с возникновением права не только на алименты, но и на фамилию отца, наследство и пенсию в случае его смерти, т. е. оно связано с возникновением как личных, так и имущественных прав, что прямо указано в постановлении Пленума Верховного суда СССР. Такое решение вопроса вытекает из самого названия постановления и из его содержания.

Согласно этому постановлению, дела об установлении фактов, от которых зависит возникновение, изменение или прекращение личных или имущественных прав граждан, подлежат рассмотрению народного суда в тех случаях, когда факт может быть установлен в судебном порядке, если действующим законодательством не предусмотрен иной порядок его установления, и в случае невозможности получения заинтересованными лицами надлежащих документов, удостоверяющих эти факты, либо при невозможности восстановления утерянных или уничтоженных документов.

Известно, что действующим законодательством иной порядок установления указанных фактов не предусмотрен, а, следовательно, их следует устанавливать согласно постановлению Пленума Верховного суда СССР от 29 июня 1945 г. за № 9(8)У, так как в случае утраты архивов по обстоятельствам, указанным выше, установить этот факт иным порядком практически невозможно.

Поскольку наши суды по-разному решают этот вопрос: одни такие иски принимают к производству и решают по существу, а другие их не принимают, следовало бы дать судам руководящие указания с тем, чтобы установить единую практику по этим делам.

Помощник военного прокурора

А. Гончаров

г. Свердловск

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРОЦЕССА

О порядке рассмотрения частных жалоб на отказ в приеме искового заявления. — В своей заметке «Незаконный отказ в приеме искового заявления — отказ в правосудии» («Социалистическая законность» 1951 г. № 1) т. Степанова предлагает навести порядок в приеме исковых заявлений народными судьями.

Этот важный участок процесса действительно имеет серьезные недостатки, которые нарушают нормальную работу народного суда, порождают жалобы населения и создают волокиту.

Говоря об отказе в приеме искового заявления, т. Степанова рекомендует узаконить такой порядок, чтобы отказ в приеме искового заявления оформлялся не одной только резолюцией судьи, а мотивирован-

ным определением народного суда; правда, она не уточняет, коллегиальный ли состав народного суда должен выносить подобное определение или единолично народный судья, но можно догадываться, что она имеет в виду коллегиальный состав. На мой взгляд, в этой части ее предложение неприемлемо по следующим соображениям: нашему гражданскому процессу чужды волокита и бюрократизм, ему свойственны оперативность и быстрота, обеспечивающие своевременный ответ народного суда на вопрос, интересующий трудящегося.

Опытный и знающий народный судья вложит в основу отказа в приеме искового заявления те же самые мотивы, что в резолюцию, что в определение. Откладывать же решение этого вопроса до созыва колле-

гального состава суда было бы сопряжено с волокитой. Выход такой: сохранив существующий порядок отказа в приеме исковых заявлений путем резолюции народного судьи, надо обязать народных судей излагать в такой резолюции все причины отказа в приеме искового заявления со ссылкой на закон или нормативный акт.

В ст. 31 ГПК РСФСР нет точного указания, каким порядком следует рассматривать частные жалобы на отказ судьи в приеме искового заявления. Однако, по установившейся практике вышестоящие судебные инстанции рассматривают эти частные жалобы в судебных коллегиях. Я думаю, что этот порядок необходимо изменить, как мешающий быстрейшему решению жалоб и приближению дела к рассмотрению по существу.

Надо предоставить право руководителям вышестоящих судебных инстанций право единоличного рассмотрения этих жалоб, а следовательно, право отмены или оставления в силе резолюции судьи своей мотивированной резолюцией. Такое решение вопроса вполне логично и последовательно, так как лишение руководителя вышестоящего суда такого права, которым пользуется народный судья, ничем не оправдывается. Такой порядок не нарушает принципа коллегиальности судов, так как, во-первых, речь идет не о решении дела по существу, а, во-вторых, если народный судья в праве своими единоличными действиями решать вопрос о приеме исковых заявлений, то непоследовательно лишать руководителя вышестоящего суда права единолично решать вопрос о правильности или о неправильности единоличной резолюции народного судьи.

О порядке передачи дел из одного народного суда в другой в пределах области, края, АССР.—Согласно ст. ст. 32 ГПК и 40 УПК, никакие пререкания о подсудности между народными судами не допускаются и, если определение суда о такой передаче не обжаловано заинтересованной стороной или не опротестовано в вышестоящий суд, дело подлежит безусловному принятию к производству тем судом, куда оно направлено определением другого суда. Согласно ст. 31 УПК, вопрос о передаче дела из одного народного суда в другой народный суд района решает вышестоящий суд.

Однако, то обстоятельство, что вышестоящий суд, получив дело с определением народного суда о его передаче в другой суд, лишен права судить о правильности или неправильности определения народного суда при отсутствии жалобы или протеста, превращает вышестоящий суд исключительно в передаточную инстанцию, и назначение ст. 31 УПК становится непонятным.

Я думаю, что вопрос о передаче дела из одного народного суда в другой народный

суд района деятельности вышестоящего суда должен решать последний. Поэтому надо предоставить руководителям вышестоящих судов право вносить в надлежащих случаях дело на рассмотрение соответствующей коллегии для отмены неправильно вынесенного народным судом определения о передаче дела в другой народный суд. Это необходимо сделать потому, что на практике нередко имеют место случаи явно неправильной передачи дел из одного народного суда в другой по самым различным мотивам.

Вот несколько примеров, подтверждающих такое положение. Народный суд Правобережного района Северо-Осетинской АССР, рассматривая дело по обвинению Гадзалаевой и удовлетворив ее ходатайство о передаче дела в другой народный суд, вынес такое определение: «Ходатайство подсудимой удовлетворить, во избежание сомнения в объективности рассмотрения дела в Правобережном районе, передать его в другой суд через Верховный суд Северо-Осетинской АССР».

В народный суд 1-го участка Алагирского района в апреле 1951 г. поступило исковое заявление Бесоловой к Газюмову о разделе имущества. В судебном заседании ответчик Газюмов заявил отвод народному судье т. Савхалову по тем мотивам, что тот его родственник. Это ходатайство безмотивно удовлетворено и дело передано в народный суд 2-го участка того же района. 17 июня 1951 г. ответчик опять заявил отвод исполняющей обязанности народного судьи 2-го участка Алагирского района т. Дзобоевой по тем мотивам, что она знакома с истцей. Отвод был удовлетворен, и дело лежало в народном суде без движения до 16 ноября 1951 г., когда ответчик заявил в третий раз отвод народному судье того же участка т. Икаеву по тем мотивам, что они с ним в родстве. Отвод был удовлетворен, и дело по определению суда направлено в верховный суд республики для передачи в другой суд.

Спрашивается, как может вышестоящий суд равнодушно взирать на подобные факты и слепо штамповать свои определения о передаче дела из одних в другие народные суды. Возразят, что к таким судьям надо применять меры воздействия. Такие меры применяются: выносятся частные определения. Однако подобные факты продолжают иметь место по другим делам, выдвигаются новые мотивы.

По-моему, председателям вышестоящих судов необходимо предоставить право вносить дела с неправильными определениями о передаче дела из одного народного суда в другой суд на рассмотрение коллегии для отмены определения и возвращения дела в тот же суд для рассмотрения по существу.

Председатель Верховного суда
Северо-Осетинской АССР

А. Карацев

ПО

В № 1
конность»
ция тт. Чо
вия соци
лучшую не

Министе
сообщило
женные в
заседании
Украинской
вернутое и
решительно
дальнейше
риальными
условий со

Управле
Волинской
что в кон
проведена
условий со
третий кв.
представит
ре 1951 го
ведено обл
вопросу о
контор обл
условий со
втором по
были закл
боте нота
годии 1951
проведен
на которой
ду собой
соревнован
1952 года
нотариусом
улучшении
контор обл
условий
Управле
Волинской
тия для
ревизии д
нов Волин
улучшение
контор и
тариусами
ревновани:

В № 10
респондент
в расслед
дел о нар
ности».

Прокура
цию, что
обсуждала
прокурату
туре Мос
дились

ПО СЛЕДАМ ЗАМЕТОК И ПИСЕМ

В № 1 журнала «Социалистическая законность» была напечатана корреспонденция т. Чорпита и Фрид «Выполняем условия социалистического соревнования на лучшую нотариальную контору».

Министерство юстиции Украинской ССР сообщило в редакцию, что факты, изложенные в корреспонденции, обсуждены на заседании коллегии Министерства юстиции Украинской ССР. Коллегией принято разветвленное постановление, направленное на решительное устранение недостатков и дальнейшее улучшение выполнения нотариальными работниками Украинской ССР условий социалистического соревнования.

Управление Министерства юстиции по Волынской области сообщило в редакцию, что в конце 1951 года нотариусами была проведена взаимопроверка выполнения условий социалистического соревнования за третий квартал 1951 года при участии представителей профорганизации. В декабре 1951 года в управлении МЮ было проведено областное совещание нотариусов по вопросу о качестве работы нотариальных контор области и выполнения нотариусами условий социалистического соревнования во втором полугодии 1951 года. На совещании были заслушаны доклады нотариусов о работе нотариальных контор во втором полугодии 1951 года. После совещания был проведен двухдневный семинар нотариусов, на котором все нотариусы заключили между собой договоры на социалистическое соревнование на 1952 год. В январе 1952 года проведено областное совещание нотариусов, на котором стоял вопрос об улучшении качества работы нотариальных контор области и выполнении нотариусами условий социалистического соревнования. Управлением Министерства юстиции по Волынской области разработаны мероприятия для выполнения указаний по акту ревизии деятельности нотариальных органов Волынской области, направленные на улучшение качества работы нотариальных контор и более успешное выполнение нотариусами условий социалистического соревнования.

В № 10 журнала была напечатана корреспонденция т. Сапожникова «Недостатки в расследовании и судебном рассмотрении дел о нарушениях правил техники безопасности».

Прокуратура Москвы сообщила в редакцию, что корреспонденция т. Сапожникова обсуждалась на занятиях со следователями прокуратуры Москвы. До этого в прокуратуре Москвы дважды в 1951 году проводились занятия со следователями по

методике расследования по делам этой категории с разбором конкретных дел.

Прокуратура Саратовской области сообщила в редакцию, что для устранения указанных в корреспонденции недостатков в четвертом квартале 1951 года прокуратурой области был истребован ряд материалов и дел о нарушениях правил техники безопасности. Постановления по некоторым материалам об отказе в возбуждении уголовных дел были отменены, и по ним прокурорам районов было предложено провести дополнительное расследование. Все истребованные материалы и дела были изучены, по результатам обобщения их написан специальный обзор и разослан всем городским и районным прокурорам. По делу Алтымбаева прокурору Первомайского района, допустившему волокиту по делу, сделано соответствующее указание. На мягкость приговора суда по указанному делу Прокуратурой РСФСР был принесен протест в порядке надзора. Приговор народного суда Верховным судом РСФСР был отменен. При повторном рассмотрении дела судом Алтымбаев был осужден к шести месяцам исправительно-трудовых работ по месту работы.

Министерство юстиции Украинской ССР сообщило в редакцию, что характерные недостатки в судебной практике по рассмотрению дел о нарушении правил техники безопасности были установлены Министерством юстиции Украинской ССР при изучении этой категории дел по Сталинской и Ворошиловградской областям. На основе этого обобщения всем областям были даны указания. По материалам судебной практики Министерство юстиции Украинской ССР вошло с представлением в Министерство юстиции СССР, считая целесообразным проведение ряда мероприятий по линии Министерства угольной промышленности СССР. По представленным материалам Министерство угольной промышленности СССР издало специальный приказ. Министерством юстиции Украинской ССР предложено начальникам управлений МЮ по Харьковской и по Ворошиловградской областям включить в план работы на второй квартал 1952 года изучение этой категории дел.

В № 1 журнала была напечатана корреспонденция Г. «В Рязанской области слабо работают с народными заседателями».

Управление Министерства юстиции по Рязанской области сообщило в редакцию, что вопрос о работе с народными заседателями обсуждался на областном совещании

судей. Кроме того, на оперативном совещании при начальнике управления МЮ обобщен опыт работы с народными заседателями четырех народных судов области, и этот опыт как положительный доведен до сведения всех судей области специальным письмом. Ревизорам указано на то, что они во время ревизий должны принимать непосредственное участие в организации и проведении занятий путем выступления с лекциями и докладами перед народными заседателями.

В № 1 журнала была опубликована корреспонденция т. Слабуха «Как мы осуществляем надзор за деятельностью органов милиции».

Прокуратура Белорусской ССР сообщила в редакцию, что отдел по надзору за органами милиции прокуратуры Белорусской ССР в 1951 году ежеквартально обобщал свою работу и рассылал обзоры всем областным прокурорам. Упрек, сделанный в адрес отдела по надзору за органами милиции Прокуратуры Белорусской ССР в части недостаточности показа хороших образцов в осуществлении прокурорского надзора за законностью действий органов милиции, является правильным, на что обращено внимание начальника отдела по надзору за органами милиции Прокуратуры Белорусской ССР.

В № 10 журнала была напечатана статья т. Буланова «Как правильно применять указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 ноября 1944 г.».

Министерство юстиции СССР сообщило в редакцию, что вопрос, поставленный т. Булановым, о порядке признания фактических брачных отношений в случае смерти или пропажи без вести на фронте одного из супругов, находится на разрешении.

В № 4 журнала была опубликована корреспонденция т. Ишханяна «О сочетании теории и практики работников советской юстиции».

Министерство юстиции Азербайджанской ССР сообщило редакции, что по корреспонденции т. Ишханяна был проведен ряд мер для укрепления связи между работниками Министерства юстиции и научными работниками Азербайджанского государственного университета имени Кирова. Научные работники юридического факультета регулярно читают лекции на семинарских занятиях народных судей г. Баку и проводят занятия с народными заседателями в народных судах. Практические работники Министерства юстиции выступают с теоретическими докладами по различным вопросам. На юридическом факультете в течение ряда лет часть лекционного курса и практические занятия ведут наиболее подготовленные практические работники Министерства юстиции и прокуратуры. Юридическим факультетом намечено проведение цикла лекций для актива г. Баку, а также ряд теоретических конференций и докладов. Министерство юстиции Азербайджанской ССР наметило эпизодические лекции на теоретические темы.

К Р

В. Шал
«Новый

О раб
шут оче
рес юри
недавний
Повест
тельности
зарьева,
раз сове
человека
многооб
сов».

Елиза
поколен
в органа
гами ю
зарьев п
курьера
работни
циалиста

Не 1
Алекса
ты суды
ему сто
фликов

Перед
многих
смотрен
зарьева
Каждое
терес у
судом.
состоит
всю гл
судей, в
решении
возника
читателя
делая е

Поэтс
ный В.
особенн

Все
тельные
не абс
а показ

Что
зарьева
вась к
только
книги
мочь е
были т
и по се
ко не

При
Уже с
ев, нар
лей из
этой ис

6 Соци

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

В. Шалагинов, Судья. Очерк (журнал «Новый мир», 1951 г., №№ 10—11).

О работе судьи в нашей литературе пишут очень мало. Поэтому законный интерес юридической общественности вызвал недавний очерк В. Шалагинова «Судья».

Повествуя об отдельных эпизодах деятельности Николая Александровича Елизарьева, героя очерка, автор создает «образ советского судьи—простого советского человека, деятельность которого отражала многообразие наших общественных интересов».

Елизарьев — представитель старшего поколения наших судей. Начало его работы в органах юстиции совпало с первыми шагами юного советского государства. Елизарьев прошел длинный жизненный путь от курьера до квалифицированного судебного работника, культурного и вдумчивого специалиста.

Не мало дел рассмотрел Николай Александрович за двадцать три года работы судьей, со сколькими людьми пришлось ему столкнуться, сколько жизненных конфликтов разрешил суд при его участии.

Перед читателем проходит описание многих дел, уголовных и гражданских, рассмотренных под председательством Елизарьева или его товарищей по работе. Каждое из них своеобразно: понятный интерес у читателя вызывает решение дела судом. Но главная заслуга автора очерка состоит в том, что он раскрывает читателю всю глубину убеждения и мировоззрения судей, которыми они руководствовались при решении дела, их надежды и сомнения, возникающие при этом; автор раскрывает читателю тайну совещательной комнаты, делая его как бы четвертым членом суда.

Поэтому образ советского судьи, показанный В. Шалагиновым, становится читателю особенно близок и понятен.

Все достоинства судьи, его замечательные человеческие качества оттеняются не абстрактными его характеристиками, а показом его дел, его решений.

Что же первую голову подкупает в Елизарьеве? Подход к решению дел. «Готовясь к процессу, он научился читать не только следственное производство, но и те книги и справочники, которые могли помочь ему глубже разобраться в деле. Это были труды и по агрономии, и по авиации, и по связи, и по медицине, — с чем только не приходилось сталкиваться судье».

При этом строгое следование закону. Уже с первого своего дела, когда Елизарьев, нарушив закон, забыл удалить свидетелей из зала суда, он понял всю важность этой истины.

Судебное дело, испорченное легкомыслием, поспешностью, нерадением судьи, трудно исправить, — любил говорить Сова-Степняк, один из наставников молодого судьи. Закон, — продолжал он, — дает нам ключ к ясности, к правде, а нарушая закон, мы теряем ключ... Тут не форма — суть.

Однако не слепое преклонение перед буквой закона, а осмысленно-творческое его применение характеризует стиль работы судьи. Он учитывает обстановку, политику партии и советского государства. Елизарьев не боится взять на себя ответственность за принципиально новое решение, когда жизнь подводит судью к новому явлению, еще не бывшему в практике суда.

Пример такого творческого применения закона дал нам товарищ Сталин. Нельзя без волнения читать страницы очерка, посвященные этому событию.

В начале 1928 года в хлебные районы Сибири приезжает товарищ Сталин. «Я командирован к вам в Сибирь на короткий срок, — говорит он. — Мне поручено помочь вам в деле выполнения плана хлебозаготовок. Мне поручено также обсудить с вами вопрос о перспективах развития сельского хозяйства, о плане развёртывания в вашем крае строительства колхозов и совхозов». В эти дни в стране были затруднения с хлебом, а кулаки старались припрятать излишки, которых накопилось у них немало. Возникла необходимость проведения ряда чрезвычайных мер. В частности, вносились предложения о применении к кулакам ст. 107 УК РСФСР. Однако некоторые из юристов уверяли, что преступная деятельность кулаков не содержит в себе признаков спекуляции, ибо до этого ст. 107 УК применялась лишь к городским спекулянтам-перекупщикам.

Товарищ Сталин снял все препятствия к применению ст. 107. «Если кулаки ведут разнузданную спекуляцию на хлебных ценах, — говорил товарищ Сталин, — почему вы не привлекаете их за спекуляцию? Разве вы не знаете, что существует закон против спекуляции — 107 статья Уголовного Кодекса РСФСР...? Почему вы не применяете этот закон против спекулянтов по хлебу?».

Чрезвычайные меры, принятые по указанию товарища Сталина, возымели свое действие. К концу 1928 года, — читаем мы по этому поводу в Кратком курсе истории ВКП(б), — Советское государство имело уже в своем распоряжении достаточный

резерв хлеба, а колхозное движение пошло вперед более уверенным шагом.

Подходя именно с таких позиций к решению каждого дела, давая ему правильную политическую оценку, Елизарьев в состоянии разобраться в сложнейших и запутанных делах, полных противоречивых фактов.

Так в деле об убийстве двадцатипятилетнего Миронова, суд за спиной исполнителя преступления батрака Шиянова увидел оставшуюся в тени зловещую фигуру организатора заговора кулака Сотникова. Суд квалифицировал действия Сотникова как террористический акт.

Так, в «невинном» деле о взыскании недоставших сумм у кассира Госбанка суд усмотрел искусно замаскированное хищение, совершившееся другими лицами.

Эта черта высокой партийности, подчеркнутая в Елизарьеве старшими товарищами еще на первых порах его деятельности в суде, помогает ему видеть государственный интерес в каждом деле.

От острого и пронизательного взгляда судьи не утаится такая, казалось бы не относящаяся к делу, деталь при решении иска о восстановлении на работе, как невыполнение плана на заводе по ассортименту.

Непримиримый к врагам народа, к расхитителям общественного добра, к грабителям и хулиганам, Елизарьев стремится, чтобы меры наказания, применяемые судом, воспитывали осужденных.

За напускной личиной лихого налетчика судья увидел недюжинные способности труженика, не нашедшего себе места в обществе, человека с сильным характером, случайно ставшего на преступный путь Еруслана Пятибратова. Несмотря на совершенную Пятибратовым кражу, суд нашел возможным определить ему меру наказания условную.

И когда спустя пять лет Елизарьев на глухой сибирской станции случайно увидел «своего» Пятибратова в роли паровозного машиниста, когда убедился в том, на что надеялся при вынесении приговора, Пятибратов-труженик победит Пятибратова-вора, — что могло сравниться с чувством высокого нравственного удовлетворения, которое испытал в это время судья!

Помимо чисто познавательного значения очерка В. Шалагинова, рассказывающего широким кругам читателей о трудной, но благородной и почетной работе судьи, его очерк имеет специальный, профессиональный интерес. В. Шалагинов в художественной форме рассказывает о передовом опыте передовых судей. Достаточно напомнить, как народный судья Старовойтов добился резкого снижения числа жалоб на неуплату алиментов: «Старовойтов подобрал необходимые цифры и факты и направился в райком партии. Он пришел с предложениями. И на другой день была начата широкая проверка отделов бухгалтерии, охватившая 16 предприятий. Виновные в волоките

при выдаче матерям алиментных сумм были наказаны, задолженность по алиментам погашена, а число жалоб в суде уменьшилось... на девяносто восемь процентов».

Елизарьев придает огромное значение работе с народными заседателями. Заседатель — активный член коллегиального органа, каким является суд. С этой целью народные заседатели вызываются заблаговременно до слушания дела для того, чтобы иметь возможность с ним ознакомиться. Выбор заседателя — кто конкретно будет рассматривать дело — зависит не от усмотрения секретаря. «Дела у нас разные, — говорит Елизарьев. — И неплохо бы сегодня быть врачом, завтра — инженером, послезавтра — авиатором... Но для судьи это невозможно. Зато это возможно для суда в целом, для коллегии. Надо лишь вызывать заседателей с учетом характера дел...». Поэтому по делу об аварии на железнодорожном транспорте в составе суда у Елизарьева — машинист, по делу о преступлении несовершеннолетнего — педагог; при решении иска о передаче ребенка на воспитание матери приглашаются народные заседатели — женщины.

В очерке В. Шалагинова есть и недостатки.

Автор ничего не рассказывает о такой важной категории дел в практике судьи, как дела по указам Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. Вместо этого описываются дела о хищениях двадцатилетней давности.

Автор настойчиво проводит ту мысль, что не должно быть неясности после подготовки дела к слушанию. Это якобы становится правилом судьи. Но подобный вывод ошибочен прежде всего потому, что им автор принижает значение судебного заседания. Именно в судебном заседании критически проверяются все материалы предварительного следствия. Встречающиеся порой в следственном деле противоречия разрешаются в судебном заседании. Примеры судебных процессов самого Елизарьева противоречат выводу автора. Кроме того, «полная ясность» после подготовки дела к слушанию иногда создает у судьи предвзятую версию. Судья находится в плену этого предубеждения, судебное следствие может вестись односторонне, в направлении доказывания заранее созданной версии¹.

Пытаясь понятно рассказать об отличии уголовных дел от гражданских, автор делает это очень примитивно: «Отвечающий по уголовному делу именуется подсудимым, он может быть наказан, по гражданскому — это ответчик. Суд может обязать его вернуть вещь, уплачивать алименты и т. п., но уголовная санкция ему не гро-

зит...», но относите преврати это, раз не относ правил той пози уголовн

В глаз ресный 1 га, об е ром под: по всем в совер лагаютс «...Подсу ему на лант, св после эт это и асем? Я возбужд ные ход просы-л мя, заке

Читате кredo с воспитан которого в ответ тор Мих али вы века...». взгляду правила

Автор мые тру которых пределы ния в Это нет не име УК РСс вается в испра Эти впечатл торый с дебные только своих о

Кр

Ревиз

В. С. ской по ций. Вы Этот автора, лекций, истории Первые две гла

¹ См. об этом в статье И. Перлова о положительном опыте одного из судей Ленинградской области т. Нажимова («Социалистическая законность», 1951 г., № 10, стр. 15).

нит..., по различие между этими делами относительное. И гражданское дело может превратиться в уголовное...» Несмотря на это, различие между этими делами далеко не относительное. Кроме того, вовсе неправилен взгляд на гражданские дела с той позиции, что одно из них «доросло» до уголовного дела, а другое нет.

В главе «Два адвоката» затронут интересный и важный вопрос об этике адвоката, об его позиции по такому делу, в котором подзащитный отрицает свою вину, хотя по всем объективным данным он виновен в совершении преступления. Подробно излагаются откровения старого адвоката: «...Подсудимый выбрал меня. Я продал ему на время судебного процесса свой талант, свою эрудицию... Смогу ли я сказать после этого, что он преступник, хотя бы это и была святая правда, доступная всем? Я поддерживаю его неприятие... буду возбуждать перед судом пустые и бесцельные ходатайства, ставить свидетелям вопросы-ловушки, а когда подойдет время, закачу эффектистскую речь...».

Читатель ждет, что же ответит на такое кредо старого адвоката молодой адвокат, воспитанный в советских условиях, мнение которого разделяет автор. Мы слышим в ответ лишь малоубедительное: «Нас, Виктор Михайлович, учили иному. То, что сказали вы, противно совести советского человека...». Таким образом, неправильному взгляду не противопоставлено развернутое правильное положение.

Автор пишет: «Иногда говорят, что самые трудные судебные дела те, в решении которых закон предоставляет суду широкие пределы: «от года до десяти лет заключения в исправительно-трудовых лагерях». Это неточно. Ни один закон такой санкции не имеет, потому что, согласно ст. 28 УК РСФСР, наказание до трех лет отбывается в общих местах заключения, а не в исправительно-трудовых лагерях.

Эти недостатки не умаляют хорошего впечатления от очерка В. Шалагинова, который с пользой для себя прочтут все судебные работники, в особенности молодые, только еще приступающие к выполнению своих обязанностей.

Народный судья 5-го участка
Красногвардейского района г. Москвы

В. Живейнов

Ревизор управления МЮ РСФСР по
Москве

В. Лифшиц

В. С. Покровский. История русской политической мысли. Конспект лекций. Выпуск первый, Госюриздат 1951 г.

Этот выпуск есть часть большой работы автора, которая является конспектом его лекций, читанных в Москве и Киеве по истории политических учений.

Первый выпуск этой работы охватывает две главы; первая содержит характеристи-

ку политических учений древней Руси в эпоху раннего феодализма, вторая — характеристику политической мысли России в период образования и утверждения русского централизованного и многонационального государства.

Обращаясь к оценке работы, начну с указаний на ее достоинства.

1) Надо отметить несомненную актуальность темы. Автор принадлежит к числу весьма немногих специалистов по истории политических учений. Несмотря на то, что уже давно делаются попытки написать работу по истории политических учений, в том числе по истории политических учений в России, они были неудачны.

В свое время Институт права Академии наук СССР подготовил учебник политических учений, макет которого был обсужден широкой научной общественностью и признан совершенно неудовлетворительным.

Нетрудно понять, что в условиях полного отсутствия учебников по истории политических учений книга т. Покровского является единственным пособием для студентов.

2) Рецензируемая книга является первой попыткой дать обзор истории политических учений на основе марксистско-ленинской методологии, на основе марксистско-ленинского учения о государстве и праве. Книга начинается с указания на исключительное значение гениального труда товарища Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» для решения вопросов, относящихся к истории политической мысли.

3) Естественно, что данная работа, впервые написанная на основе марксистско-ленинской методологии, имеет ряд достоинств, хотя она и является только конспектом лекций автора.

Политические учения даны автором не в плане простого хронологического перечня; они находятся в тесной связи с развитием производительных сил и с изменением производственных отношений, а также с изменением политического строя, политических форм русского феодального государства. Читатель данной книги должен понять, почему та или иная политическая мысль возникает и вообще должна возникнуть в данную эпоху.

4) Книга проникнута высоким патриотизмом: автор посвятил много внимания развитию политической мысли в те моменты истории русского государства, когда пришлось напрягать все силы для борьбы с иноземными захватчиками.

Политическим учениям, возникшим в период борьбы русского народа с этими захватчиками, посвящены следующие разделы: «Слово о полку Игореве», «Отражение борьбы русского народа против монгольского ига в политической литературе XIII—XV веков», «Вопрос о внешней независимости русского государства и политической литературы XV—XVI вв.», «Полити-

ческая идеология времени шведско-политической интервенции».

Но много внимания проблеме борьбы за независимость русского государства посвящено автором при изучении и других разделов.

5) Большое достоинство книги и в том, что в ней дан весьма интересный раздел о политической идеологии восставших крестьян времени крестьянских войн XVII века. Это является, несомненно, интересной новостью в обзор по истории политической мысли.

6) Надо приветствовать, что автор, исходя из общепринятых советскими историками права взглядов о существовании особой политической формы феодального государства — сословно-представительной монархии, впервые в общем обзоре, посвященном истории политической мысли, говорит об учениях, которые пропагандировали желательность установления сословно-представительной монархии.

Необходимо, однако, отметить и ряд более или менее серьезных недостатков рецензируемой книги.

Прежде всего о недостатках в построении книги. История политической мысли, как нам кажется, тесно связана с историей политических форм, которая в свою очередь определяется историей производительных сил и производственных отношений. Как известно, в советской исторической науке прошли две дискуссии по истории русского государства. Одна дискуссия прошла в Академии общественных наук, а другая была организована журналом «Вопросы истории». Хотя эти дискуссии не решили многих, наиболее трудных вопросов периодизации истории русского государства, тем не менее история русского государства и права и история политической мысли извлекает для себя из этих дискуссий ряд бесспорных положений. Большинство выступавших авторов настаивало на большей степени общественно-экономического развития Руси с IX в., чем это признавалось прежде. Не только начало возникновения феодализма, но и начало возникновения централизованного государства относилось к более раннему сроку. Все участники дискуссии говорили и об особом периоде — периоде феодальной раздробленности.

Можно по-разному оценивать результаты дискуссии, но, как мне кажется, советский историк русского государства должен отметить пять следующих моментов в том хронологическом его отрезке, который был предметом внимания автора:

1) Формирование феодальных отношений, когда в русском государстве шла борьба укладов: первобытно-общинного, рабовладельческого и феодального.

2) Становление русского феодального государства, когда феодальный уклад делается господствующим и государство превращается в первую форму феодального государства — в раннюю феодальную монархию.

3) Превращение русского государства в феодально-раздробленное государство.

4) Возникновение и развитие русского централизованного государства.

5) Превращение русского государства во многонациональное.

Если бы В. С. Покровский дал обзор отдельных политических учений, исходя из этих основных моментов истории русского государства, их появление и значение несравненно лучше были бы выявлены.

Принятая В. С. Покровским периодизация — деление истории русского государства на эпоху раннего феодализма и на период образования и утверждения русского централизованного и многонационального государства слишком схематична.

Автор выявил бы содержание и значение политических учений, если бы отметил в главе первой эти моменты в развитии феодального государства и разделил бы главу вторую, которая касается истории политической мысли и в период образования централизованного государства и в период образования многонационального государства, на две главы, начав первую главу с момента объединения русского государства вокруг Москвы в XIV в.

Несколько частных замечаний по поводу отдельных глав.

Нам кажется весьма спорным положение автора о том, что происхождение русского летописания следует связывать с первыми попытками русских монахов-летописцев опровергнуть византийскую точку зрения на Русь и утвердить права Руси на политическую культурную и церковную самостоятельность. Нам кажется, автор отдаст в этом случае слишком большую дань мало обоснованным теориям Приселкова и Лихачева. Само собой разумеется, церковники принимали участие в писании летописей и в составлении летописных сводов, но они должны были отражать в той или иной степени в своих произведениях и интересы светской феодальной верхушки и феодальной власти.

Древнейший дошедший до нас летописный свод, который принадлежит Сильвестру, игумену Вадубицкого монастыря «Се повести временных лет» состоит из ряда пластов, в которых выражаются разные политические тенденции. Иные задачи преследовала и сама «Повесть временных лет», написанная под воздействием Владимира Мономаха, стремившегося приостановить распад Киевской Руси.

Словом, нельзя огульно подходить к оценке политических взглядов и тенденций летописных сводов или отдельных источников «Повести временных лет». Эти тенденции могли быть различными и отнюдь не тождественны с «Повестью временных лет». Касаясь политических взглядов русских летописей XI—XIII вв., автору следовало бы специально выделить эту «Повесть», поскольку она входила, как первая часть, в позднейшие летописи.

С другой стороны, летописание разви-

вается. И
рые прес
свои обл
мер, уче
лицко-во
летопись

Уже д
науке б
текста л
тех поли
вали авт
рику по
более ш

Мы с
вильным
обзора
риона
Само сс
пример,
«Повести
взгляды
XII в., I

Если
теру на
ней мно
были дс
изучени
ления д
ственног
ярко д
борьбу
обществ
денция,
в стрем
дальних
ражаем
подвиги
Много
ций мо
стях ки

Как
слишко
нила :
его пр
кабалы,
дально
даже
холопов
правиль
гие исс
тех «ми
затем
дидись
низуюш
дальски
Заточни
ским т
дачей
ленност
ского
так мн
князь
способ
Заточни
феодал
ского
Заточни
выража
влиятел

вается. Возникают областные своды, которые преследуют свои интересы и отражают свои областные чаяния. Достаточно например, учесть серьезные отличия между Галицко-волынской летописью (Ипатьевской летописью), Новгородской и Суздальской.

Уже давно отмечено, что в исторической науке было много сделано по анализу текста летописей, но очень мало по синтезу тех политических задач, которые преследовали авторы той или иной летописи. Историкам политических мыслей следовало бы более широко подойти к этому делу.

Мы считаем поэтому совершенно неправильным объединение в одном параграфе обзора произведений митрополита Иллариона и киевских летописных сводов. Само собой разумеется, сопоставлять, например, «Слово» митрополита Иллариона и «Повесть временных лет», отражающей взгляды киевской феодальной верхушки XII в., нет никакого основания.

Если бы автор иначе подошел к характеру начальной летописи, он нашел бы в ней много интересных мыслей, которые не были до сих пор предметом специального изучения. Достаточно, например, сопоставления деятельности кн. Ольги и ее воинственного сына Святослава, которая так ярко дается в летописи, чтобы выявить борьбу двух разных тенденций в верхушке общества второй половины X в. Одна тенденция, выражаемая Ольгой, заключается в стремлении ускорить установление феодальных отношений, другая тенденция, выражаемая Святославом, — это воинские подвиги и захват богатой военной добычи. Много определенных политических тенденций можно установить и в позднейших частях киевских летописных сводов.

Как нам кажется, В. С. Покровский слишком узко подходит к «Молению» Даниила Заточника. Он объясняет протест его против боярства тяжестью боярской кабалы, относя Заточника к числу феодально-зависимых людей и не исключая даже возможности происхождения его из холопов. Но Даниил Заточник, как это правильно, на наш взгляд, утверждали многие исследователи, являлся представителем тех «мизинных» людей ростово-суздальской, затем владимирской земли, которые находились под воздействием княжеской организующей силы и боролись с ростово-суздальским боярством. «Моление» Даниила Заточника надо отнести к тем политическим трактатам, которые имеют своей задачей приостановить феодальную раздробленность и стать на путь объединения русского государства. Иначе зачем бы надо так много говорить Заточнику о том, что князь представляется единственной силой, способной водворить порядок. Несомненно, Заточник был идеологом средних и мелких феодалов, боровшихся за объединение русского государства. Произведения Даниила Заточника потому и дошли до нас, что они выражали интересы впоследствии весьма влиятельных политических групп, именно

поместного дворянства. Этим, по сути дела, прогрессивным для того времени тенденциям произведения Даниила Заточника и обязаны своим успехом и своим сохранением в памяти потомства.

Нельзя согласиться с автором и в решении вопроса об образовании русского централизованного государства. Как известно, вопрос этот был предметом оживленной дискуссии советских историков. Боролись два взгляда. По одному взгляду, главными выразителями которого были С. В. Бахрушин и К. В. Базилиевич, образование централизованного государства надо отнести на 80-ые годы XV в. Но поскольку многочисленные данные говорят о начале этого процесса уже в первой четверти XV в., то одна часть исследователей (например, К. В. Базилиевич) это время называет не периодом образования централизованного государства, а периодом феодальной концентрации, причем главное различие между данными периодами эти историки видели в том, что феодальная концентрация проводится во всех княжествах (напр., в Твери, в Рязани), тогда как носителем централизации является Московское княжество.

Представителям этих взглядов справедливо указывают, что и централизация русского государства и так называемая феодальная концентрация обусловлена одинаковыми экономическими причинами (дальнейшее отделение ремесла и торговли, рост внутреннего рынка, выдвигание на политическую арену элементов, заинтересованных в объединении русского государства, поместное дворянство и городское население и пр.). Им указывают на схоластичность термина «феодальная концентрация».

Но некоторые защитники того взгляда, что образование централизованного государства надо относить к последней четверти XV в., все же начало этого образования вынуждены относить к началу XIV в., причем называют этот процесс не началом образования централизованного государства, а применяют всякие описательные термины, например, «Начало объединения Северо-восточной Руси» (см. напр. «История СССР», учебник для исторических вузов, 2-е изд. ОГИЗ, 1947 г., стр. 190). Но эти исследователи не могут точно установить, чем же отличается процесс объединения от процесса образования централизованного государства.

Образование централизованного государства является настолько крупным историческим явлением, что его надо изучать не только тогда, когда оно окончательно определилось, но и тогда, когда наблюдается и его начало, равно как и его завершение. Надо, следовательно, подходить к этому вопросу диалектически. Началом этого процесса и надо считать превращение Москвы в столицу русского государства (нач. XIV в.). Основными моментами процесса образования централизованного государ-

ства надо считать и опричнину Грозного; окончание же этого процесса надо относить к моменту возникновения всероссийского рынка, который образовался, как указывает В. И. Ленин, в XVII в.

Редакция «Вопросов истории» была вынуждена учесть возражения, которые сделаны во время дискуссии защитникам взгляда об образовании централизованного государства в конце XV в., и в своей итоговой статье заметила, что общим (для участников дискуссии.—С. Ю.) было стремление пересмотреть существующие взгляды на социально-экономическое развитие Руси в XIV—XVII вв., уровень которого историками явно принижался.

В. С. Покровский, решая вопрос о периоде образования русского централизованного государства, не мог освободиться от ряда противоречий. Он отмечает, что при Иване III (1462—1505 гг.) в результате присоединения Новгорода, Твери, Северной земли «впервые сложилась территория русского централизованного государства. Следовательно, читатель должен сделать вывод, что при Иване III и начался процесс возникновения русского централизованного государства (стр. 50). Но несколько ранее он указывает, что процесс образования централизованного государства на Востоке Европы совпал по времени с появлением централизованного государства на Западе (стр. 47). На Западе же начало этого процесса нельзя относить к середине XV в. Так начало образования французского централизованного государства надо отнести, если не к царствованию Людовика IX, то во всяком случае к царствованию Филиппа IV (1285—1314 гг.).

В. С. Покровскому надо дать совет безоговорочно присоединиться к тем исто-

рикам, которые начало процесса возникновения централизованного государства без всяких колебаний относят к началу XIV в.

Надо учитывать указания И. В. Сталина об ускорении процесса образования централизованного государства в России необходимостью борьбы с внешними врагами.

К числу недостатков рецензируемой работы надо отнести и то, что автор не дал характеристики, хотя бы краткой, одному из довольно важных политических учений реакционного боярства, которое было развито в политическом трактате «Беседа Валаамских чудотворцев», относящемся к первой половине XVI в.

Не можем мы полностью согласиться и с характеристикой В. С. Покровским политических взглядов Крижанича. Он его характеризует как сторонника неограниченной абсолютной монархии. Но для того, чтобы так категорически причислить Крижанича к сторонникам абсолютизма, В. С. Покровскому надо было дать отчет о том, что Крижанич был сторонником и созыва сейма, который, несомненно, должен быть сочтен равнозначностью сословно-представительного органа. В. С. Покровскому надо было доказать, что сейм, по Крижаничу, не должен был играть особой роли в системе русских государственных органов.

Таковы основные недостатки работы В. С. Покровского, снижающие ее достоинства. Можно надеяться, что автор учтет их в дальнейшей своей работе по созданию курса истории русских политических учений.

Заслуженный деятель науки, проф.
С. Юшков

ИЗ
ПО

1.

В случ
вознагр
стоявши
имеющи

Коное
вическо
ментсб
ного ги
шел не
лась н
вигде н
ной. По
чена пе
пенсия
шейся
нова пр
нитель
дело,
жинско
постанс
ау исти
ограни
и разм
ский го
вил это
Предсе
указани
ны, и
трение.
Посл
9 участ
которое
вил в
отказал
на инв
трудос
потому
нитель
РСФСР

По
СССР
вора С
делам
опреде
что не
пронзо
ской; 1
в течен
ностью
таком
ние, ч
возмо
да, пр
в силу
нитель
что и
имеет

ИЗ ПРАКТИКИ ПРОКУРАТУРЫ СССР ПО НАДЗОРУ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОННОСТИ

1. ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

В случае причинения смерти право на вознаграждение принадлежит лицам, состоявшим на иждивении умершего и не имеющим иных средств к существованию.

Конова предъявила иск к электромеханической мастерской конторы «Медиструментсбыт» о возмещении вреда, причиненного гибелью ее мужа, с которым произошел несчастный случай. Конова находилась на иждивении мужа с 1921 года, нигде не работала, являясь нетрудоспособной. После смерти мужа ей была назначена пенсия в 172 руб. в месяц. Так как пенсия не возмещает полностью приходившейся на нее доли заработка мужа, Конова просила взыскать с ответчика дополнительное вознаграждение. Рассмотрев это дело, народный суд 8-го участка Дзержинского района Москвы 21 августа 1950 г. постановил взыскивать с ответчика в пользу истицы ежемесячно по 251 руб., утратившую ограниченную трудоспособность Коновой и размер пенсии, получаемой ею. Московский городской суд 8 сентября 1950 г. оставил это решение суда в силе. По протесту Председателя Верховного суда РСФСР указанное решение и определение отменены, и дело передано на новое рассмотрение.

Последующим решением народный суд 9 участка Дзержинского района г. Москвы, которое Московский городской суд оставил в силе, в удовлетворении иска Коновой отказал по тем мотивам, что она признана инвалидом третьей группы, т. е. имеет трудоспособность хотя и пониженную, а потому не может претендовать на дополнительное возмещение по ст. 409 ГК РСФСР.

По протесту Генерального Прокурора СССР дело рассмотрено в порядке надзора Судебной коллегией по гражданским делам Верховного суда СССР. В своем определении Судебная коллегия указала, что несчастный случай с мужем истицы произошел по вине администрации мастерской; вне спора является и то, что истица в течение многих лет до смерти мужа полностью находилась на его иждивении. При таком положении и принимая во внимание, что получаемая истицей пенсия не возмещает полностью имущественного вреда, причиненного ей смертью мужа, она, в силу ст. 409 ГК, имеет право на дополнительное возмещение. То обстоятельство, что истица как инвалид третьей группы имеет трудоспособность, хотя и ограничен-

ную, основанием для отказа в удовлетворении иска служить не может, а могло быть лишь учтено при определении размера дополнительного возмещения, что правильно сделано народным судом в решении от 21 августа 1950 г.

Соглашаясь с протестом, Судебная коллегия оставила в силе решение народного суда 8-го участка Дзержинского района Москвы от 21 августа 1950 г. и определение Московского городского суда от 8 сентября 1950 г., отменив все последующие решения и определения.

Если жилая площадь в доме ведомства предоставлена лицу правомерно, то выселение с этой жилой площади может быть произведено лишь в порядке ст. 32 постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г.

В 1942 г. Ласка в бараке, принадлежащем деревообделочному комбинату ВЦСПС, предоставлена жилая площадь, причем ко времени вселения на эту площадь Ласка работала заведующей яслями, обслуживающими детей рабочих комбината. В 1950 г. деревообделочный комбинат предъявил в суде иск о выселении Ласка, ссылаясь на то, что она в трудовых отношениях с комбинатом не состояла и не состоит, а потому право на занимаемую площадь не имеет. Народный суд 3-го участка Пушкинского района Московской области решением от 4 октября 1950 г. иск деревообделочного комбината удовлетворил. Считая это решение неправильным, Прокурор РСФСР принес в судебную коллегия по гражданским делам Верховного суда РСФСР протест, однако, последний был отклонен.

По протесту Генерального Прокурора СССР в порядке надзора дело рассмотрено Судебной коллегией по гражданским делам Верховного суда СССР. Соглашаясь с протестом, Судебная коллегия указала, что, вынося решение о выселении ответчицы Ласка, народный суд не мотивировал своего решения и не указал закона, который подтверждал бы отсутствие у ответчицы права на занимаемую ею жилую площадь. Ответчице Ласка спорная площадь была предоставлена в 1942 году не в связи с трудовыми отношениями с истцом, ввиду чего она, если и может быть выселена, то только по основаниям, предусмотренным ст. 171 ГК РСФСР или же по ст. 32 постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г., т. е. при условии обос-

печения ее иной жилой площадью. В данном случае поздов к расторжению договора жилищного найма по ст. 171 ГК РСФСР не усматривается. Не подтверждает правильность решения суда и указание в определении Верховного суда РСФСР на ст. 23 закона от 17 октября 1937 г., так как на протяжении восьми лет вопроса о неправомерности предоставления ответчице жилой площади в доме истца никто не возбуждал; к тому же доказательства, устанавливающие, что спорную площадь ответчица получила незаконно, по делу вообще не добыто.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР отменила решение народного суда 3-го участка Пушкинского района Московской области и определение Верховного суда РСФСР от 18 апреля 1951 г. и отказала в иске деревообделочному комбинату ВЦСПС о выселении Ласка без предоставлений иной годной для проживания площади.

Лица, фактически не проживающие на жилой площади более шести месяцев, утрачивают право на жилую площадь

Анцелович занимал в доме местного Совета комнату размером 10 кв. м, причем эту площадь он получил в порядке обмена, включив в обменный ордер и своего малолетнего сына Олега, 1942 г. рождения, который фактически проживал с матерью Колесниченко на принадлежащей ей площади. В январе 1950 г. Анцелович умер. Жилищный отдел Фрунзенского района Москвы обратился в суд с иском о передаче в его распоряжение освободившейся за смертью основного съемщика комнаты. Колесниченко, не признавая иска, предъявила встречный иск о закреплении этой комнаты за ее малолетним сыном Олегом, указывая, что он проживал на этой площади со своим ныне умершим отцом. Народный суд 8-го участка Фрунзенского района Москвы удовлетворил иск жилищного отдела, а во встречном иске Колесниченко отказал. Московский городской суд отменил это решение и передал дело на новое рассмотрение. При новом рассмотрении народный суд 9 участка Фрунзенского района также удовлетворил иск жилищного отдела, и это решение было оставлено в силе Московским городским судом. По протесту Председателя Верховного суда РСФСР, последний отменил все решения и определения, которыми был удовлетворен иск жилищного отдела, и в иске жилищному отделу о лишении Анцеловича, О., права на жилую площадь отказал.

Считая определение Верховного суда РСФСР неправильным, Генеральный Прокурор СССР опротестовал его в Судебную коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР.

Соглашаясь с протестом, Судебная коллегия указала, что, как видно из дела, малолетний сын Колесниченко, хотя и зна-

чился прописанным со своим отцом на спорной площади, однако, фактически проживал и проживает с матерью, имеющей самостоятельную жилую площадь. Кроме того, если даже и согласиться с доводами Верховного суда РСФСР, что Анцелович, О., имел право на спорную площадь, то следует признать, что он это право, в силу ст. 34 постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г., утратил, так как доказано по делу, что после смерти основного съемщика спорной площади она в течение полутора лет была свободна и Колесниченко, являясь естественным опекуном своего малолетнего сына, стала претендовать на указанную площадь лишь после предъявления жилищным отделом иска.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР отменила определение Верховного суда РСФСР и оставила в силе решение народного суда 9 участка Фрунзенского района, которым удовлетворен иск жилищного отдела об изъятии комнаты.

Неправильное прекращение гражданского дела

Прокурор Пенджикентского района Ленинабадской области Таджикской ССР в порядке ст. 2 ГПК обратился в народный суд с иском о возмещении школой в пользу Строева ущерба в связи с причинением вреда, происшедшего во время аварии с автомашиной, принадлежащей ответчику. Дело это рассматривалось неоднократно. 1 ноября 1951 г. Ленинабадской областной суд вынес определение, согласно которому дело прекращено за неявкой истца Строева в судебное заседание.

Считая это определение неправильным, Генеральный Прокурор СССР опротестовал его в Верховный суд СССР. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР, соглашаясь с протестом, указала, что, прекращая дело, Ленинабадский областной суд в своем определении сослался на то, что Строев злостно не является в суд, несмотря на неоднократные вызовы. Эти доводы являются необоснованными. Из материала дела видно, что Строев, являясь инвалидом первой группы, по состоянию своего здоровья был лишен возможности выехать из Самарканда в Ленинабад для личного участия в судебном заседании и поэтому он неоднократно обращался с ходатайством о передаче дела в суд по месту его жительства, где к тому же проживают и свидетели. Вместо того чтобы обсудить это ходатайство Строева, областной суд, не направляя Строеву даже повестки о явке в судебное заседание, 1 сентября 1951 г. вынес определение о прекращении дела.

Принимая во внимание изложенное, а также учитывая обоснованность ходатайства Строева о передаче дела на рассмотрение в Самаркандский областной суд, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного

суда СССР Ленинабадского областного суда и пе Самарканд инстанций.

Неправиль

Кашеев отцом, ма Москве, з две изоли Кашеев, е ствам вое ны, а бр армию и, вести. В щадь по нов была рый до э пригодной щеев вме в Москву мачеха К вым об с мых им настоящег съемщицо щеев прои со своей выехал в в школу по оконча вернулся щадн сво он обрат Коробова

Дело но, и по 9 участк удовлетв Коробова доставить жильца. вил в см Прокурор смотрено ским де однако, РСФСР

Считая неправил СССР пр гию по суда СССР щаясь с Кашеев 1942 год занимав щадн вл году. Пр дело в 1 правильн в иске, ского су. ния для тельство, ции был иметь с

суда СССР отменила определение Ленинградского областного суда о прекращении дела и передала его на рассмотрение в Самаркандский областной суд по первой инстанции.

Неправильное решение жилищного дела

Кашеев до 1941 года вместе со своим отцом, мачехой и братом проживал в Москве, занимая в доме местного совета две изолированные комнаты. В 1941 г. Кашеев, его отец и мачеха по обстоятельствам военного времени были эвакуированы, а брат Кашеева был мобилизован в армию и, находясь на фронте, пропал без вести. В конце 1941 года указанная площадь по распоряжению жилищных органов была заселена семьей Коробова, который до этого проживал в квартире, непригодной для жилья. В 1942 году Кашеев вместе со своей мачехой вернулся в Москву и поселился у своего дяди, а мачеха Кашеева договорилась с Коробовым об освобождении одной из занимаемых им комнат, где она проживает до настоящего времени, являясь основным съемщиком этой комнаты. В 1946 г. Кашеев прописался на проживание совместно со своей мачехой, но в том же 1946 году выехал в г. Ригу и там поступил учиться в школу гражданского воздушного флота, по окончании которой в 1949 году, вновь вернулся в Москву и поселился на площади своей мачехи. В феврале 1950 года он обратился в суд с иском о выселении Коробова из второй комнаты.

Дело это рассматривалось неоднократно, и последним решением народный суд 9 участка Советского района Москвы удовлетворил иск Кашеева о выселении Коробова и обязал жилищный отдел предоставить ответчику другое помещение для жилья. Московский городской суд оставил в силе это решение суда. По протесту Прокурора РСФСР дело это было рассмотрено судебной коллегией по гражданским делам Верховного суда РСФСР, однако, протест прокурора Верховный суд РСФСР отклонил.

Считая удовлетворение иска Кашеева неправильным, Генеральный Прокурор СССР принес протест в Судебную коллегию по гражданским делам Верховного суда СССР. Судебная коллегия, соглашаясь с протестом, указала, что истец Кашеев реэвакуировался в Москву еще в 1942 году, тогда как иск о возвращении занимавшейся до эвакуации жилой площади впервые предъявлен лишь в 1950 году. При таком положении, рассмотрев дело в первый раз, народный суд вынес правильное решение об отказе Кашееву в иске, и поэтому у Московского городского суда не было достаточного основания для отмены этого решения. То обстоятельство, что Кашеев к моменту реэвакуации был несовершеннолетним, не может иметь существенного значения по делу,

так как истец имел законных представителей, которые и должны были своевременно позаботиться об ограждении прав и интересов несовершеннолетнего. Кроме того, Кашеев достиг совершеннолетия в 1947 году, тогда как иск был предъявлен лишь в 1950 году, т. е. со значительным пропуском срока, предусмотренного ст. 34 закона от 17 октября 1937 г.

Таким образом, поскольку истец до 1950 года, будучи с 1947 года совершеннолетним, не претендовал на жилую площадь, занятую ответчиком Коробовым, следует признать, что он утратил право на эту площадь.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР оставила в силе решение народного суда, которым в иске Кашееву о выселении Коробова отказано, отменив все последующие решения и определения.

II. ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Утрата спецодежды не содержит состава преступления

По приговору линейного суда Рязано-Уральской ж. д. от 16 декабря 1950 г. осужден Муравьев по ст. 1 указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и по ст. ст. 59—3 «в», ч. 1, и по 74, ч. 1, УК РСФСР по совокупности к семи годам лишения свободы. Муравьев признан виновным в том, что он, работая кочегаром паровозного депо ст. Уральск, 3 ноября 1950 г. продал часть полученной в депо спецодежды — ватные брюки и валенки с галошами, а вырученные от их продажи деньги обратил на питание и выпивку. Кроме того, Муравьев признан виновным в нарушении трудовой дисциплины и хулиганстве.

Генеральный Прокурор СССР, считая осуждение Муравьева по указу от 4 июня 1947 г. неправильным, принес протест, в котором просил исключить из приговора обвинение Муравьева в хищении спецодежды, так как действия Муравьева, выразившиеся в продаже спецодежды, не содержат признаков преступления, поскольку последняя была выдана Муравьеву в личное пользование. Кроме того, Генеральный прокурор СССР просил о снижении наказания Муравьеву по ст. 59—3 «в», ч. 1, УК РСФСР, по которой он был осужден к двум годам лишения свободы.

Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР, соглашаясь с протестом, в своем определении от 5 сентября 1951 г. № 05-3326 указала: «Ознакомившись с материалами дела, Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР находит, что протест прокурора подлежит удовлетворению, а приговор линейного суда и определение окружного суда изменению по следующим основаниям: действия Муравьева

в части продажи спецодежды не содержат в себе признаков преступления, так как в данном случае спецодежда была выдана Муравьеву в его личное пользование, в связи с чем во всех случаях ее утраты он должен нести за нее ответственность не в уголовном, а в гражданском порядке. Вина Муравьева в нарушении трудовой дисциплины доказана, и действия его правильно квалифицированы по ст. 59—3, «в», ч. 1, УК РСФСР. Как видно из показаний свидетеля Яковлева (л. д. 17 и 53), Муравьев, следуя 5 мая 1950 г. в качестве действующего кочегара на паровозе № 2549 со ст. Уральск до ст. Озинки, в пути следования на ст. Семглавый мар самовольно ушел с паровоза и отсутствовал в течение шести-семи часов, в результате чего паровоз следовал до ст. Озинки без кочегара, а отсутствие последнего, как отмечает суд в приговоре, могло привести к нарушению графика движения поезда, вследствие снижения качества отопления паровоза. Однако, ввиду возраста и личности Муравьева, применение к нему наказания в виде длительного содержания под стражей не вызывается необходимостью.

Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР определила: приговор линейного суда Рязано-Уральской ж. д. от 16 декабря 1950 г. и определение окружного суда железнодорожного транспорта Приволжского округа от 16 января 1951 г. в части обвинения Муравьева по ст. 1 указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» отменить и дело о нем в этой части в силу ст. 4 п. 5 УПК РСФСР прекратить. Избранную Муравьеву меру наказания по ст. 59—3 «в», ч. 1, УК РСФСР снизить до одного года лишения свободы и по совокупности совершенных им преступлений, предусмотренных ст. 59—3 «в», ч. 1, и ст. 74, ч. 1, УК РСФСР, определить ему наказание в виде лишения свободы сроком на один год с зачетом времени содержания его под стражей с 4 ноября 1950 г.

Получение работниками железнодорожного транспорта вознаграждения за работу, выполняемую ими по совместительству в советских и хозяйственных организациях, рассматривается как взяточничество

Линейный суд Латвийской ж. д. определением подготовительного заседания от 2 июня 1951 г. прекратил дело по обвинению Смалкайс, обвинявшегося по ст. 109 и ст. 117, ч. 1, УК РСФСР. По обвинительному заключению Смалкайс вменялось в вину, что он, работая дежурным по ст. Даудзева Латвийской ж. д., по договору с Виеситским маслозаводом, заключенному в январе 1951 года, выполнял работы по погрузке и разгрузке вагонов, прибывавших в адрес маслозавода, получая от завода оплату за эту работу, и,

кроме того, давал неправильные сведения в отделение дороги о количестве простоявших вагонов. Линейный суд мотивировал прекращение дела тем, что в действиях Смалкайс отсутствуют признаки совместительства, так как он в штате Виеситского маслозавода не состоял. Окружной суд Северо-Западного округа своим определением от 16 июня 1951 г. частный протест прокурора Латвийской ж. д. отклонил и оставил определение линейного суда в силе.

Генеральный Прокурор СССР, считая определения линейного и окружного судов неправильными, опротестовал их, так как указания линейного суда, что Смалкайс не являлся штатным работником и никакой особой заработной платы за перегрузку вагонов от маслозавода не получал, противоречит фактическим обстоятельствам дела, которыми установлено, что Смалкайс по договору с заводом выполнял за вознаграждение работы по погрузке и разгрузке вагонов, прибывавших в адрес завода.

Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР протест Генерального Прокурора СССР удовлетворила и в своем определении от 15 сентября 1951 г. № 05/4463 указала: «Протест Генерального Прокурора СССР подлежит удовлетворению по следующим основаниям: определение линейного суда Латвийской ж. д. о прекращении дела в отношении Смалкайс и определение окружного суда Северо-Западного округа об отклонении частного протеста прокурора по делу Смалкайс мотивированы тем, что в действиях Смалкайс отсутствуют признаки совместительства, так как он не являлся штатным работником Виеситского маслозавода, а выполнял работу для этого завода в свободное от основной работы время, и что эти действия не образуют состава преступления, предусмотренного ст. 117, ч. 1, УК РСФСР. Эти указания линейного суда Латвийской ж. д. и окружного суда Северо-Западного округа являются неправильными. Выполнение всякой работы в другом учреждении или предприятии, помимо своей основной работы, хотя бы и в неурочное время, рассматривается как совместительство. Работникам железнодорожного транспорта запрещается работать по совместительству в советских и хозяйственных организациях, и такого рода совместительство рассматривается как взяточничество. Поэтому действия Смалкайс органы предварительного следствия правильно квалифицировали по ст. 117, ч. 1, УК РСФСР.

Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР определила: Определение линейного суда Латвийской ж. д. от 2 июня 1951 г. и определение окружного суда Северо-Западного округа от 16 июня 1951 г. по делу Смалкайс отменить, дело Смалкайс направить в линейный суд Латвийской ж. д. на рассмотрение со стадии предания суду.

Неправильно допущено и несоответствие

По приговору ж. д. с УК Украины к одному работ по ме из заработной виновным в колхоза имела 1951 «Опель-бли ской дороги переезд не в результате ходящим э был убит К вове автом

Генеральн вал пригов действия К цированы су СССР (наг новлений о ности движ вестствии с ковного суд № 16/12/у ний, связан жения на ленко долж ст. 56—30 к кроме того суд назначи мягкости н вершенного

Железнодорож суда СССР тября 1951 ральный П котором, сс наказание несоответс преступлени вильно ква Украинской фицировать Украинской говора и н новое расс тельного с

Соглашая лезнодорож СССР опр суда Стали в отношении вить дело составе со ствия по 1 УК Украин

Отмена 1 наказа

По приго ской ж. д. Врядий по

**Неправильная квалификация нарушения,
допущенного работником автотранспорта,
и несоответствие наказания тяжести
совершенного преступления**

По приговору линейного суда Сталинской ж. д. от 21 марта 1951 г. по ст. 96¹ УК Украинской ССР осужден Козленко к одному году исправительно-трудовых работ по месту работы с удержанием 25% из заработной платы. Козленко признан виновным в том, что, работая шофером колхоза имени Жданова и следуя 20 февраля 1951 г. на автомашине системы «Опель-блиц», на 47-м километре Сталинской дороги при въезде на неохраемый переезд не убедился, свободны ли пути, в результате допустил столкновение с проходящим электровозом. При столкновении был убит Коваленко, находившийся в кузове автомашины.

Генеральный Прокурор СССР опротестовал приговор линейного суда, считая, что действия Козленко неправильно квалифицированы судом по ст. 96¹ УК Украинской ССР (нарушение обязательных постановлений об охране порядка и безопасности движения), между тем как в соответствии с постановлением Пленума Верховного суда СССР от 15 сентября 1950 г. № 16/12/у «О квалификации преступлений, связанных с нарушением правил движения на автотранспорте» действия Козленко должны быть квалифицированы по ст. 56—30 «а», ч. 1, УК Украинской ССР; кроме того, в протесте указывалось, что суд назначил наказание Козленко, по своей мягкости не соответствующее тяжести совершенного преступления.

Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР в своем определении от 29 сентября 1951 г. № 05—5006 указала: «Генеральный Прокурор СССР внес протест, в котором, ссылаясь на то, что суд назначил наказание Козленко, по своей мягкости несоответствующее тяжести совершенного преступления, и действия Козленко неправильно квалифицированы по ст. 96¹ УК Украинской ССР, а их следовало квалифицировать по ст. 56—30 «а», ч. 1, УК Украинской ССР, просит об отмене приговора и направлении дела Козленко на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

Соглашаясь с доводами протеста, Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР определила: приговор линейного суда Сталинской ж. д. от 21 марта 1951 г. в отношении Козленко отменить и направить дело о нем в тот же суд в ином составе со стадии предварительного следствия по признакам ст. 56—30 «а», ч. 1, УК Украинской ССР.

**Отмена приговора по несоответствию
наказания тяжести преступления**

По приговору линейного суда Ташкентской ж. д. от 19 августа 1951 г. осужден Врядий по ст. 78—3, ч. 1, УК Узбекской

ССР к одному году исправительно-трудовых работ по месту работы с удержанием 25% из заработной платы. Врядий признан виновным в том, что, работая машинистом депо Самарканд, он 8 июля 1951 г. на ст. Зиадин Ташкентской ж. д. самовольно выехал на паровозе на тракционные пути, превысил скорость движения и, не наблюдая за сигналами, допустил столкновение с углеподъемным краном, в результате которого был убит машинист крана Усиков и причинен материальный ущерб в сумме 10 307 руб.

Генеральный Прокурор СССР опротестовал приговор линейного суда, считая, что наказание, назначенное судом Врядию, по мягкости не соответствует содеянному и что суд не мотивировал применения к Врядию наказания ниже низшего предела, предусмотренного санкцией ст. 78—3, ч. 1, УК Узбекской ССР.

Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР протест удовлетворила и в своем определении от 29 сентября 1951 г. № 05/4792 указала: «Ознакомившись с материалами дела, Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР находит, что приговор суда в отношении Врядия подлежит отмене, так как линейный суд, несмотря на тяжесть наступивших последствий, применяя в отношении Врядия наказание по ст. 78—3, ч. 1 УК Узбекской ССР ниже низшего предела, ничем не мотивировал этого.

Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР определила: приговор линейного суда Ташкентской ж. д. от 19 августа 1951 г. в отношении Врядия отменить, а дело о нем направить на новое рассмотрение со стадии судебного разбирательства в тот же суд в ином составе.

**Необоснованное прекращение судом второй
инстанции уголовного дела в отношении
лица, злоупотребившего доверием и при-
своившего государственные средства, вы-
рученные от продажи товаров, полученных
от материально-ответственного лица без
накладной**

Приговором народного суда 4-го участка г. Новороссийска от 15 января 1951 г. осуждена Белова по ст. 1 указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» к заключению в исправительно-трудовом лагере сроком на семь лет без поражения прав и без конфискации имущества. Суд признал Белову, работавшую лоточницей в магазине № 1 новороссийской конторы «Торгмортранса», виновной в том, что 1 марта 1950 г. она получила от бывшего заведующего магазином № 4 той же конторы Стрельцова без накладной папиросы «Беломор-канал» и «Норд» всего на сумму 2924 руб. для розничной продажи, которые затем продала, а вырученные деньги присвоила. Определением судебной коллегии по уголовным

делам Краснодарского краевого суда приговор народного суда в отношении Беловой отменен и дело прекращено по мотивам, что вина Беловой в присвоении государственных средств материалами дела не подтверждена.

Генеральный Прокурор СССР опротестовал определение судебной коллегии по уголовным делам Краснодарского краевого суда по этому делу по следующим основаниям. На предварительном и судебном следствии установлено, что Белова, работавшая лоточницей магазина № 1 новороссийской конторы «Торгмортранса», по договоренности с заведующим магазином № 4 Стрельцовым, знавшим ее по совместной работе в магазине № 1, получила от последнего один ящик папирос «Беломор—канал» в количестве 880 пачек и 400 пачек папирос «Норд», всего на сумму 2924 руб. для розничной продажи. Полученные папиросы Белова продала с лотка сама, а часть с помощью других лиц, и вырученные деньги в сумме 2924 руб. присвоила. Утверждение Беловой о том, что она у Стрельцова папирос не получала, опровергнуто показаниями свидетелей, подтвердивших факт получения Беловой папирос у Стрельцова и то, что в их присутствии Белова подтвердила Стрельцову числящуюся за ней задолженность за полученные у него папиросы.

Соглашаясь с протестом, судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР отменила приговор народного суда и определение Краснодарского краевого суда и направила дело по обвинению Беловой на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия (определение № 18-Д1 пр., 464).

Рассмотрение дела без участия переводчика на языке, непонятном для подсудимого, влечет за собой отмену приговора

По приговору линейного суда Закавказской ж. д. был осужден по ст. 1 указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» Джихвадзе. Джихвадзе признан виновным в том, что он, будучи багажным раздатчиком пассажирского поезда, на ст. Риони похитил из багажного вагона четыре мешка кукурузы. Определением окружного суда железнодорожного транспорта Кавказского округа кассационная жалоба Джихвадзе оставлена без удовлетворения.

Генеральный Прокурор СССР опротестовал приговор линейного суда и определение окружного суда, так как дело Джихвадзе было рассмотрено судом на русском языке без переводчика, хотя из материалов дела не видно, что подсудимый владеет русским языком, чем суд нарушил ст. 22 УК Грузинской ССР, обеспечивающую подсудимому разбор дела на понятном ему языке.

Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР протест удовлетворила и в

своем определении от 31 октября 1951 г. (№ 05/5047-51) указала: «На предварительном следствии Джихвадзе допрашивался на грузинском языке. Все основные документы, приобщенные к делу, также составлены на грузинском языке. В судебном же заседании, в нарушение ст. 22 УК Грузинской ССР, Джихвадзе допрашивался на русском языке без переводчика, хотя из материалов дела не видно, что подсудимый владеет русским языком. Окружной суд, рассматривая дело Джихвадзе по кассационной жалобе осужденного, неосновательно оставил приговор в силе, указав в своем определении, что Джихвадзе в судебном заседании не возбуждал ходатайства о вызове переводчика». Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР определила: Приговор линейного суда Закавказской ж. д. и определение окружного суда железнодорожного транспорта Кавказского округа в отношении Джихвадзе отменить и дело о нем направить на новое рассмотрение со стадии судебного разбирательства в тот же суд в ином составе.

Отмена кассационного определения о переквалификации действий подсудимого

По приговору линейного суда Сталинской ж. д. Павлович осужден по ст. 16 УК и по ст. 2 указа от 4 января 1949 г. «Об усилении уголовной ответственности за изнасилование» к заключению в исправительно-трудовой лагерь сроком на пятнадцать лет. Павлович признан виновным в том, что он 23 апреля 1951 г., следуя в качестве кочегара товарного поезда № 1462, на перегоне Незабудка-Лощкаревка перелез через тендер паровоза на крышу вагона и по крышам вагонов добрался до хвостового вагона, где на тормозной площадке покушался изнасиловать ехавшую там гражданку Н., а когда последняя оказала ему сопротивление, Павлович порвал ей платье, а затем ударом в спину сбросил на ходу поезда с тормозной площадки. Во время падения с поезда Н. получила телесные повреждения. Окружной суд железнодорожного транспорта Донецкого округа, рассматривая дело в кассационном порядке, переквалифицировал действия Павловича со ст. 2 на ст. 1 указа от 4 января 1949 г. «Об усилении уголовной ответственности за изнасилование», считая, что в действиях Павловича нет ни одного из квалифицирующих признаков, предусмотренных ст. 2 вышеуказанного указа.

Генеральный Прокурор СССР, считая определение суда неправильным, опротестовал его, так как из истории болезни, приобщенной к делу, устанавливалось, что Н. при падении с поезда получила сотрясение мозга и повреждение грудной клетки и что падение на ходу поезда представляло прямую угрозу жизни Н. Железнодорожная коллегия Верховного

суда СССР своим определением от 05/503 с материальной коллегией что протест оснований из истинности падения Н. мозга и грудной бедре, не с поезда продления Ивана с по находилась ской желе проживая все время нельзя со суда о те действительный».

Железнодорожный суд СССР окружного округа не и железнодорожного округа рассмотрение

Отмена не окончательная

По приговору городской по ст. 2 Совета Союза с ловой с дарственной к заключению лагеря с признанием обязательно Ленинградского законодательного монтажного шлага в платформе управления чеки, об деньгах, своил 53, получении на лимит Северо-3 считая, двух су

суда СССР протест удовлетворила и в своем определении от 13 октября 1951 г. (№ 05/5030—51) указала: «Ознакомившись с материалами дела, Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР находит, что протест Генерального Прокурора СССР подлежит удовлетворению по следующим основаниям. Из имеющейся в деле выписки из истории болезни видно, что в результате падения на ходу поезда потерпевшая Н. получила сотрясение головного мозга и множественно ссадин на голове, грудной клетке, левом плече и левом бедре, не говоря уже о том, что падение с поезда угрожало и самой жизни Н. Допрошенная в судебном заседании свидетель Иванова показала, что после падения с поезда Н. продолжительное время находилась на излечении в Днепропетровской железнодорожной больнице и сейчас, проживая у брата в Состиевском районе, все время болеет. При таком положении нельзя согласиться с выводом окружного суда о том, что в результате преступных действий не наступило тяжелых последствий».

Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР определила: Определение окружного суда ж. д. транспорта Донецкого округа по делу Павлович, М., отменить и направить дело в окружной суд железнодорожного транспорта Юго-Западного округа на новое кассационное рассмотрение.

Отмена кассационного определения, как не основанного на материалах дела

По приговору линейного суда Ленинградской ж. д. от 24 мая 1951 г. осужден по ст. 2 указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» к заключению в исправительно-трудовой лагерь сроком на десять лет Орлов. Орлов признан виновным в том, что он, исполняя обязанности начальника ст. Батецкая Ленинградской ж. д., 8 августа 1950 г. незаконно заключил договор со строительно-монтажным управлением № 9 на продажу шлака в количестве 15 железнодорожных платформ и, получая от представителя управления Алексева лимитированные чеки, обменивал их в кассе станции на деньги, которые присваивал. Орлов присвоил 536 руб., 360 руб., 875 руб. и 100 руб., полученные им в кассе станции в обмен на лимитированные чеки. Окружной суд Северо-Западного округа железных дорог, считая, что присвоение Орловым первых двух сумм не доказано, и не приводя

никаких мотивов в отношении двукратного присвоения сумм — 875 руб. и 100 руб., переквалифицировал действия Орлова на ст. 1 указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и ст. 109 УК РСФСР.

Генеральный Прокурор СССР опротестовал определение окружного суда, как не основанное на материалах дела, считая, что присвоение всей суммы 1875 руб. материалами дела доказано и что квалификация действий Орлова, данная линейным судом, является правильной, а окружной суд, безмотивно изменяя приговор, не указав, почему вывод линейного суда по делу Орлова является порочным.

Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР протест удовлетворила и в своем определении от 17 октября 1951 г. (№ 05/5038—51) указала: «Окружной суд Северо-Западного округа изменение квалификации действий Орлова со ст. 2 на ст. 1 указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» мотивировал тем, что обвинение Орлова в присвоении денег по двум чекам в сумме 540 руб. и 360 руб. не доказано, так как, по объяснению Орлова, он эти 900 руб., взятые им из станционной кассы в обмен на лимитированные чеки, передал Пухову, осужденному по данному делу. Генеральный Прокурор СССР правильно указывает в своем протесте, что окружной суд в своем определении не привел доказательств, объективно подтверждающих объяснения Орлова в отношении 900 руб. Показания же Алексева, на которые имеется ссылка в определении окружного суда, не могут быть признаны объективными, поскольку Алексева, как сообвиняемый по данному делу, был заинтересован в исходе дела и, кроме того, в своих показаниях Алексей не подтверждал в суде передачу Орловым Пухову всей суммы в 900 руб. Кроме того, окружной суд, признав доказанным обвинение Орлова в присвоении 975 руб., полученных им в станционной кассе в обмен на лимитированные чеки, по одному чеку 875 руб. и по второму чеку 100 руб., не указав в своем определении, почему эти действия Орлова — двукратное присвоение государственных денег — он квалифицирует по ст. 1 указа от 4 июня 1947 г.

Железнодорожная коллегия определила: Определение окружного суда Северо-Западного округа в отношении Орлова отменить и дело о нем направить на новое кассационное рассмотрение в окружной суд Центрального округа.

ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ

ОТВЕТЫ РЕДАКЦИИ НА ЗАПРОСЫ ЧИТАТЕЛЕЙ

Народному суду Уваровского района Московской области

Вынесение правлением колхоза (общим собранием колхозников) неправильного решения или отсутствие такого решения вообще не может служить препятствием для предъявления прокурором в порядке ст. 2 ГПК РСФСР иска о возмещении колхозу понесенного им материального ущерба. Следовательно, вы неправильно поступили, возвратив по этим мотивам прокурору Уваровского района предъявленное им в порядке ст. 2 ГПК РСФСР исковое заявление о возмещении колхозу им. Свердлова материального ущерба, причиненного гибелью гусей.

Прокуратуре Кармаскалинского района Башкирской АССР

Срок прохождения стажа лицами, окончившими юридические вузы, должен включаться в трудовой стаж.

Военному следователю Н-ской части

Процессуальный порядок экспертизы, предусмотренный соответствующими статьями УПК, одинаково обязателен как для тех случаев, когда экспертами являются лица, персонально выбранные следователем, так и для тех случаев, когда экспертами являются сотрудники специального экспертного учреждения.

Эксперты, состоящие на службе в специальных экспертных учреждениях, несут ответственность за заведомо ложное заключение на тех же основаниях, что и эксперты, персонально выбранные следователем.

Народному суду Ново-Черкасского района Акмолинской области Казахской ССР

Ни в действующем законодательстве, ни в судебной практике нет указаний, что надо понимать под словами «крупные размеры» похищенного (указ Президиума Верховного Совета СССР 4 июня 1947 г.). Этот вопрос подлежит разрешению суда в каждом отдельном случае, исходя из установленных судом обстоятельств дела.

Народному суду Комаровского района Черниговской области

Взыскание алиментов на детей производится только до достижения детьми 18-летнего возраста (ст. 42 Кодекса законов

о браке, семье и опеке РСФСР, ст. 30 Кодекса законов о семье, опеке, браке в актах гражданского состояния Украинской ССР и др.). По достижении совершеннолетия (18 лет), дети имеют право на получение алиментов только в случае нетрудоспособности. То обстоятельство, что дети, достигшие 18 лет, продолжают обучаться в учебных заведениях, права на взыскание алиментов с родителей им не дает.

Народному суду Клетского района Сталинградской области

При взыскании по решению суда штрафов, наложенных в административном порядке, это взыскание не может быть обращено на следующее имущество: а) жилой дом с хозяйственными постройками или его части; б) одну корову, а при отсутствии коровы одну телку, а у колхозников также домашнюю птицу, овец, коз и свиней в пределах половинной нормы, установленной Уставом сельскохозяйственной артели, с кормом для них; в) одежду, обувь, белье, постельные принадлежности, кухонную утварь, кровати, столы, стулья, сундуки, лампы, служащие для личного пользования недоимщика и его семьи, все детские принадлежности; г) продукты питания, необходимые для недоимщика и его семьи до нового урожая; д) средства, полученные по социальному обеспечению, а также пособия по многодетности; е) инструменты, необходимые для продолжения кустарного промысла недоимщика.

Областному суду Львовской области

Согласно ст. ст. 10 и 11 УПК Украинской ССР в тех случаях, когда по делу частного обвинения прокурор найдет необходимым вступить в дело при необходимости охраны государственного или общественного интереса, обвинителем по делу должен выступать прокурор, а потерпевший должен рассматриваться как свидетель по делу (см. также ст. 10 УПК РСФСР).

Народному суду 2 участка Кондинского района Тюменской области

При регистрации рождения ребенка матерью, состоящей в зарегистрированном браке, в качестве отца ребенка записывается ее муж.

Если последний признает, что ребенок рожден не от него, он может предъявить иск об оспаривании отцовства.

Поскольку что ребенок не состоял алименты.

Народно

Прокурор не имеет права взыскивать алименты с родителей ребенка, достигшего совершеннолетия, в том случае, если ребенок не имеет нетрудоспособности.

Народно

В тех случаях, когда ответчик, производящий алименты, является лицом, на которого возложена обязанность по содержанию и воспитанию ребенка, алименты взыскиваются с него.

Народно

Лица, состоящие на службе в специальных экспертных учреждениях, несут ответственность за заведомо ложное заключение на тех же основаниях, что и эксперты, персонально выбранные следователем.

Народно

При взыскании алиментов на детей производится только до достижения детьми 18-летнего возраста.

Поскольку решения суда о признании, что ребенок рожден не от данного лица, не состоялось, суд может присудить с него алименты.

**Народному суду Ольховского района
Иркутской области**

Прокурор имеет право предъявить в суде иск только по делам, подведомственным суду. По спору, который в силу закона подлежит обязательному рассмотрению в расценочно-конфликтной комиссии, который не был предметом рассмотрения РКК, прокурор иска в суде предъявлять не может.

**Народному суду 2 участка г. Калуж
Станиславской области**

В тех случаях, когда удержание алиментов не производилось в связи с розыском ответчика, взыскание алиментов должно производиться за весь прошлый период независимо от установленного срока. Размер задолженности в этих случаях определяется судом, исходя из заработной платы или других доходов ответчика в период образования задолженности. Взыскание такой задолженности должно производиться независимо от достижения совершеннолетия лицом, на содержание которого присуждены алименты (пост. Пленума Верховного суда СССР 4 августа 1950 г.).

**Народному суду Омутинского района
Тюменской области**

Лица, осужденные за прогул, теряют свой непрерывный стаж работы в данном предприятии или учреждении и лишаются права на обеспечение пособиями по временной нетрудоспособности в течение шести месяцев со дня вынесения приговора. Что же касается права на надбавки за выслугу лет, то на время отбывания исправительно-трудовых работ выплата их приостанавливается, и это время не включается в срок, дающий право на новые надбавки, не включается это время и в срок, дающий право на отпуск, и в течение срока отбывания исправительно-трудовых работ очередной отпуск не предоставляется (ст. 24 Исправительно-трудового Кодекса РСФСР).

**Народному суду Брюховецкого района
Краснодарского края**

При взыскании алиментов судебный исполнитель не может засчитывать в счет алиментных платежей различные подарки должника своему ребенку, на которого

взыскиваются алименты. Если плательщик желает передать ребенку какие-либо предметы (например, одежду, обувь и т. д.) не безвозмездно, он может договориться об уплате ему необходимых сумм непосредственно с матерью ребенка (взыскательницей), но не через судебного исполнителя.

**Народному суду Вешкаймского района
Ульяновской области**

То обстоятельство, что лицо, с которого взыскиваются алименты на ребенка, имеет большое число иждивенцев и заработок его меньше заработка его жены, которая взыскивает алименты, не может служить основанием к уменьшению размера алиментов, установленного законом (на одного ребенка — $\frac{1}{4}$ заработной платы).

Если дом выстроен на ссуду Сельскохозяйственного банка, то при неуплате задолженности по ссуде взыскание этой задолженности может быть обращено на дом независимо от имущественного положения ответчика.

Члену областного суда Волынской области

На вопрос, могут ли быть соучастники в хищении, предусмотренном ст. ст. 1 и 3 указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», следует дать положительный ответ. Такими соучастниками могут быть подстрекатели, пособники, не участвующие в совершении хищения, укрыватели в случаях, если укрывательство не было заранее обещано. Однако, если соучастник входит в группу лиц, предварительно соорганизовавшихся для совершения одного или нескольких хищений, они должны рассматриваться как участники группового преступления, хотя бы они не были непосредственным исполнителем, а лишь подстрекателями или пособниками. В этом случае действия обвиняемых надо квалифицировать по ст. ст. 2 или 4 указа от 4 июня 1947 г.

**Народному суду Нижегородского района
Крымской области**

Работники финансовых отделов, агенты по поставкам сельскохозяйственных продуктов, судебные исполнители и другие должностные лица, приводящие в исполнение решения суда по различного рода взысканиям, действуют как представители власти. В случае сопротивления граждан этим должностным лицам при производстве ими указанных взысканий виновные подлежат ответственности по ст. 73 Уголовного Кодекса РСФСР.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
В. Тадевосян—Государственная охрана прав детей в СССР	1
С. Бордонов—Строго охранять интересы государства	9
А. Барышев—Последствия непринятия наследства в установленный срок и отказ от наследства	13
К. Комиссаров—Возможность прекращения гражданского дела за вторичной неявкой в суд истца	23
Т. Арзуманян—Некоторые вопросы организации экспертизы	28
К. Чернявский, Б. Клейнер—Усилить борьбу с хулиганством	36
Б. Богданов—Недостатки в постановке преподавания основ бухгалтерского учета в юридических вузах и школах	39
П. Мишуниин—Из истории законодательства о советском суде	41

В ПОМОЩЬ ПРОКУРОРУ

Л. Смирнов—Обвинительная речь прокурора	49
---	----

ОБМЕН ОПЫТОМ

А. Хорхорин—Активная роль суда в судебном следствии по уголовным делам	58
Виноградова—Полезный опыт лучших народных судей Горьковской области	65
С. М.—Народные судьи Саратовской области делятся опытом своей работы . .	66
К. Маркарян.—Справедливая критика	67
Ф. Хилько—Из опыта надзора за законностью деятельности органов милиции	68
И. Карпец—Творческое содружество	70
М. Курилин—Работа по предупреждению хищений—важная обязанность следователя	71

НАМ ПИШУТ

Н. Хрупин—Оценка свидетельских показаний	73
Бирюков—Право зачета заработка при возмещении причиненного вреда	75
А. Гончаров—Необходимо судебное установление фактов регистрации брака	76
А. Карацев—Некоторые вопросы процесса	77

ПО СЛЕДАМ ЗАМЕТОК И ПИСЕМ

	79
--	----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

В. Живейнов, В. Лифшиц—В. Шалагинов, Судья, Очерк	81
С. Юшков—Б. Покровский. История русской политической мысли. Конспект лекций. Выпуск первый	83

ИЗ ПРАКТИКИ ПРОКУРАТУРЫ СССР ПО НАДЗОРУ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОННОСТИ

	87
--	----

ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ

	94
--	----

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

С. И. Зайцев (и. о. редактора), С. В. Бакшеев,
С. А. Бордонов, А. Ф. Волчков, Д. Ф. Карев,
С. П. Митричев, В. С. Тадевосян, Д. Ф. Татаркин

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, Пушкинская, 15а. Тел. К 6-94-50.

Издатель: ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва, Товарищеский пер., 19. Тел. Ж 2-46-67

Технический редактор *Е. Н. Косарева*

А-00143. Сдано в производство 27/III 1952 г. Подписано к печати 11/IV 1952 г. Уч.-изд. л. 10,3
Тираж 34 850 экз. Бумага 70×108¹/₂, 3 бумажных 8,2¹/₂ печатных листов Заказ 1004. Цена 3 руб.

13-я типография Главполиграфиздата при Совете Министров СССР.
Москва, Гарднеровский пер., 1а.

Цена 3 руб.

СС
З

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

Государственное издательство юридической литературы имеет на складе разрозненные номера периодических изданий.

Журнал „СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ“

За 1948 год №№ 4, 7, 11, 12

„ 1949 „ №№ 1, 9

„ 1950 „ с № 6 по № 12

„ 1951 „ №№ 1, 2, 3, 4, 9

Цена одного номера 3 руб.

„СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ВЕРХОВНОГО СУДА СССР“

За 1949 год с № 1 по № 6

„ 1951 „ №№ 3, 4, 7, 8

Цена одного номера 1 р. 50 к.

Указанные номера высылаются наложенным платежом по письменному требованию (без задатка). Требования следует направлять в адрес Государственного издательства юридической литературы: Москва, Таганка, Товарищеский пер., 19.